

АНТОН
ЩЕГУЛИН

АКАДЕМИК

разгильдяй

Антон Щегулин

Академик разгильдяй

<https://litres.ru/74626584>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед смертью пролетает вся жизнь. Так говорят. А у меня пролетела моя нереализованная карьера в науке.

Столько монографий не написано, докторская не получена, а научных статей в столе - десятки. Ненавижу автобусы и декабрьский гололёд!

И тут я получил второй шанс, но уже в 1980-м. И не в абы кем, а студентом того же вуза, что я закончил в прошлой жизни.

Да вот только проблема, предыдущий владелец тела оказался законченным разгильдеем. Драки, пьянки, конфликты, десятки хвостов, дурная репутация, куча предупреждений и риск отчисления.

Сделать карьеру учёного в теле этого лодыря - всё равно, что потушить пожар тапком.

Но в правильных руках даже тапок - огнетушитель.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	51
Глава 5	67
Глава 6	80
Глава 7	94
Глава 8	110
Глава 9	124
Глава 10	141
Глава 11	154
Глава 12	169
Глава 13	183
Глава 14	197
Глава 15	212
Гл	228
Конец ознакомительного фрагмента.	229

Антон Щегулин

Академик разгильдяй

Глава 1

— Мда, тяжело вам придется, — задумчиво произнес я.

— Пожалуйста, поставьте мне зачет, — умолял студент.

Я даже не помнил его фамилии. Он появлялся на парах, дай бог раза три, четыре за весь семестр.

— Нет, всё, идите, — я махнул рукой.

Этот зачёт и без того затянулся, ещё и этот нытик тут сопли разводил. Не выучил? Прими незачёт достойно. С гордо поднятой головой.

— Давайте я заплачу!

Я приподнял брови.

— Слезы не помогут, поверьте. У вас ещё будет возможность пересдать, — сострил я, уже не зная, как себя развлечь.

На самом деле в голове у меня уж с самого утра маячила монография Фролова Станислава Сергеевича, посвященная социальной стратификации. Я мечтал её полностью законспектировать со вчерашнего вечера, когда она попала ко мне в руки.

Но вот незадача, если работать по двенадцать часов в день, организм хочет спать. И я сегодня утром буквально

проснулся у себя за столом.

Мой организм также позаботился об обильном слюноотделении во время сна. Видимо, мне снилась защита докторской, не иначе.

Поэтому слюнявые бумаги с растёкшимися чернилами пришлось выкинуть. Заодно пожурить самого себя за отказ от конспектов на ноутбуке.

Впрочем, если бы я ненароком уснул на клавиатуре...

Я помотал головой, чтобы выкинуть эти мысли из головы и придумать, как уже избавиться от надоедливого студента.

— Нет же, я про деньги! — не унимался он.

В аудитории никого не было кроме него, потому что я принимал всех по—одному. Не любил, когда такому интимному процессу, как зачет, мешали посторонние глаза и уши.

— В билете ничего про деньги не сказано, — я демонстративно поправил очки и заглянул в бумажку, — Меня с кафедры экономики не предупреждали, что пришлют своих студентов.

— Да вы издеваетесь? — он всплеснул руками. — Как нам договориться?

— Пока что здесь поиздевались только над теорией "зеркального Я" Чарльза Кули, — я взял его зачетку, — Нет, ну вы гляньте только. Сплошные удовлы.

Он сидел молча.

Все прекрасно знают, что сначала ты работал на зачётку, и только потом зачётка работала на тебя.

— Всё, зовите следующего, — я закрыл зачетку и вернул ему, — Много вас ещё там?

— Только Лаврентьева, — буркнул он и забрал зачетку.

— Пусть заходит, — я откинулся на стуле и задрал голову, — Наконец-то этот день закончится.

Я посмотрел на часы, уже было двадцать пятнадцать. Если бы существовало соревнование по самым затяжным зачётам, я бы обскакал коллег на раз два.

Зашла Лаврентьева. Красотка, каких поискать. Юбка, слава богу до колен, а то я бы её только за внешний вид отправил на пересдачу. Блуза белая, застегнутая на все пуговицы. Каблуки. Ну, разумеется. На зачет к мужчине, которому едва исполнилось тридцать пять — только в таком виде. Это у всех симпатичных студенток было так заведено.

И это первый признак, что не учила.

Второй признак, что не учила — я видел её впервые.

Ни на одной лекции, ни на одном семинаре её не было. Я тут же посмотрел в список допущенных к зачету. На удивление она там присутствовала.

Как ей удалось это проверить? Впрочем, что написано пером, то не вырубить топором. Если в списках присутствовала, значит надо было принимать.

— Так, присаживайтесь, тяните билет, произнёс я со всей строгостью, чтобы не подавать виду, будто устал.

Она молча устроилась напротив меня. Улыбнулась. Личико очень миловидное. Каштановые волосы убраны в аккурат-

ный пучок.

— Вперёд, — я жестом пригласил её к ответу, — Вижу, что готовились, правда, не уверен, что конкретно к предмету.

Она улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Чего же молчите? — поглядывая на часы, спросил я.

Она мне протянула бумажку. И я тут же закрыл лицо рукой. Опять будут всякие непристойные предложения, взятки или чего хуже — любовное письмо.

Не желая даже знать, что там, я отодвинул бумажку обратно.

— Лаврентьева, если это не тайный шифр, благодаря которому я бесплатно получу все собрание научных трудов Ядова, то меня это не интересует.

Но она настаивала и снова подвинула мне бумажку. А я снова её отодвинул. Через пару мгновений это превратилось в какой-то абсурд, мы только и делали, что двигали бумажку друг другу, словно она была прокаженная.

Наконец я не выдержал и раскрыл её.

— Да что же... — прочитав, завис ненадолго. — Глухонемая?

Она улыбнулась и начала кивать.

— Какой же бардак, — я помотал головой, — Прошу прощения, Лаврентьева.

* * * * *

Несмотря ни на что, зачёт она получила. Правда, чтобы

принять его, мне пришлось коммуницировать с ней через её смартфон. Она под села рядом и печатала всё прямо при мне.

Духи были отменные у этой девицы. Я даже допускал тот факт, что она получила зачёт только из-за них. Потому что я совершенно не помнил, что она отвечала.

Настолько этот флёр затуманил мой рассудок. А может быть я просто устал потому что толком не спал несколько суток.

В любом случае, отправлять её на пересдачу было бы зверством с моей стороны.

И это притом, что я был самым жестоким преподам на кафедре. Даже старожилы советских времён, воспитанные в самых строгих условиях, поглядывали на меня с опаской.

Но меня это всё мало волновало. Что по-настоящему будоражило — это возможность написать ещё десяток научных статей за ближайший месяц, ссылаясь на монографию Фролова.

Мало какие научные труды пробуждали во мне столь необузданный, глубокий интерес к предмету. Поэтому выход его монографии я ждал с нетерпением. Ибо по-настоящему серьёзных работ в области социологии за последний год по пальцам пересчитать.

Даже зарубежных.

Но мой путь домой вновь прерывался.

— Алексей Анатольевич!

Я аж подпрыгнул и выронил портфель из рук. В полёте он

раскрылся, а бумаги полетели в стороны.

Я закрыл глаза, выдохнул и поправил очки. То была студентка. И на удивление та, чью фамилию я хорошо помнил.

— Додонова, — улыбнулся я, — помимо полученного автомата, вы в свою копилку хотите добавить полученный мною инфаркт?

— Простите ради бога! — опешила она.

— Я прощаю только ради науки, — гордо ответил я и принялся собирать бумаги, Но вас прощать мне даже не придётся, потому что вы ни в чём не провинились.

Она тут же кинулась мне помогать. На полминуты повисла пауза.

— Когда вы уже наконец поймёте? — внезапно спросила она.

— Пойму что, Додонова? Если вы про "арт-терапию" Густава Юнга, то я этого никогда не пойму. Всё остальное вполне могу.

— Нет же! — она сунула мне бумаги в руки и топнула ногой. — Вы никак не поймёте, что вы мне нравитесь. Будь проклят этот ваш Юнг!

Я сделал вид, что меня эта новость никак не удивила. Хотя в глубине души совсем не ожидал подобного развития событий.

— Поверить не могу, — произнёс я, — если бы я только знал, что зачёт автоматом имеет такой эффект. Да и проклинать Густава Юнга это уже перебор. Я бы предпочёл просто

передать его работы забвению.

— Да что вы такое несёте?

— Так, дамочка, полегче с выражениями! — пригрозил ей я. — Что с вами произойдёт, если пятерку на экзамене автоматом поставлю? Вы прилипнете ко мне, как банный лист?

Я уже шёл вдоль коридора, заталкивая бумаги в портфель, а она семенила рядом. Девчонка-то была вполне ничего, складненькая, живая, энергичная.

Да вот только мне, как преподавателю романы со студентками были запрещены. Но даже, если представить, что всё-таки можно, я бы скорее поставил зачёт автоматом Лаврентьевой.

Она бы стала идеальной женой, что не говорила мне под руку. А то в первом браке я уж прилично натерпелся от своей суженой.

И думая об этом, я пытался понять вообще насколько далеко я способен зайти в своём местах неадекватном юморе? И в какой момент стоило остановиться?

— Стойте же! — она буквально остановила меня, уперевшись ладонью в грудь. — Я честно и ответственно заявляю, Алексей Анатольевич, вы лучший мужчина, которого я встречала. И я сделаю всё возможное, лишь бы мы с вами пошли на свидание. А там уж будь, что будет. Вот!

Я взглянул на часы. Уже почти девять, пока буду ехать домой, уже десять. Конспектировать часа три смогу, потом меня просто вырубит, потому что на этой неделе я совсем

мало спал.

И как только её не отпугивали мои синяки под глазами?

— Ну всё, Додонова, прекратите, — я начал поправлять очки, — Что вы устраиваете в конце концов?

Внезапно, она стала в разы более мягкой, её поза с воинственной сменилась на застенчивую. Взгляд стал более томным, а щёки порозовели.

— Я просто хотела поговорить с вами наедине, — тихо произнесла она, держа палец у кончика губ, — Вы не обращали на меня никакого внимания. Весь семестр. А я ведь ходила на каждый факультатив. Я оставалась после каждого семинара.

Да, и из-за этого я всегда приходил домой поздно.

— Вы большая молодец, Дарья, не зря вы единственный человек на потоке, удостоенный зачёта автоматом.

Я пошёл в сторону выхода, а она снова семенила рядом.

— Алексей Анатольевич, я упёртая не только в делах учебных. Но и сердечных.

Звучало, как угроза. Я кивнул охраннику на выходе, и мы с Додоновой оказались на улице. Морозило. Декабрь. Её щеки залились румянцем ещё гуще.

— Ох, Додонова, ну нельзя мне, поймите, во-первых, по этическим соображениям...

— Да и что! — воскликнула она, перебив меня. — Уже в следующем семестре я не ваша студентка, а значит нам будет можно.

Технически она была права, но по факту это была невероятно скользкая дорожка.

Я огляделся по сторонам. Переход через дорогу припорошило снежком, а на той стороне была спасительная остановка, откуда я планировал уехать на автобусе домой.

— Знаете, Додонова, а таких упорных студенток мне судьба подкинула впервые.

— Что вы имеете ввиду?

— Ну как что? Вы — упорная и целеустремленная, Лаврентьева — пусть и глухонемая, зато всё выучила, пришла, уверенно сдала.

— Но она не глухонемая, — тихо произнесла Даша, — нормальная, как и все.

У меня челюсть отвисла.

— Чего-о?

— Ну мы разговаривали с ней пару раз, — сказала Даша, — Может быть, у неё какая-то недавняя травма?

— Черт!

Я готов был бросить свой портфель в сугроб.

— Она меня провела вокруг пальца, — всплеснул я руками, — Обалдеть. Знаете, Додонова, когда станете преподавателем, всегда, слышите, всегда запоминайте студентов и их фамилии. Надо будет — следите за ними, иначе они вас обведут вокруг пальца, как это сделали со мной.

Она растаяла, на лице появилась довольная улыбка.

— Вы правда думаете, что я стану преподавать?

— Да, и вполне успешно. У вас для этого всё есть, — воспользовавшись заминкой, я начал идти спиной к пешеходному переходу, — Целеустремленность — самое главное. Но ещё важнее острый ум и умение отстоять свою позицию.

Она предательски шла за мной, словно от меня веяло шлейфом афродизиака.

— Аспирантура, уж поверьте мне, самое интересное, что происходит в жизни молодого учёного. Скажите, вы планируете поступать в аспирантуру?

Она кивнула.

— Замечательно, — я продолжал шагать к переходу, изредка на него оглядываясь, — берите пример с меня и моих коллег, мы никогда не останавливаемся. Всегда идём только вперёд. Это касается не только написания статей, монографий и роста по службе. Я вообще, знаете ли, медленно поднимался вверх по карьерной лестнице. Должность доцента можно получить существенно раньше тридцати пяти. Но несмотря на неудачный брак и потерянное время в армии, я добился своего, Додонова. Вот, что значит постоянно двигаться вперёд.

— Стойте! — закричала она.

— Нет нужды останавливаться, Дарья, только вперёд! Вы меня вообще слушаете?

— Да стойте же вы!

— Ни за что в жизни, Дарья, иначе, к чему был весь мой монолог?

— Там автобус!

И только через мгновение я осознал. Сам того не замечая, я вышел на пешеходный переход. На дороге был гололёд и прямо в меня летел тот самый автобус под номером "209", на котором я каждый день добирался до МИУ. Вряд ли я бы успел отпрыгнуть.

— Конспектируйте ежедневно!

Выкрикнул я за секунду до того, как вокруг всё потемнело.

Эх, а вот если бы меня Додонова не задержала, я бы уже спокойно конспектировал дома.

* * * * *

Уже готовый попасть в научный рай, где меня бы окружали только конспекты, вырезки из газет, журналов, ВАКовский сайт с регламентом подачи заявок и, конечно же, бесконечное количество чистой бумаги, на которую я был готов наброситься с шариковой ручкой, как голодная гиена, я осознал, что что-то не так.

Тело не болело, сердце билось ровно, а дышал я в такт какой-то музыке, которая доносилась извне.

Не похоже на научный рай.

Моё сознание должно было превратиться в мельчайший сгусток чистой энергии. Он же обязан был осесть за пределами вселенной, путем квантовой телепортации.

Единственное место, где мне суждено было обрести покой навсегда.

Однако, я находился точно не в этом месте. Потому что отчётливо ощущал собственные руки, ноги, да и вообще организм в целом.

Так может я и не помер вовсе?

Или это фантомные ощущения энергетического сгустка, который некогда был человеком? Оно же так бывало, когда человек лишался ноги, а потом у него начинала чесаться пятка.

Но нет, я открыл глаза. Точнее продрал. К прежним ощущениям добавилась адская ломота во всём теле.

Картинка плавала и раздваивалась.

Да я в стельку пьян!

Какой кошмар, это очень плохо для когнитивных функций моего мозга. Каждая попойка уничтожала тысячи нейронных связей. Поэтому я пил лишь однажды. На свой восемнадцатый день рождения.

И это был худший день рождения в моей жизни. Уверен, что я написал кандидатскую диссертацию на месяц позже назначенного, именно из-за того дня рождения.

В то восемнадцатилетие я убил в себе с десятков тысяч нейронных связей. И жалел об этом каждый день после.

Вокруг творилась какая-то вакханалия. Передо мной пустая бутылка водки, пустая тарелка из-под салата. Похоже, это был оливье. Но нельзя было знать наверняка.

Я лишь молился о том, чтобы я не съел ни ложечки этого салата. Ибо если судить по остаткам, он буквально плавал в

майонезе. А жиры сильно притупляли работу мозга.

О господь науки, как же болела голова. Это просто ужас. По ощущениям, я словно пережил кому, не иначе.

В ногах я обнаружил ещё одну пустую бутылку столичной. Сердце начало колотиться, как бешеное. Организм был в шоке, что я проснулся на какой-то адской попойке.

А может быть религия была права? Может существует чистилище? Или я и вовсе в аду?

Это было очень похоже на ад. Всё то, что я всей душой ненавидел присутствовало.

Громкая музыка, горлопанящие студенты, алкоголь, дрянная еда с малым содержанием белков и углеводов и, конечно же, духота.

Из всего, что могло мне помешать сосредоточиться на науке, духота, пожалуй, находилась на одном из первых мест. Прелый воздух притуплял мозг не хуже алкоголя, а при длительном контакте и вовсе приводил к гипоксии.

А гипоксия это смерть нейронных связей. Мне вот оно надо? Я планировал заниматься наукой до глубокой старости. Лет до ста.

Собрав всю волю в кулак я поднялся со стула и тут же мой вестибулярный аппарат выдал талон на прочищение желудка.

Содержимое стремительно вырывалось наружу, и я метнулся к первой попавшейся двери, благо это оказалась ванная комната.

Закончив это мерзкое дело, я с ужасом обнаружил то, чего видеть бы не хотел.

Я всё-таки объелся этого треклятого оливье.

Учитывая мою любовь к чистоте, я провёл в ванной добрых минут сорок, закрывшись на щеколду и наводя порядок. А надо сказать, что последствия попойки здесь были далеко не самым худшим проявлением беспорядка.

Под потолком огромная паутина с пауком в центре, раковина видала лучшие времена, а под ногами у меня было столько пыли, что я поначалу был уверен, что это дешёвый ковёр.

И разумеется, мой любимый запах застоявшегося воздуха. Ну куда это всё?

Ровно через сорок минут, я привёл это место в порядок. Ванна буквально засияла, нужно было только хорошенечко её оттереть. Пыль была собрана, в том числе и под ванной.

Кстати, тут и тараканы обнаружились. Неудивительно. Ведь под раковиной была куча мусора.

Кое-как я нашёл пакет, запихнул туда всё, что в ванной находиться не должно было.

В конце концов я начал засматриваться на вытяжку. Она явно работала, но плохо. Потому что решётка забилась пылью. А ещё этот паук, который на меня жалобно поглядывал.

Прости, друг, во имя чистоты придётся тебя переселить. Я аккуратно загнал его на салфетку и отправил гулять.

Убивать пауков не любил, потому что они жрали комаров, мошек и прочую дрянь, которая доставляла куда больше неудобств, чем чернобрюхий Жора, отдыхающий в углу потолка.

Из вытяжки я вытянул не только кучу пыли, но и кучу волос. И как они туда только попали?

Внезапно в ванную стали колотить.

Открой ванную! Быстро! слышался женский голос.

Санитарный день! крикнул я.

Да открой же!

Занято!

Дима, ты что ли? Ты же уснул!

Я не Дима, всё, ждите. Ванная занята.

Я наводил последние штрихи влажной тряпкой. Как только заработала вытяжка, стало гораздо комфортнее и прелый воздух начал постепенно выветриваться.

В смысле не Дима? Ты меня за дуру держишь? Открывай или я попрошу ребят выломать эту дверь.

Так, голубочка, рявкнул я, Вы с преподавателем как разговариваете? Это я ещё не добрался до всего вашей тусовочки. И как меня только угораздило здесь оказаться?

За дверью слышались разговоры между девчонками.

Белку словил, небось?

Преподавателем он ещё не был.

В последний раз он был космонавтом.

Я решил не обращать внимания на все эти перешёптыва-

ния, мне это было совершенно не интересно.

Наконец я приступил к протиранию зеркала и тут меня окатило словно ледяной водой. Передо мной был кто угодно, только не я сам. Взъерошенный студент крепкого телосложения в майке-алкоголичке, с каштановыми волосами.

Выражение моего лица описывало весь мировой нигилизм, который только существовал. Если бы я встретил такого студента, я бы уже за пофигистический взгляд не допустил до зачёта.

У молодняка должны гореть глаза, они должны полыхать жизнью. А этот...

Этот смотрел на меня с дурацкой ухмылкой и абсолютно стеклянными глазами.

Рит, он четыре бутылки на спор выдул! слышался шёпот за дверью.

Да не четыре, а две с половиной! ответила Рита. Остальные выпил Ваня. Он сейчас слюни пускает в общем коридоре. Проиграл спор.

Да как только он выжил после двух с половиной бутылок?

Его однажды током из трансформаторной будки жახнуло, тоже на спор залез. Так ничего, встал и пошёл дальше.

Они это всё обо мне?

О, господи, если ад и существовал, то я находился прямо в нём. Я этот чёртов Дима, который вёл самый паскудный образ жизни, что я только видал в своей жизни.

ДА ЧТОБ ВАС ВСЕХ! Я НЕНАВИЖУ «209» АВТОБУС!

Глава 2

Я вывалился из ванной и огляделся вокруг. Куча девчонок, каждая краше другой. Все смотрели на меня и хихикали. Внезапно подошёл какой-то пьяный гитарист.

Диман! Ну ты даёшь, как ты вообще... Ик... Да, как ты вообще? Как сам?

От всего происходящего я почти моментально протрезвел. Всё тело покрылось липким потом, сердце колотилось, как бешеное. Мне нужно было срочно покинуть это помещение и оказаться где-то, где тихо и безлюдно.

Я моментально дёрнулся в коридор, схватил первую попавшуюся куртку и надел ботинки. Сзади слышались разговоры девчонок и парней.

Нифига у нас в ванной свежо?

Это Дима что ли напидорил?

А кто ещё?

Эй, Диман! Оставь мою куртку! Куда ты намылился?

Но я не слушал, я уже спускался по лестнице вниз. И эта лестница казалась мне до ужаса знакомой. Затем я вывалился наружу. Вовсю валил снег, вокруг сновали люди. Ко мне подбежала компания студентов, какая-то девчонка поцеловала меня в щёку, обняла и завопила.

С новым годом!

Затем, все они пошли дальше.

Пойдёмте с горки покатаемся?

Да, давайте!

Мда, не такой обстановки я ожидал от улицы. И где вообще я мог бы уединиться и хорошенько обдумать происходящее.

Я начал оглядываться по сторонам.

Знакомое дерево, знакомая дорожка, знакомый корпус.

Лабораторный корпус ГУУ!

Это же мой университет. Тогда какого чёрта я блин не я, а какой-то Дима? Я бы с радостью мог всё списать на галлюцинацию в зеркале, если бы меня каждый встречный поперечный не называл по имени.

Внезапно ко мне подошёл мужчина в возрасте с роскошными раскидистыми усами, в длинном двубортном коричневом пальто и шерстяной шапке-ушанке.

Он снял перчатку и протянул мне мясистую ладонь.

Ну что, Поршневу, с Новым годом тебя, с новым счастьем.

И вас... я запнулся и пожал руку, Так же.

Хоть в этом году возьмёшься за ум? Мы ведь оба знаем, что когда захочешь, ты всё прекрасно можешь. Бросай уже этот свой бокс и баскетбол. Целыми днями напролёт в зале проводишь. За ум возмись.

Х-хорошо, снова запнулся я и оглядел его с ног до головы.

Это явно был какой-то важный человек на кафедре. Но из-за тумана в голове я даже не мог вспомнить, как его звали.

Поршневу, гаркнул он, приблизившись ко мне, от тебя

опять пахнет перегаром!

Никак нет, растерялся я, Точнее, это досадная ошибка. Я ненавижу алкоголь. Он тормозит когнитивный функционал мозга. Вот вышел подышать. Внутри какая-то адская парилка, думать невозможно.

У него аж брови подскочили от изумления.

Ха! Романов никогда не ошибается! он тыкнул себя большим пальцем в грудь. Ты и вправду меняешься, неужели так бывает? Впрочем, я знал, что рано или поздно достучусь до тебя.

Он похлопал меня по плечу.

Молодец, улыбнулся он, Ты смотри, Поршневу, январь быстро пролетит, а там уже и весна на носу. Чтобы успешно выпускиться, тебе понадобится сильно постараться. Много у тебя там долгов накопилось? Только честно.

Долгов?! на этот раз у меня глаза на лоб полезли.

Хм, возможно, я поторопился тебя хвалить.

Выпуск в этом году. Я на пятом курсе. Долги? Неужели я был настолько плох? Нет, нет, нет, быть того не может, чтобы я умер и переродился в теле студента, который учился через пень колоду. Хоть бы там была лишь пара долгов. Моё нежное сердце не выдержит этой трагедии. Как я буду жить в теле этого оболтуса?

Хоть бы это всё был лишь сон.

Нет, нет, эм... товарищ Романов!

Он нахмурился.

Долги все сдам, не переживайте, улыбнулся я, Делов-то? Раз два и готово.

Ну смотри, пригрозил он мне пальцем, я за тебя четыре года вписывался. Если не потянешь, больше тянут не стану.

Я вас не разочарую.

Он пошёл дальше праздновать. И только сейчас я обратил внимание на то, что все окружающие были крайне странно одеты. Это был какой-то тематический Новый год а-ля восьмидесятые?

Рейтузы, юбки, пальто, цветные шерстяные шарфы, шапки-ушанки. Я глянул на свою куртку это была и вовсе советская авиаторка с высоким воротом.

Снова прогремел салют, а мне становилось зябковато. Я решил пройтись.

Морозило знатно, но остатки водки в организме немного согревали.

То есть, я баскетболист, боксёр, пьянчуга, да ещё и отморозок, который суёт руки на спор в трансформаторную будку? Ну дела. А успеваемость? Это же вообще тихий ужас. За всю прошлую жизнь у меня не было ни единого прогула, ни единого удова, ни единого незачёта.

А судя по словам Романова, за мной сейчас тянулась целая вереница долгов. И все эти долги я должен был закрыть за второй семестр. Иначе что? Правильно, армия. Ну или второй год, что, возможно, даже хуже, чем армия.

Ведь в армии я уже побывал в прошлой жизни, мне хвати-

ло на пять жизней вперёд. А вот на второй год я ещё нигде не оставался. Это же какое позорище? Как я вообще доучился до пятого курса и меня не поперли отсюда?

Ну да, возможно, это всё благодаря Романову. Он сам сказал, что вписывался за меня все эти четыре года. Интересно, чем я заслужил его покровительство?

В голове по-прежнему гулял туман. Где-то из недр я точно мог достать нужные воспоминания, но пока окончательно не протрезвел, это казалось невозможным.

Внезапно подбежали другие студенты с бенгальскими огнями в руках и начали водить хоровод вокруг меня. Я глядел на всё это с недоумением.

Мне тут же захотелось осмотреть университет. В конце концов знакомые коридоры это было единственное, что могло меня немного успокоить.

Я зашёл внутрь лабораторного корпуса. Всё те же полы из известняка, та же лестница на второй этаж из кремового травертина с массивными лакированными деревянными перилами.

Я тихонько поднялся на второй этаж и увидел знакомые деревянные двери. 222 кабинет. Когда-то я тут работал в архиве. Правда, было это в прошлой жизни. Завернув направо, я попал в пролёт между лабораторным корпусом и корпусом поточных аудиторий.

Я обожал читать там лекции. Прекрасная инсоляция, простор, отличное эхо. Даже микрофон не нужен.

Заглянул в одну из аудиторий, оттуда повеяло ностальгией. Я улыбнулся. С каждой минутой мне становилось всё лучше и лучше.

Я прошёлся ещё дальше, наконец дошёл до научной библиотеки. Разумеется, она была закрыта. Но в голове сразу пронеслись сотни ностальгических воспоминаний о том, как я проводил там дни и ночи за исследованиями и конспектами.

Затем я поднялся снова по травертиновой лестнице. Глядя на деревянные, массивные перила, я улыбнулся. Любил в студенческие годы хулиганить, кататься по ним вниз. Перила скользкие, но широкие. Упасть сложно, зато разгон мама не горюй. Страшно было.

Эх, как же классно было.

Я не удержался, поднялся по лестнице наверх, а затем проскользил вниз. В груди аж потеплело. Через пару мгновений я уже шагал по очередному стеклянному пролёту в надежде увидеть столовку. И я её увидел.

Сколько обедов там было съедено? Не счесть. Наконец вернулся обратно, завернул в лабораторный корпус, поднялся на третий этаж и отправился в главный учебный корпус. Мне хотелось дойти до ректората на седьмом этаже и просто постоять, подумать.

В окнах снова слышались взрывы фейерверков. А я наконец дошёл до пролёта. Которого не оказалось.

Просто стена.

Я сначала ничего не понял. Поднялся на четвёртый этаж, чтобы проверить, ведь на четвёртом тоже был идентичный пролёт. Но нет. Тоже пусто.

Куда пролёт подевался? И как теперь попасть в главный учебный корпус?

Однако, мои измышления были прерваны.

Поршак, послышался мужской голос позади, заблудился что ли?

Я обернулся. То была толпа из пяти человек. Каждый выглядел не очень. Прямо отборная шпана. Одеты так себе, бритые налысо, на каждом массивная чёрная расстёгнутая куртка.

Ещё двадцать семь и будут богатыри, как на подбор. Только пьяненькие.

Ты мне? переспросил я.

А что тут ещё кто-то есть? Поршак, где бабки?

В поликлинике, где же ещё?

Ты давай со мной не остри, а то я тебе твою острилку порежу.

Он достал нож-бабочку и виртуозно ею покрутил в руке. Он был выше остальных, широкоплечий, с нависшими надбровными дугами. Глаза маленькие, даже цвета не разглядеть. Тем более в коридоре было темно. Шея бычья, явно борьбой занимался. Уши ломаные.

Ну порежешь, а дальше что? По камерам тебя отследят и всё, на зону поедешь, ухмыльнулся я, Ума палата.

Все пятеро нахмурились.

Какие ещё камеры, Поршак? Ты фотографов позвал что ли? Никого не вижу пока.

Я закрыл лицо рукой. Неужели они настолько тупые?

Короче, кто бы ты ни был, кому должен, всем прощаю, махнул рукой я, Мне нужна тишина.

С этими словами я пошёл мимо них, но коренастый меня резко толкнул. Да с такой силой, что будь я в прошлом теле, обязательно упал бы. Однако, тут у меня рефлексы сработали неплохо, и я остался стоять на ногах.

Поршак, я тебя предупреждал, чтобы ты один не гулял после того случая. Во-первых, ты бабло должен, во-вторых, ты нашего пацана по беспределу вырубил. Надо покумекать на этот счёт. Ситуация вышла, сам понимаешь.

Я засунул руки в карманы, задрал голову и громко выдохнул.

Ну и сколько я вам должен?

Пятнадцать рублей, память совсем дырявая?

Я аж рассмеялся в голос.

Пятнадцать рублей? Ты меня из-за пачки жвачки хотел порезать?

Я не мог остановиться и продолжал смеяться. Меж тем пацаны переглянулись меж собой, недоумевая.

Ты чего ржёшь, Поршак? уже грозным голосом начал главный. Я ж тебя внатуре порежу ща!

Да подожди, подожди, я начал рыться в карманах, Сейчас

найдем тебе твои жалкие копейки.

Я ещё раз прыснул со смеху.

Копейки? А ты богатый что ли стал?

Скорее это у тебя запросы мелковаты.

Я вытащил из внутреннего кармана бумажные деньги и развернул. И тут уже пришлось приглядеться. Не те деньги, к которым я привык. Я присмотрелся.

«Государственный казначейский билет СССР 5».

Что? нахмурился я.

Гони сюда!

Он выхватил у меня деньги. Там как раз было три пяти-рублёвых.

Да подожди, это не те деньги, буркнул я.

В смысле не те? удивился он.

И тут я пригляделся внимательнее к его реакции. Похоже, бугая всё устраивало. А значит можно было прикинуться дурачком.

А нет, нет, улыбнулся я, Те самые. Гребите и валите.

Чего ляпнул?

Я говорю берите и тратьте на здоровье.

Пададжи, Поршак, мы ещё не закончили. Пацаны хотят, чтобы ты ответил за Гришаню.

Какого ещё Гришаню?

Которого ты вырубил по беспределу.

Что ж, похоже, что он проиграл в честной драке, бывает, ничего не поделать. Это как не сдать зачёт. Всегда можно

прийти на пересдачу и не сдать снова.

Не, Поршак, так не пойдёт, либо ещё пятнарик сверху, либо мы тебя тут сейчас уработаем по полной.

Ты бы когнитивные функции на парах так подключал, как свои спекуляции сейчас, глядишь уважаемым человеком бы стал к выпуску.

Чего-о?

Ничего, вон ректор идёт, я показал пальцем им за спины.

Они, конечно же, повелись.

А я воспользовался заминкой и проскользнул мимо большого, затем меня попытался схватить правый, а после левый. Но ни у кого из них ничего не получилось. Я оказался в той части коридора, где меня зажать уже не получилось бы.

Да, пацаны, пригубили что ли в честь Нового года?

Хватай его!

Я понёсся вперёд, сам удивляясь своей реакции и скорости. Драться я ни с кем и ни за что не собирался. Любая драка это удары по голове, я попросту отупею к сорока годам, если буду получать по башке от таких лысых идиотов.

У меня были совершенно другие планы на эту жизнь.

Дыхалка у них, к слову, была не очень, поэтому я даже остановился и станцевал. Настолько у меня было игривое и весёлое настроение.

Ну же, ребят, какие разборки, если вы бегать толком не умеете? рассмеялся я, стоя на другом конце коридора.

Тебе конец, мартышка! гаркнул главный, переводя дыха-

ние.

Тебе это сказали на экзамене по культурологии? крикнул я и понёсся со всех ног по коридору.

Я периодически оглядывался назад, чтобы убедиться, что они остались далеко позади. И это была ошибка. В один момент я попросту не заметил огромный цветочный горшок, налетел на него со всей дури и кубарем покатился вперёд, извалявшись в земле и оторванных листьях.

Грохот стоял страшный. Эхо разлетелось по всему коридору, а я сбил себе дыхание из-за неудачного приземления на спину. Какое-то время я лежал и чуть ли не прощался с жизнью, потому что дышать было совершенно нечем. Но наконец я обрёл вновь возможность дышать.

Открыв глаза, я понял, что надо мной нависли две тёмные фигуры в фуражках. Не было никаких сомнений, что у меня будут проблемы из-за происходящего.

И я проклинал себя за ту безалаберность, которую себе позволил. Переродился в теле студента и первое, что решил сделать это устроить потасовку. Таким способом я вряд ли добьюсь желаемого.

Я сел на полу, перевёл дыхание и посмотрел вверх на представителей закона.

Ну что ж, товарищ, вот вы и добегались, произнёс один из них, проследуйте за нами в отделение.

* * * * *

Уже когда мы вышли из здания университета, я прочёл на

нём МИУ вместо привычного ГУУ. Уже будучи на заднем сидении жигулей, я осознал, что это вовсе не тот год, о котором я думал изначально. И уже по прибытию в отделение, я краем глаза увидел кусочек газеты, где было написано:

«Товарищи, с новым 1980-м годом!».

До меня окончательно дошло, что вокруг вообще происходило, и куда я попал. Стало понятно, почему не было Главного учебного корпуса. Его построят лишь через пятнадцать лет в 1995 году. Вместе с ним не было и Центра учебно-воспитательных программ, не было бизнес-центра на территории университета.

Но это значило, что тут всё ещё были прекрасные, раскидистые яблоневые сады, которые полностью вырубili уже в двухтысячных. Здесь также наверняка остались сады сирени, которая зацветёт в мае и будет радовать всех аллергиков вуза своим бесподобным запахом.

Значит, 1980-й год, говорите, выдохнув, произнёс я.

Ты гляди на него, произнёс милиционер, До белочки допился.

Я уже давно протрезвел, вздохнул я, Слушайте, товарищи милиционеры. Отпустите, а? Стыдоба-то какая.

Мне было так грустно находиться в отделении, что хотелось лезть на стену от позора. В прошлой жизни меня с милицией связывал разве что интернет. Ни разу в жизни меня не останавливали на улице. И уж тем более никогда не привозили в отделение.

А чего стыдиться, Поршневу? Ты у нас гость частый, репутация у тебя дурная. Вот и посидишь. Новый год продолжишь праздновать, как протрезвеешь.

Частый? искренне удивился я.

Ну точно до белки допился, Васильич, хмыкнул первый, Может его двое суток подержать?

А сами что делать будем? Бдеть двое суток? Посидит несколько часов и хватит. Безобидный он, если его палочкой не тыкать, пробубнил Васильич.

Ну приплыли, я ещё и по отделениям ходок. Ужас. Просто ужас. Нет, с этим надо однозначно завязывать. И не просто потому, что мне не нравилась сложившаяся ситуация.

На дворе 1980-й год. Социалистический строй, никаких технологий, интернета и прочего. Если я вылечу из универа, у меня не просто не будет никаких возможностей. Я потеряю доступ к библиотеке, к базе научных знаний.

Я не смогу заниматься любимым делом. Отправлюсь прямиком на зону или в Сибирь на заработки. Я ничего не имел против реальных работяг и глубоко уважал их труд. Но и присоединяться к ним не было никакого желания.

Мне нужно было конспектировать, конспектировать, конспектировать. Как завещал батюшка Ленин. Меня не интересовали интриги, меня не интересовала политика, меня не интересовали гулянки, попойки и даже вкусная еда.

Меня интересовала моя карьера учёного, которую я профукал, померев в прошлой жизни.

Эх, кажись, Додонова сильно расстроилась. Подумать только, секунду назад она призналась мне в своих чувствах, а в следующее мгновение меня перемолотило под колёсами автобуса.

Готов поспорить, что это был автобус с гармошкой. Двухсекционный. Потому что с моей удачей в прошлой жизни, я не мог рассчитывать на смерть под четырьмя колёсами. Должны были быть все шесть.

Бедная Дашка. Такое увидеть своими глазами никому не пожелаешь. Но что поделать, у меня теперь появился второй шанс.

И внезапно, я начал улыбаться во все зубы. Да так искренне и самозабвенно, что милиционеры покрутили пальцами у виска, и махнули руками.

1980-й год. Московский институт управления. И я, который знает всё про свой любимый универ, знает все предметы на зубок и уже когда-то защитил кандидатскую.

Я сделаю самую блистательную карьеру учёного в истории этого вуза. Надо лишь разобраться с хвостами по учёбе. Плëвое дело.

Глава 3

Двадцать четыре хвоста?!

Я заорал от ужаса, когда увидел свою зачётку днём первого января.

Двадцать четыре?! И всё это закрыть за семестр?!

Внезапно зашёл мой сосед по общежитию и бросил сумку в угол.

Ты чего орёшь, Порш? Давно зачётку не открывал?

ДВАДЦАТЬ! ЧЕТЫРЕ! ХВОСТА! я чуть ли не рыдал.

Даже будучи всемогущим всезнайкой, который мог прогнать каждого студента по большинству дисциплин, тыкая его носом в ошибки, закрыть двадцать четыре долга было нереально.

И как только я вообще доучился до пятого курса? Это же просто нонсенс! Да меня должны были пинком под зад выкинуть отсюда уже с десятью хвостами.

Высшая математика?! воскликнул я. Матан же на первом курсе сдают.

Ну да, ты с первого курса эту соплю тянешь, улыбнулся Артём, Я тебе миллион раз говорил, чтобы ты нормально подготовился.

Это было плохо. Очень плохо. Единственный из всех предметов, который мне не просто не давался, а оставался тайной за семью печатями была высшая математика.

Плохо, плохо, как же плохо, бубнил я себе под нос.

Ты же всё равно хотел отчислиться, пожал плечами Артём, Ты даже маму просил за тебя больше не вписываться. Что?

Мда, ты, я гляжу, долго отходишь от Нового года, вздохнул он, Фамилия у тебя какая?

Поршнев.

А Поршнев это кто?

И тут у меня проснулось важнейшее воспоминание. Поршнев это ректор МИУ! Ну конечно же. Только подумать, я переродился в теле родственника Поршнева? Быть того не могло.

Ректор нашего университета! выпалил я.

Артём нахмурился.

Нет же, он махнул рукой, это секретарь парткома МИЭС. Точно, он станет ректором вуза только через шесть лет.

Ты же сам мне рассказывал, что твой отец ему братом приходится.

Всё становилось гораздо понятнее. Мои родители буквально вписывались за меня все четыре года через Поршнева. А он помогал мне за счёт своих связей в образовательной системе СССР. Теперь понятно, как я продержался здесь так долго.

И в качестве благодарности я планировал бросить учёбу? Немыслимо. Каким же я был бессовестным засранцем. Точно, спасибо.

Тебя иногда не узнать, буркнул он, На тренировку завтра пойдёшь? Реваз Леванович тебя ждёт. Соревы скоро, надо готовиться.

О, нет, нет, мне некогда.

В смысле некогда? Если ты победишь на соревнованиях, тебя могут взять в сборную. Алё, спортивная стипендия! Не, не интересуется?

Не, твёрдо ответил я, у меня другие планы. Передай этому, как его, Львовичу...

Левановичу, поправил меня Артём.

Да, да, ему. Передай, что я больше не приду.

Ты с дуба рухнул? Слушай, Диман, ляг отдохни. У тебя шиша или что?

Нет, нет, я махнул рукой, ты не видишь? Двадцать четыре хвоста. Какой бокс? Я дай бог спать буду часов по шесть в сутки. Если не меньше.

Да к чёрту это всё, на кону сборная. Ко всему прочему ты лучший панчер! Нам нужен твой нокаутирующий удар.

Так стоп, я поднял руки, напомни, а сколько любительских боёв я провёл?

Я считал, что ли?

Я сморщился так, словно съел лимон. Бывший хозяин этого тела явно не следил за здоровьем. Подумать только, такое количество боёв, что даже не сосчитать. Наверняка голова была отбита по полной программе. Пусть я пока это и не сильно ощущал, но в боксе невозможно побеждать, не от-

бивая свой чайник.

Ох, чёрт, плохо, очень плохо.

Да что плохо-то? Всё хорошо, к чёрту учёбу, выиграешь на соревах, получишь стипендию. Протянешь до весны, затем отправишься в армию, там боксёров ценят и уважают. Будешь принимать участие в военных соревах. Тебе нагретое место выдадут, прослужишь два года, не заметишь, как время пролетит. А потом вернёшься уже с регалиями и статусом, продолжишь драться на городских соревах, а потом может быть выйдешь на страну. А там уже и следующие Олимпийские на носу будут.

Четыре года? Не морочь мне голову. Передай Леонидовичу, что я всё.

Ага, ещё чего? Я тебе посыльный что ли? Сам иди и скажи. Если не засышь. Ну или если когда проспидься, у тебя в башке эта дурь останется.

Он покрутил у виска и вышел из комнаты, а я остался наедине со своей паршивой зачёткой.

Поразительно, говорил я сам с собой, ни одного экзамена на четвёрку. Все на удовлетворительно. Кошмарная стабильность.

От досады я швырнул зачётку в стену и лёг на кровать.

Нет, варианты с боксом, баскетболом, хоккеем и прочей спортивной дерготнёй точно отпадали. Я бесконечно уважал всех спортсменов и их вклад в наследие нашей страны, но это было попросту не моё. Ну не любил я работать руками. А

вот шевелить извилинами это прям огонь. Сидел бы сутками напролёт работал, коли спать не надо было бы.

Учитывая мою текущую ситуацию, найти какой-то более менее удобоваримый выход было крайне проблематично.

Но возможно.

Во-первых, пусть Союз и был слегка закорюченным в плане социальной мобильности, варианты и возможности всё же имелись. Даже для такого отбитого, безалаберного студента, как Дмитрий Поршнев.

Вовторых, Союз всегда поощрял, когда гражданин менялся в лучшую сторону. А я планировал измениться.

Ну точнее как? Сам-то я прежний. Моя прошлая жизнь оборвалась совершенно несправедливо и не в том месте, в котором должна была. Но вот Дима Поршнев это тот ещё супчик, которому воистину стоило бы измениться.

И так как он в этом теле больше не хозяин, я сделаю так, чтобы мы поднялись по этой карьерной лестнице, как можно выше.

И что самое главное, я забегал в уходящий поезд. Через каких-то одиннадцать лет вся наука и все достижения учёных станут ничтожно неважными по сравнению с политическими проблемами в стране.

Но сейчас всё ещё ценился вклад учёных по всей стране. Быть кандидатом наук значило получать надбавку к зарплате. Но помимо этого иметь статус, а также доступ ко всем знаниям мира. Без этих ключевых аспектов никакая карьера

в СССР была невозможна.

И это совершенно не тот дилетантский уровень науки, который воцарился после развала СССР. В свои последние месяцы в 2019 году я довольно сильно разочаровался, как в науке в целом, так и в собственном направлении.

Это разочарование, безусловно, никак не мешало мне двигаться дальше. Но осознание, что всё постепенно летело в трубу, знания становились предметом торговли, а не человеческого процветания, иногда больно кололо в самые уязвимые части мозга.

Здесь же в 1980-м году наука не лишена смысла, она являлась столпом, на котором стояло целое государство. Наука использовалась для создания передовых вооружений, наука становилась локомотивом зарождающихся компьютерных технологий и интернета. Да и сам статус учёного вызывал восторг, уважение и пиетет. А не брезгливое фырканье.

В 2019 году назвать себя учёным на свидании с девушкой, всё равно, что обречь себя на одиночество. Опустим тот момент, что в прошлой жизни я осознанно выбрал глубокое одиночество и не баловался такими вещами, как свидания. Сам факт пренебрежения профессией это уже характеристика времени, в котором мы жили.

Я начал ходить взад вперёд по комнате и закрыл занавеску на окне. Яркое январское солнце мешало мне думать.

Начать стоило с самого малого. На каждой кафедре, на каждом факультете, в каждом институте всегда был дефи-

цит лаборантов. Всегда. Никто не хотел работать лаборантом. Никто не хотел таскать бумажки и выполнять какие-то мелкие поручения от сотрудников кафедр.

Но мне не нужна была любая кафедра. Мне нужно было место, где я мог раскрыть свой потенциал, реализовать себя, при этом не помереть без денег. Ибо стипендии, разумеется, у меня не было. А родители, кажется, находились в бедственном положении, судя по письму, которое я откопал у себя на столе.

Нельзя не учитывать мою абсолютно дурную репутацию. Поэтому я точно не мог попасть на кафедру городского хозяйства. Там репутация это всё. И я точно знал, что чужих туда не пускали, только своих.

Финансы и кредит тоже мимо, кафедра статистики интересное место, но я не видел никаких перспектив в ней. Как и не видел перспектив на кафедре социологии и психологии управления. Притом, что я был учащимся именно этой кафедры.

Да, если идти в аспирантуру, то только через свою кафедру. Это закон любого университета. Все любят своих и проталкивают их, даже если этот свой ужасный ученик.

Однако, стартовать с этого я не планировал.

Больше всего меня интересовало сердце исследований университета. Та его часть, которая отвечала за реальные проекты, реальные разработки коммуникационных и организационных стратегий. По-настоящему рабочие управлен-

ческие методики, которые работали не только на бумаге, но и при внедрении.

Научно-исследовательская часть. А если коротко: НИЧ.

Здесь оседали реальные госзаказы, которые получал университет. Но что самое характерное, у НИЧ была репутация исполнительной организации внутри организации.

А посему их совершенно не волновала репутация студента. Они были готовы взять любого, кто способен решать проблемы, затыкать операционные дырки, выполнять грязную работу.

То, что нужно для такого оболтуса, как Дмитрий Поршнеv. Впрочем, надо было завязывать с этими ассоциациями. Теперь я и Дмитрий Поршнеv это единое целое. А я оболтусов, лодырем и разгильдяем никогда не был.

Можно было, конечно, поблагодарить бывшего владельца за потрясающее по своим кондициям тело. Но я, как учёный в душе, всегда делал большую ставку на ум. А с умом здесь явно беда. И нужно подтягивать весь когнитивный функционал до необходимого уровня.

Первое, что я сделал, так это взял случайный учебник со стола и плюхнулся на кровать читать.

Стоп.

А с какой кочерыжки я плюхнулся на кровать? Я никогда не читал в кровати. Я всегда предпочитал делать это сидя, держа книгу прямо перед собой, слегка задирая голову, чтобы шея сильно не затекала.

Я тут же подскочил и сел на стул.

Но усидеть было сложно. Учебник Козловой «Учитесь управлять» совершенно не располагал к длительному погружению. Топики, параграфы, сухой канцеляристский язык, который мой мозг попросту не воспринимал.

То есть, я мог вполне осмыслить прочитанное, но только через некоторое время. И давалось это мне с огромным трудом. Вот и нашлась та самая уязвимая зона пропитого мозга в черепушке, которую отбивали на боксе.

А мне ещё родители в прошлой жизни говорил спортом заняться. Тыфу! Да какой к чёрту спорт, если концентрации ноль?

Минут пятнадцать спустя я, словно как в тумане, размялся, сделав бой с тенью. Опомнился только в момент, когда на лбу проступил пот.

Да какого чёрта?

Походу, для моего тела это была вполне привычная разминка, которую я выполнял регулярно. Но что самое интересное, думалка чуть чуть разогналась. Стало немного проще читать книгу.

Наконец ещё спустя двадцать минут адских мучений для моего недоразвитого мозга, я швырнул книжку в сторону и пошёл поискать чего полегче. Да, разминка помогла, но ненадолго.

В прошлой жизни я привык читать по десять, пятнадцать научных пособий в месяц. Здесь же в лучшем случае со скри-

пом я осилил бы два. И то, ничего бы не запомнил.

Ладно, мозг — это тоже мышца. Его надо хорошенько разогнать, прежде, чем я приступлю к закрытию хвостов. Я нашёл томик Пушкина с собранием сочинений.

Ох, не люблю я все эти полумеры, пробубнил я себе под нос, Но делать нечего. Придётся начинать реально с малого.

И вот художка пошла куда лучше. Да и язык Александра Сергеевича располагал к динамичному, ритмичному чтению. Собственно, потому это чтение мне и заходило, ведь в боксе я привык к ритму и высокой динамике.

Я уж и не успел опомниться, как уже прочитал всего Дубровского и Капитанскую дочку. Забавно, в прошлой жизни я не читал ни того, ни другого. Попросту не хотел. Слишком сильно был заинтересован наукой. Даже в школьные годы.

А теперь оно как-то и ничего. Прикольно. Правда, я не знал, как это всё применять? Ну почитал. Ну здорово. В науке не приложить, а в жизни чисто мозг разогнать.

В общем, художественную литературу я всерьёз не рассматривал.

В комнате становилось душно, и я открыл окно нараспашку. Наморозило за пятнадцать минут знатно. И, как ни странно, мозг заработал чуточку лучше. Я снова вернулся к Козловой и прочитал ещё пару параграфов.

Затем начал ходить по комнате и читать. А потом лежать и читать. После и вовсе отжиматься и читать.

Тело требовало постоянных нагрузок.

Я уже боялся представить, сколько съем, когда проголодаюсь. Но потом вдруг вспомнил, что денег не было. Когда передавал пятнадцать рублей, я воспринимал их как валюту 2019 года. А в 2019 году это были копейки.

Здесь же на эти деньги можно было прожить пару недель, а то и месяц, если расходувать очень аккуратно и не позволять себе ничего лишнего из еды.

Я выпотрошил карманы своей куртки, но там ничего не оказалось. Тогда я начал рыскать по всей комнате и нашёл несколько талонов на еду. Их-то и использую. Надеюсь, Артём не обидится. Но я ему собирался вернуть деньги по старой доброй схеме.

Как только, так сразу.

Я снова плюхнулся на стул и уставился в стену, сложив руки на затылке.

Первое января. Никто не работал. Вся страна отдыхала. А мне было совершенно не до отдыха. Хотелось уже начать строить свою новую жизнь. Да так, чтобы ни одна секунда времени не потерялась. Достичь желаемого, как можно скорее. Настолько скоро, насколько это вообще было возможно в моём положении.

Основная сложность заключалась в тех тисках, в которых я оказался.

А именно двадцать четыре хвоста.

Семестр будет идти до июня. Но первые зачёты будут уже в мае. Мне же и к ним придётся подготовиться. То есть на-

грузка фактически двойная.

Так стоп.

Защита диплома!

Я схватился за голову и молился о том, чтобы у меня были хоть какие-то наработки хоть по чему-либо. Это могло на один процент, но облегчить мою и без того конскую нагрузку.

А чувствовать себя паховой лошастью я тоже не любил.

Как говорится, больше всех в колхозе работала лошадь, но председателем так и не стала.

Да и суть упорной работы всегда заключалась в том, что дело любимое и желанное. А когда тебе нужно исправлять косяки за своими предшественниками это та самая неблагодарная работа, от которой кони дохли.

И сколько я не пытался найти хоть какие-то наработки, хоть какие-то материалы по дипломной работе, я не обнаружил ни единой написанной строчки. Ни даже темы или хотя бы намёток темы.

Не говоря уже о плане, теоретической и прикладной частях.

Я снова упал на кровать, закрыл лицо руками и шумно выдохнул.

Так, хорошо. Допустим, я был бездельником, каких поискать. Что же получается, за пять месяцев, в том числе и январь мне нужно было: устроиться в НИЧ и работать там минимум на полставки, чтобы не помереть с голоду, закрыть

двадцать четыре хвоста, подготовиться к двенадцати экзаменам и зачётам, а также написать выпускную квалификационную работу.

Ничего не забыл?

И Артём ещё спрашивал меня, почему я не собирался возвращаться на бокс?

Неужели не очевидно?

Впрочем, для него реально не очевидно.

А ещё мне нужно было подготовиться к поступлению в аспирантуру. Но, благо, это будет только в сентябре. У меня будет целых два месяца, чтобы подготовиться.

Но документы нужно будет подать уже в июне. А чтобы их подать, нужно будет уже всё закрыть. Или в крайнем случае как-то договориться с принимающими.

Какой же геморрой.

Как сейчас я помнил прошлую жизнь, я спокойно готовился к каждому этапу, не перенапрягался, но и не давал слабину. Каждая ступень спланирована, а форс-мажор, если и случался, то был подконтролен.

Здесь же я был готов лезть на стенку от предстоящей нагрузки.

Так вот как себя ощущали двоечники, которым нужно срочно что-то сдать и выучить?

Вот почему они так часто сливались и просто бросали начатое?

Теперь я понял окончательно, насколько важную роль в

жизни человека играло планирование.

Когда есть план есть уверенность. Даже, если что-то пойдёт не так, ты не мог предвидеть всего. И ты просто корректировал план.

А когда ты в принципе находился в позиции «всё всегда не так, а планировать я не буду», то оттуда и все невроты, все проблемы, все поспешные, незрелые решения. Которые приводили лишь к ещё большему погружению на дно.

Именно поэтому осознание проблемы и объёмов нагрузки это ничто. Без плана можно просто сойти с ума. Браться за всё подряд, бросать, а затем снова браться и снова бросать, не видя результата.

Поэтому я принялся прикидывать, как разруливать ситуацию. В первую очередь нужно было понять фронт работ в целом. Есть ли ещё какие-то предметы, помимо высшей математики, которых я опасался?

Я открыл зачётку и погрузился в анализ. Ну высшая математика понятно. Точнее не понятно вообще. Я пока даже представить не мог, как вытаскивать этот хвост. Поэтому нужно было переключиться на то, что вызывало больше оптимизма.

Самые страшные вещи лучше делать не в начале и не в конце. Где-то в середине.

И после подробного изучения, меня снова словно ледяной водой окатили.

Правоведение.

Ну отлично, блин! Ещё один предмет, который меня повергнет в апатию.

Я помотал головой. Так, спокойно. Это не конец. В отличие от математики, тут не обязательно понимание, главное заучить. Так что будет попроще.

История КПСС.

Всё. Нахер. Уже этой троицы апокалипсиса хватило бы, чтобы я отправился подрабатывать на север.

Не повезло, не фартануло. Плакала твоя карьера учёного. Ты ничего не сдашь.

Так я бы сказал себе, если бы во мне не было природной упрямости. В некоторых вопросах, чем больше трудностей, тем больше меня это будоражило.

Но поначалу я реально хотел разорвать зачётку напополам и выбросить её в окно. Благо, самообладание взяло вверх. Записали. История КПСС. Тоже ничего невозможного. Выучить. Зазубрить. Выдолбить себе долотом на коре головного мозга. Немного сойти с ума в процессе, затем сделать себе лоботомию, чтобы всё это забыть. Ничего невыполнимого. Дальше.

Я пролистал всю зачётку, но не нашёл больше никаких серьёзных вызовов. Свою любимую социологию в этом мире я тоже завалил. И эта новость заставила меня потирать ладони от предвкушения.

Препоод по социологии просто охренеет от моих познаний. Я ему выдам такую тираду, после которой он попросит у ме-

ня пару платных уроков. А если ещё и воспользоваться исследованиями из будущего и подискутировать, у-у-у, вот будет потеха!

Хотя нет, стоп! Мне нужно сдать предмет, а не выпендриться. Поэтому просто прихожу, рассказываю билет без подготовки, и вуаля.

Ну и куча предметов, которые я знал хорошо, либо средне. Придётся, конечно, подучить билеты. Но это всё ничто по сравнению с тремя всадниками апокалипсиса.

Хорошо, что их всего три, а не четыре. Вот появишься четвёртый, я бы наверняка приуныл.

Где-то между делом затесалась информатика, в которой я тоже плохо разбирался, но что-то мне подсказывало, что я с ней разберусь без проблем. Хотя гипотетически её можно было записать в ту же компанию, что и вышмат, правоведение и история КПСС.

Я выдохнул.

Внутри теплилось немного оптимизма. Было стойкое ощущение, что если я проработаю чёткий план загрузки и ничто меня не будет отвлекать, то я легко смогу это всё подтянуть.

Я достал бумагу, взял ручку, устроился поудобнее за столом. Внутри накопилась предельная доза воодушевления. Появление плана всегда успокаивало и настраивало на нужный лад.

Я закрыл глаза, прогнал в голове быстренько всё, что пла-

нировал записать и только прикоснулся ручкой к бумаге, как раздался стук в дверь.

Глава 4

Да чтоб меня! выругался я и небрежно бросил ручку на стол.

Это был точно не Артём, потому что у него был ключ. Значит, кто-то из посторонних. Может быть даже и лысый. Но сомневаюсь, что он отважился бы прийти прямо в общагу.

Я открыл дверь и обнаружил миловидную светловолосую девицу в зимнем пальто и в платке. На руках умильные красные варежки, на ногах сапоги. На лице лёгкий румянец. Кончик носа покраснел, на ресницах почти оттаявший иней.

Она тут же сняла варежку и вlepила мне пощёчину.

Ау! недовольно произнёс я. За что?

За то, что бросил меня на новогодней посиделке вчера.

Кажется, это была Рита. Было у меня такое наитие.

Не бросил, а оставил без присмотра на неопределённый срок.

Что ты вообще несёшь, Дима?

Милиционеры меня понятым позвали. У нас тут чуть поножовщина не случилась, ты не в курсе?

Глаза у неё округлились.

Что? Ты как? Не пострадал?

Нет, нет, что ты. Я можно сказать, эту поножовщину инициировал.

Серьёзно?

Шучу, улыбнулся я, у меня не то, что ножа, у меня даже вилки нет.

Повисла неловкая пауза, после которой я вновь решил завязывать со своим юмором. А завершить эту паузу я решил совсем по-дурацки. Уж не знаю, почему мне это пришло в голову.

Ладно, Рит, пока, рад был повидаться.

После этих слов я закрыл дверь и пошёл обратно планировать. Но Рита не унималась и колошматила в дверь так, что по всему пролёту эхо раздавалось.

Я поднялся со стула и снова открыл дверь. Разумеется, получил очередную пощёчину, но уже с другой стороны.

Нахал! Какая ещё Рита?

Ох, чёрт, я поморщился.

Тебе нельзя пить, Дима! У тебя уже память отказывает.

Да, именно поэтому я с этого дня не беру больше ни капли в рот.

Серьёзно?

Серьёзнее некуда.

Она внезапно улыбнулась.

Это здорово, я... она огляделась по сторонам. Я давно хотела, чтобы ты завязал. Ну правда, ты себя совершенно не контролируешь, когда пьяный. На прошлой неделе отправил в нокаут мужчину!

За дело? нахмурился я.

Ну, вообще да, она опустила взгляд, но зачем в нокаут-то?

Можно же было просто оплеуху дать.

Ну что ж, тогда ещё одна хорошая новость для меня, продолжил я, С этого дня больше ни одного удара по человеку, ни при каких обстоятельствах.

Она аж воспрянула духом.

Ты сейчас серьёзно? Димка!

После этих слов она бросилась мне на шею. А я и не знал, как от неё избавиться. Да и вообще, кто она такая? Память всё ещё ни к чёрту.

Оля? Маша? Настя? Кристина? Зачем придумали столько женских имён? Достаточно лишь двух самых красивых: Диана и Евгения.

Через пару секунд она начала меня зацеловывать. И вот тут произошло странное. Меня прям влекло к ней. Всё тело аж передёрнуло. А дальше всё, как в тумане.

Бельё, постель, экстаз.

Точёная фигурка у милашки. Хорошенькая, гибкая, страстная. Но чёрт подери, когда пелена тумана спала с глаз, когда я снова понял, что поддался животным инстинктам, я был готов удавить сам себя.

Она лежала на кровати, прикрываясь одной лишь простыней и что-то мурлыкала. Я даже прислушался.

Я тоже не буду больше пить, мне так плохо было после вечеринки. Но зато музыка приятная. И люди хорошие были. Ты, кстати, ванную комнату у ребят отмыл? Это просто обалдеть! Словно профессиональная горничная. Они даже

не узнали её, когда протрезвели.

Да как её блин зовут?

Кстати, завтра на каток пойдём? Я достану свои коньки. Так хотелось вспомнить свою юность, когда занималась фигурным катанием. Я просто обожала это дело. Пошли со мной? Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Она так канючила, будто я отказывался. Но я сидел и молчал. Не хотелось расстраивать милашку, но у меня дел по горло, и она в этот список вообще не входила. Может быть когда-нибудь. Когда поступлю в аспирантуру. Но точно не сейчас.

Я встал и оделся, затем посмотрел на пустую бумагу плана. Мысли, которые я собирал воедино, так долго и старательно, улетучились. Всё сначала.

Чёрт подери!

Кстати, моя мама будет делать праздничный стол для всех друзей, и ты тоже приглашён. Мы с ней уговорили отца, чтобы он на тебя не бросался, как в прошлый раз. Он вроде смирился, ты пойдёшь завтра после катка?

Её, как будто, вообще не волновали мои ответы. Просто тараторила и тараторила. А вот мне наоборот нужен был покой. Я почувствовал усталость, накатила сон.

Недаром расхожий анекдот про Ленина возник у меня в голове: хорошо иметь и любовницу, и жену. Жене сказал, что пошёл к любовнице, любовнице сказал, что пошёл к жене, а сам в библиотеку конспектировать, конспектировать, кон-

спектировать.

В общем, от женщины слишком много неприятностей, особенно если нет жены или любовницы помимо неё.

Не зря я выбрал в прошлой жизни осознанное одиночество и полностью посвятил себя науке.

Дима, ты не на один вопрос не ответил! внезапно насупилась она.

Я зевнул.

Ты хочешь спать? Ну давай поспим, с улыбкой произнесла она.

Нет времени спать, дорогая, тебе срочно нужно идти, сказал я, И да, что бы между нами ни было, мы расстаёмся.

Она уронила простыню обнажив грудь и уставилась на меня не мигая.

Что ты сейчас сказал?

Я повернулся к ней, выражение её лица было, мягко говоря, раздосадованным.

Ну не прям расстаёмся, начал смягчать углы я, разбегаемся, делаем паузу, в общем, освобождаем друг друга от бремени ответственности за наши непростые и крайне эмоциональные отношения.

Что ты такое говоришь, Дим? тихо произнесла она. Я уже с мамой договорилась, мы папу уговорили, я думала мы на катке покатаемся, потом купим чаю горячего...

Не успела она договорить, как по её щекам побежали слёзы. А я стоял и не понимал, что же с этим всем делать?

Наверное, не стоило так рубить с плеча и говорить про расставание.

Но она тоже могла бы войти в положение, я даже не помнил, как её звали!

А хотя нет. Скорее всего, она не знала, что я забыл. И сколько мы с ней вообще провстречались? Вряд ли долго. Не мог быть этот Дима таким однолюбом и семьянином.

Шесть лет! внезапно завопила она. Шесть лет я с тобой, и ты мне такое заявляешь?! Я из-за тебя в этот паршивый вуз поступила! Я вообще-то в МГУ хотела.

Ах, чёрт. Шесть лет, оказывается. А чего он ей предложение не сделал?

И забери своё кольцо!

Она сняла с безымянного пальца кольцо и бросила его на пол.

Нет, ну тогда всё логично. Я бы после шести лет отношений так же отреагировал.

Она спешно оделась.

Правду мне отец про тебя говорил! всё ещё ревела она. Вот так вот просто? Без причины?! Да ты реально пропил всю свою голову!

Эм, Настя, слушай...

Никакая я не Настя, придурок!

Собрав все свои вещи, она вышла и хлопнула дверью.

Блин, не угадал, буркнул я себе под нос.

Как же её звали? Надо записать. Точно не Рита и не Настя.

Может и вправду Диана или Женя?

Дверь внезапно распахнулась, и она крикнула вдогонку.

Ещё и воспользовался мною напоследок, козлина! Забудь меня навсегда! Ненавижу тебя.

Я стоял опешивший. Возможно, её реакция была всё-таки чрезмерно эмоциональной. Впрочем, кто вообще поймёт этих женщин? Самое главное, что я мог наконец сконцентрироваться на плане.

Но как назло накатила такая дрёма, что я не мог сопротивляться. Вновь туман перед глазами, я, сам того не ведая, лёг на кровать, накрылся простынёй и уснул, как суслик буквально за пять секунд.

* * * * *

Разбудил меня Артём.

Эй, Диман, кто тут кольцо забыл?

Это не моё, буркнул я сквозь сон, положи на тумбочку. Лена за ним вернётся?

Лена? Что ещё за Лена?

Моя бывшая невеста.

Её же Аллой звали, когда ты успел Лену какую-то оприходовать?

Аллой?! я аж приподнялся на кровати и поморщился.

Ну да, вот ты ловелас конечно.

Кто в здравом уме назвал бы свою дочку Аллой?

Не знаю, пожал плечами он, например Борис и Зинаида Пугачёвы.

Борис, Зинаида и Алла, буркнул я под нос, они пытались собрать бинго из самых нелепых имён?

Артём плюхнулся на свою кровать.

Что с кольцом-то делать?

На тумбу положи тебе сказали, рывкнул я, и не трогай. Вещь чужая, дорогая.

Ну тогда в ящик надо убрать. Мало ли кто зайдёт? Тут же проходной двор.

Я нахмурился.

Так вот как она открыла дверь во второй раз.

Замок хлипкий. Через раз срабатывает, сказал Артём, Так чего? К тренеру пойдёшь? Обрадовать его.

Последнее он произнёс, изображая кавычки руками.

Не, ну нафиг. Думаю, что он переживёт.

Так всё-таки реально уходишь? Нонсенс.

Ты видел, сколько у меня долгов? А мне ещё дипломный проект писать, к госэкзамену готовиться, потом и вообще к аспирантуре пахать и пахать.

Ой, скажешь тоже, думаешь я тебе поверю? У тебя каждый год одна и та же песня. Да вот только с бокса ты ещё не уходил и невесту свою не бросал. Как она, кстати, это восприняла? И почему ты решил с ней расстаться? Девка огонь же.

Огонь, огонь, а вот я буду не огонь, если на напишу этот чёртов план. Скажи, а библиотека сейчас работает?

Шутишь что ли?

Нет.

Конечно не работает.

А должна бы.

Ну сходи к завхозу, ключ попроси, за пять рублей может и выдаст.

Да не, к чёрту, я просто в аудитории какой-нибудь плюхнусь. Ты, кстати, на какую тему дипломного проекта будешь писать?

Не знаю, не хочу ничего писать. Ленке с потока денег заплачу, чтобы всё сделала.

Лоботряс.

Я спортсмен, а не умник. И ты тоже спортсмен. Чем быстрее у тебя из головы выветрится вся водка, тем лучше будет для тебя, когда вернёшься к своим делам. Всё равно учиться у тебя никогда толком не получалось.

Ну вот и посмотришь заодно, как надо дела делать, а не языком чесать и кулаками махать.

Ну ты тип, конечно, ухмыльнулся Артём.

А я зевнул и отправился в лабораторный корпус. Договорился с охранником, что посижу в аудитории. Он мне пригрозил, что если куда двину за пределы, мне кранты. Но мне никуда за пределы и не нужно было.

Достаточно просто сесть сосредоточиться и всё спланировать. Жрать хотелось страшно, но я решил, что раздобуду еду вечером. А голод, как и в прошлой жизни, будет играть мне на руку, подстёгивая мою мотивацию.

Да вот только такого адского голодомора я ранее никогда не ощущал. Складывалось впечатление, будто мой желудок пожирал сам себя. Мало того, что он урчал, как динозавр, так ещё и крутило его, хоть в больницу беги сию секунду.

Я спустился к охраннику.

Михалыч, не найдётся чего пожевать? А от до бистро ко-
вылять минут двадцать, а я сейчас помру.

А чего же молчал? У меня тут с праздничка остались яства, будешь? Салатики, немного колбаски, мяско варёное. С ребятами отмечали. У нас у всех новогодняя вахта, эх. Ну я так год через год работаю, то с семьёй, то вот с ребятами.

Давай, Михалыч, ща вымру.

Он достал остатки, и мы на пару начали хомячить. Тут же на табуретке, что мы использовали, как импровизированный стол, появилась чекушка водки и пара стопок.

Михалыч мерно налил, напевая себе что-то под нос.

Ну давай, Димка, жахнем с тобой за праздничек. Уважь старика.

Михалычу было за пятьдесят. Не сказал бы, что старик, но и молодым не называть.

Это, Михалыч, я только поесть, завязал я.

А чего так?

Да автобус меня сбил, представляешь?

Ого?! Автобус? Это как?

Насмерть.

Да ну?!

Я плохо понимал, отыгрывал ли он хорошего собеседника или реально верил всему, что я говорил.

А вот так, я тоже чекушку бахнул, поскользнулся на переходе, а он как меня переедет. Резина-то какая? Ну? Правильно, всесезонка. Вот и не сдюжил. А там три тонны масса, али ещё больше. Все косточки пересчитал, шею мне свернул, рёбра всмятку.

Да ну?! он сидел с выпученными глазами и не прикасался к водке.

Ну да, а потом очнулся гипс.

Ты как выжил-то?

Легко! Меня в Пироговке лечили, всё тело в железяках, на рентгене видно. Эх, я бы тебе показал, да только оставил дома. Как-нибудь принесу.

Ну дела-а.

Во, во. Если сейчас выпью, клянусь тебе на лестнице расшибусь и шею сверну себе.

Ну дела-а.

После этого он выпил, а потом ещё и ещё. Моя история его никак не остановила. Возможно, даже воодушевила. Когда я доел салат, я понял, что зря вообще всё это затеял. Теперь Михалыч рассказывал мне задушевные истории. И благо, меня спас Петрович, который составил ему компанию. Но внезапно я понял, что они могут знать то, чего не знал я.

Мужики, а кто сейчас в НИЧе работает? внезапно вклинился в разговор я.

Как кто? возмутился Петрович. Учишься тут уж пятый год, а Пономарёва Арсения Витальевича не знаешь? Ну да-ёшь.

Я записал на всякий случай на руке.

Кстати, они с Бакуниным вчера тоже здесь праздновали, подметил Михалыч, Я им даже звонил, поздравлял.

Они здесь? удивился Петрович.

Да, прикинь, билеты купить не успели вовремя. Там Бакунин что-то напутал. В итоге здесь остались. Я их в своей подсобке потом спать укладывал. А сам тут кемарнул прямо на стуле. Не знаю, спят до сих пор или обратно туда вернулись.

А НИЧ всё ещё в двести тридцать четвёртом?

Оба посмотрели на меня, нахмурившись и хором ответили.

Что значит «всё ещё»?

Не прошло и минуты, как я ломанулся в НИЧ. Откладывать такое было нельзя. Познакомиться с начальником и замом в неформальной обстановке, презентовать себя и обо всём договориться ещё до начала второго семестра значило выйти в дамки.

Я неся через коридоры, минуя пролёты. По пути аж весь вспотел, наконец добрался до заветной двести тридцать четвёртой. Но стучать не спешил. Прильнул ухом к деревянной двери и прислушался.

Внутри велись какие-то разговоры, слышался иногда хохот, а также деревянный стук. Чем они там вообще занима-

лись? Но то, что все в сборе это хорошо. Значит, была возможность пообщаться.

Одно было обидно, что я шёл с пустыми руками. С другой стороны, а что я мог вообще принести? Ну не водку же тащить к интеллигенции. Да и будь у меня хоть какой-то подарок, я бы, наверное, подарил его Михалычу за то, что накормил.

В общем, была ни была, надо заходить.

Я сделал глубокий вдох, уже занёс руку над дверью, как она внезапно передо мной распахнулась, и я увидел пухлое лицо с щетиной.

Был ли это Пономарёв или Бакунин, я пока не знал. Но судя по пиджаку, галстуку и часам человек точно не бедный. На левой руке «Восток», светло-серый пиджак с широкими лацканами. Нечасто такое встретишь даже на чиновниках, а тут сотрудник Научно-исследовательской части. Рубашка светло-голубая, галстук коричневый. В руках огромная кружка чая, из которого валил пар.

Опа! Это вы вовремя, он буквально затащил меня внутрь за руку, Игорь Львович, нам тут судьба студента послала на наше счастье!

Студента говорите?

Так точно, глядите какой красавец, он повернулся ко мне, Пономарёв Арсений Витальевич, а это мой коллега Бакунин Игорь Львович. Возможно, вы о нас слышали.

У меня улыбка до ушей растянулась, и я пожал обоим ру-

ки. Мужики были крепкие, уверенные в себе и обстоятельные. По рукопожатиям это прекрасно чувствовалось.

Поршневу Дмитрий Владимирович.

Оба нахмурились. От них несло слегка перегаром, видимо, мужики квасили всю прошлую ночь, затем отоспались, а теперь бодрятся чаем.

Игорь Львович, знакомая фамилия, не так ли? нахмурился Пономарёв.

Так секретарь парткома МИЭС!

Точно, точно! Вы чай не родственники? поинтересовался Пономарёв. Или просто однофамильцы.

Однофамильцы, которые знакомы через родственников, улыбнулся я.

Вот те на, бывает же, восхитился Бакунин.

Точно, точно, подметил Пономарёв, но мы вас не затем затащили в наше логово, Дмитрий Поршневу.

Внезапно, он повернулся ко мне и посмотрел с прищуром.

Кстати, а чего под дверью стояли ждали? спросил он с подозрением. Небось, хотели вынюхать, какие государственные заказы в этом году университет получит и когда? Ай, ай, ай, не хорошо шпионить.

Да я и не шпионил, улыбнулся я, Я работать у вас хочу.

Оба приподняли брови.

Мне Михалыч сказал, что вы не улетели к семьям из-за того, что с билетами путаница вышла. Вот я и решил наведаться.

А подарок принесли? Как никак Новый год наступил.

Повисла неловкая пауза, после чего Пономарёв рассмеялся.

Да я шучу, какие у нас могут быть подарки? Счастливое социалистическое будущее лучший подарок для каждого из нас, верно?

Я кивнул.

Что касается работы, то знаете, Дмитрий, вы чудесным образом угадали. Нам и впрямь нужны лаборанты.

Он всё ещё слегка пошатывался, но речь была абсолютно чёткой. Язык у Пономарёва даже не заплетался.

Но вот какое дело, мало какой лаборант способен выдержать наш вступительный тест. Поэтому подумайте хорошенько, Дмитрий Поршневу, вы готовы пройти этот тест?

А то!

Они с Бакуниным переглянулись и улыбнулись.

Что ж, первый тест на смелость пройден, поздравляю, но это ещё не всё. Знаете ли, мы тут с Игорем Львовичем в шахматы играли пятую партию к ряду. Надоедает друг с другом, а Михалыч с Петровичем отказываются. Проигрывать не любят. Так вот, условия следующие. Коли выиграете у одного из нас место лаборанта ваше. Коли проиграете едете покупать нам билеты на самолёт. Идёт, Дмитрий?

Он протянул мне руку, чтобы скрепить наш договор. И я, не медля ни секунды, принял этот вызов.

Правда, меня слегка потряхивало, потому что в шахматы

я в последний раз играл с отцом, когда мне было пятнадцать.

Глава 5

Господин, Поршнев, вы, наверное, даже и не представляете, во что ввязались. Одно неверное действие и придётся вам ехать нам за билетами, с улыбкой произнёс Пономарёв, И если Игорь Львович ещё вам мог бы поддаться, то я поддаваться не намерен. Игорь Львович, кстати, а не проверите ли вы тумбочку на наличие коньячка армянского. Прошлогодного!

После этого оба разразились хохотом.

Вы уж извините нас, Дмитрий, мы, знаете ли, для здоровья делаем это. А не для потехи, уж поймите правильно.

Ничего страшного, улыбнулся я и махнул рукой, Праздник всё-таки.

Ага, а завтра на работу уже... сказал Игорь Львович и сделал паузу, Только не нам!

Они с Пономарёвым вновь рассмеялись.

А я только сейчас осознал, что никаких длинных каникул в СССР и не было никогда. Ну конечно! Учёба со второго числа, работа тоже. Только школьники на каникулы уходили.

Так это получается, что завтра уже начнётся моя полноценная жизнь в новом теле. Ох, лишь бы успеть с планом. Больше всего я ненавидел действовать без плана.

Но один из важнейших пунктов реализовывался прямо здесь и сейчас.

Бакунин достал бутылочку коньяка и облизнулся.

Нет, Арсений Витальевич, ну здоровье здоровьем, но и без удовольствия я пить не собираюсь.

Да кто ж просит? Айда наливайте, Игорь Львович. У НИЧ особое расписание, но даже мы уже должны быть здесь третьего числа и усердно отрабатывать полученный государственный заказ.

Так точно, Арсений Витальевич, Бакунин повернулся ко мне, Дмитрий, я вижу, что вы спортсмен и комсомолец, но не могу не предложить в такой замечательный день. Будете?

А я себя поймал на мысли, что буду.

Стоп!

Нет, конечно не буду! Что за ересь? Сидел же с охранниками и не хотел. С чего бы мне коньяку захотелось?

Коньяку.

Значит Дима Поршнев любил коньяк? А водку просто на спор пил. По-другому ему было не интересно.

Какой ужас. Коньяк это самое мерзкое пойло, что я когда-либо пробовал в прошлой жизни. Хуже только водка.

И пока я думал, рука сама потянулась за рюмкой, а я как дурак сказал.

О, нет, нет, спасибо, у меня аллергия.

Что ж, аллергия это серьёзно! Не будем провоцировать ваш организм, покачал головой Бакунин и убрал рюмку в сторону, Какая злая ирония судьбы, не находите Арсений Витальевич?

Ещё как нахожу! Спортсмен, которому ещё и пить нельзя по здоровью. Уму непостижимо. Сколько проживёт? Лет сто двадцать, не меньше. Главное не нервничать и не перетруждаться. А как не нервничать в нашей стране, если коньячку на бахнуть, а?

Оба снова расхохотались и выпили.

А у меня слюна подступила к горлу. Я сглотнул. Держаться! Держаться! Не поддаваться.

Но из-за желания тяпнуть вместе с ними, я не мог сконцентрироваться ни на чём. Все мысли в кучу. Полный хаос.

Так, я же умел в прошлой жизни управлять всем этим хаосом в голове. И в этой смогу. Достаточно сначала успокоиться, сделать несколько вдохов и выдохов. Затем открыть окно.

Я подошёл к окну и открыл.

Это вы правильно! сказал Арсений Витальевич, закусывая тёмной шоколадкой. Помещение маленькое, дышать тяжело. Да и для шахмат воздух нужен. Ну-с, кто первый? Может вы Игорь Львович? Так сказать, пусть вторым будет победитель, верно?

Бакунин улыбнулся и повернулся ко мне.

Дело в том, что Арсений Витальевич выиграл у меня три партии из пяти. Сегодня он победитель. Да и честно сказать, обыграть его та ещё задачка. Поэтому я с удовольствием сыграю с вами. Хотя немного голову расслаблю.

Думаете, что я плохой игрок? ухмыльнулся я.

О, нет, нет, смена игрока переключение внимания, новые стратегии. Всегда обеспечивает проветривание мозга. То, что нужно. А то с Арсением Витальевичем, что ни партия, то напряжение запредельное.

Ну-с, господа, начнём тогда! объявил Пономарёв.

Первые несколько ходов я вспоминал вообще, как играть. И надо сказать, что Игорь Львович был крайне бодрым и уверенным игроком. Делал ходы быстро, по глазам было видно, что анализировал тоже быстро.

Я на его фоне казался просто тупнем. Мало того, что скорость мысли подводила, так ещё и на глазах был этот чёртов коньяк. От которого у меня реально слюнки текли.

И я, чёрт подери, ничего не мог с этим поделать. Тело реагировало в обход разума.

Ну что же вы, Дмитрий, легчайший ход, а вы всё думаете, улыбнулся Игорь Львович, Могу даже подсказать вам.

Не вздумайте! вмешался Пономарёв. Хотите, чтобы он выиграл?

Но нам очень нужен новый лаборант, возразил Бакунин, мало кто выдерживает нагрузку такую. Дмитрий, подскажите, а вы к нам на полную ставку хотите?

Я всё-таки сделал ход слоном, проанализировав все риски.

На половину ставки, ну или на ноль семьдесят пять в крайнем случае. Мне нужно с учёбой совмещать как-то.

Само собой, само собой, он сделал свой ход быстрее, чем

я успел подумать, Вот видите, Арсений Витальевич! Человек устремлён к науке, хочет вкалывать. Других и на четверть ставки сюда не затащить, а наш Дмитрий готов на ноль семьдесят пять!

Ну хватит, махнул рукой Пономарёв, Мы тут тоже не благотворительностью занимаемся. Я слежу за вами. Если вы будете поддаваться, Игорь Львович, я партию не засчитаю, ясно вам?

После этих слов, он опрокинул ещё одну рюмку коньяка. И меня аж передёрнуло от желания.

Нет. Держаться! Не реагировать. Просто нужно снять куртку. Чтобы меня отвлекала январская стужа, что закрадывалась в помещение из окна.

Я так и сделал, из кармана вывалилась зачётка, которую я забыл выложить. И я её аккуратно пристроил на краю стола, чтобы не мешалась.

Игорь походил.

Ну что ж, коллега, хлопнул по плечу Арсений Игоря, пока всё выглядит так, что студент проигрывает. Молодец, ценю вашу хватку.

Вы когда выпьете, становитесь особенно жестоки, улыбнулся Бакунин, В конце концов это всего лишь игра.

Не игра! А вступительное испытание! поднял палец Пономарёв. Вы так говорите, словно работа в НИЧ это всё равно, что дворником устроиться. Обесцениваете наш труд?

Ну полно вам, Игорь сделал ход.

Я зомбирова́л доску. Всё, мысли превратились в гигантский ком хаоса.

Осторожнее, Дмитрий Владимирович, улыбнулся Игорь, сейчас очень важный ход.

Не подсказывайте ему! ударил ладонью по столу Пономарёв. Что с вами не так?

Ну всё, всё, улыбнулся Игорь Львович.

А я натирал виски. Пойду пешкой потеряю слона, пойду слоном потеряю ладью. Чёрт, он загнал меня в ловушку. А самое главное сидел и улыбался.

Мозги не варили вовсе. Я не мог сконцентрироваться и просчитать игру хотя бы на два хода вперёд. То, что я легчайше делал в юношестве в прошлой жизни, здесь мне давалось адскими муками и с большим трудом.

Как только я сяду за план, я внесу туда обязательную ежедневную программу по концентрации внимания. Это просто ужас какой-то. Если нет терпения и концентрации нет ничего.

Хорошо, что я об этом узнал сейчас во время шахматной партии, а не спустя несколько недель, когда уже нужно активно пересдавать экзамены и зачёты.

Натирая виски, я понял, что вспотел. Хотя в помещении был дубак.

Игорь и Арсений, казалось, не замечали холода.

Пойла оставалось на донышке. Может быть глотка на два, три.

И я не мог отделаться от мысли, что если не выпью немного, так и не смогу концентрироваться нормально.

Организм попросту отказывался работать, ибо не мог получить желаемое.

Вот оно как устроено у людей зависимых.

Хочешь бросить пить, да не можешь, потому что каждый день просыпаешься с этим зудом в затылке. Из-за которого твоя жизнь превращается в адисце.

И как вообще Поршнев мог быть таким хорошим панчем, когда квасил, как не в себя?

Впрочем, в студенческие годы организм всё мог стерпеть. Это уже ближе к тридцати начинались проблемы. А в двадцать лет всё, как с гуся вода.

Однако, это вовсе не означало, что нужно заниматься самоуничтожением.

Надо было продолжать держаться. И я испытывал свою силу воли на прочность. Но ни один из них больше не выпивал. Как будто это был священный ритуал. Оставить на донышке.

Единственный способ покончить с этой тягой к коньяку это избавиться от него. Если выпью сам, то считай проиграл. Принципиально не возьму в этом теле ни капли алкоголя в рот.

Поэтому нужно было как-то заставить их допить. Но как? Может просто в наглуую налить?

Господа, я внезапно взял бутылку и начал разливать по

рюмкам, Не могу смотреть на ваши пустые рюмки.

О, нет, нет! отнекивался Игорь, Я точно не буду. И без того мы лишку дали. Всё-таки поллитра на двоих.

Я тоже пас, сказал Пономарёв, Мне ещё играть с вами, Дмитрий. Лёгкое помутнение даёт удивительные возможности, разум становится более гибким, а тело расслабляется. А вот если продолжать, то вся культура пропадёт. А мы здесь культурно отдыхаем, а не квасим. Верно коллега?

Я продолжал уверенно наливать.

Да куда ж вы льёте?! Пономарёв тут же схватил бутылку за горлышко, останавливая меня. Ну прекратите.

Однако, последняя капля упала в рюмку. И обе были наполнены. У меня в голове родился коварный план.

Эх, ну вы только гляньте! восклицал Игорь Львович. Теперь будет стоять выветриваться. Арсений Витальевич, перелейте обратно. Давайте уберём остатки. Может в будущем ещё захочется немного благородного напитку.

И только Пономарёв потянулся к рюмкам, как я резко поднялся.

Да нет, что вы, давайте я это сделаю, не утруждайтесь, с улыбкой произнёс я и намеренно сильно задел край стола.

В следующий момент всё буквально разлетелось. Рюмки упали, коньяк разлился, шахматы съехали с доски начался форменный хаос.

Батюшки! воскликнул Пономарёв. Ловите рюмку!

Одна рюмка скатывалась со стола, и я её успешно поймал

на краю. Спасибо моим спортивным рефлексам.

Игорь Львович поднялся из-за стола и побежал за тряпкой. Всё шло по плану.

Ох, вот же ж неуклюжесть моя! воскликнул я наигранно. Коньяк пропал.

Да ну бросьте, подумаешь, внезапно сказал Пономарёв, Мы с вами пьянчуги какие, чтобы из-за этого переживать? Тем более, коньячок-то не на свои деньги купленный, а подарочный. Так что и переживать не приходится.

После этих слов он в голос рассмеялся. А Игорь Львович уже подошёл к столу и начал протирать его тряпкой.

А вот положение шахмат я запомнил, господа, гордо подметил Арсений Витальевич, Так что не переживайте, сейчас продолжим партию.

Ох, это хорошо, выдохнул Игорь, закончив протирать, а то я уж думал, что конец партии.

Мы всё восстановили по указке Пономарёва. Но я подметил, что он выставил фигуры несколько иначе. Либо не запомнил, либо намеренно не в мою пользу сделал, чтобы я проиграл.

О, нет, нет, возразил я, слон стоял здесь.

Ну что вы, голубчик, всплеснул руками Пономарёв, держите меня за какого-то шулера? Клянусь государственным заказом, что мы получили в ноябре, что так всё и стояло.

Да, да, кивнул Игорь, я тоже помню. Коллега всё верно говорит.

И тут я понял, что они оба те ещё игроки, которые проигрывать не любили. Но что мне оставалось делать? Нужно было соглашаться. Хотя шансы на победу уменьшились сильно.

Добро, господа, кивнул я, тогда продолжим.

Я уверенно передвинул слона. И игра продолжилась.

Последние ходы оказались особенно напряжёнными. Игорь лидировал.

Игорь Львович, похлопал его по плечу Пономарёв, закусывая ватрушкой, можете же, когда захотите!

Это всего лишь игра, продолжал утверждать Бакунин, тем более, игра не закончена, пока не поставлен шах и мат.

Я походил ферзём и перекрыл его короля. Он посмотрел на то, что я сделал и покачал головой. Поначалу, я даже подумал, что это обозначало безысходность его ситуации.

Но затем он походил ладьёй, и я понял, что не учёл этот ход. А не учёл я этот ход, потому что ранее они заставили меня неверно расставить мои фигуры.

Теперь мой король был в западне. Оставалось только бегать и защищать его конём. Уже никто ни о чём не говорил, все молчали и наконец заключительный ход.

Нельзя было ошибаться.

И я походил конём.

Оказалось, этого Бакунин и ждал. Он сожрал моего коня своим слоном.

Шах, улыбнулся он.

Молодец коллега! обрадовался Пономарёв.

Чёрт! Как бы я ни пытался затащить эту партию, ничего не выходило. Наконец Игорь сделал последний ход.

Шах и мат, дружище, улыбнулся он, Ну что? Теперь партия с моим коллегой?

Да, сказал я незамедлительно.

А чего время тратить? приподнял брови Пономарёв. Может сразу за билетами поедете, Дмитрий? Не выиграете же.

Условие было победить одного из вас, поэтому я всё же попытаюсь.

Ох, упёртый молодой человек! улыбнулся Пономарёв. Ну-с, Игорь Львович, одобряете?

Конечно, договор есть договор.

Погнали.

Партия с Пономарёвым оказалась напряжённее в разы. Но когда у меня перед глазами не маячил раздражитель, игралось в разы проще.

Да и концентрация улучшилась. Я очень хорошо включился в процесс. Морозный ветер из окна держал меня в тонусе, я специально не надевал куртку, чтобы разум был яснее.

Неплохой ход, приподнял брови Пономарёв.

Наша партия затянулась. Но я уже вспомнил, как играть. Вспомнил ту самую стратегию, которой меня научил мой дед из прошлой жизни. Самые непредсказуемые ходы сбивают с толку любого оппонента.

Он начнёт играть в твоём ритме, а дальше надо лишь затянуть игру до глубокого финала, где останется минимальное

количество фигур. Там и до победы дотянуть не проблема.

Главное, чтобы слон, ладья, да ферзь остались. Остальное сдюжится.

Этой тактики я и придерживался.

И что удивительно работало. Привыкший к стандартным комбинациям Пономарёв сильно хмурился, когда играл против меня. Он видел, что я понимал, что делаю, и он пытался меня раскусить.

В конце концов осталось несколько фигур на доске, и мы схлестнулись в финальной битве.

Вы только поглядите, Арсений Витальевич, улыбнулся Игорь, вы можете проиграть.

Тот хмыкнул.

Проиграть? Нет. Но попотеть пришлось. Шах.

Я ожидал от него этого хода. И единственное, что мне мешало это пешка, стоящая почти у края доски. И стояла она очень криво. Почти между клетками.

Видимо, кто-то из них задел её локтем или вроде того. Да и оказалась она там давным-давно. Возможно, Пономарёв уже не придавал ей значения. Вся битва происходила на другой части доски.

Вот бы сейчас произошло что-нибудь эдакое, чтобы я мог легонечко передвинуть эту пешку. В этом случае, я бы легчайше побеждал. Нужен был лишь какой-то повод.

Я сидел минуту, две. Думал.

Ну что задумались, Дмитрий? Тут у вас вариантов совсем

немного, улыбнулся Пономарёв.

Знаю.

Ну и давайте заканчивать это всё.

И тут мне повезло. Внезапно задул мощный ветер в окно, после чего все бумаги со столов буквально заполонили помещение. Игорь Львович и Арсений Витальевич подскочили, как ошпаренные, пытаясь поймать каждую бумажку.

А я под шумок едва коснулся пешки, передвинув её на полклетки. Теперь она стояла именно так, как нужно было мне.

Единственное, что меня отделяло от победы это внимательность Пономарёва.

И у меня не было ни единого повода сомневаться в его внимательности. Поэтому, как только он сядет за стол, мне нужно будет его как-то отвлечь от этой злополучной пешки.

Но как? Я лихорадочно думал, пока они собирали бумаги.

Всё, надо закрывать это окно, воскликнул Арсений Витальевич, тем более подморозило знатно. Не находите?

Однозначно, согласился Игорь.

Как только все вернулись за стол, я молниеносно сделал ход, чтобы всё внимание было на другой стороне доски.

Теперь моя судьба в руках случая. Если они не заметят, я получу место лаборанта в НИЧ. Если нет я пропал.

Глава 6

Станем ли мы засчитывать этот ход, коллега? внезапно спросил Пономарёв.

А что не так? удивился Игорь.

А дело в том, что из-за этого хода наш юноша проиграет. Ему придётся ехать нам за билетами в аэропорт. Может быть дадим ему ещё один шанс?

Вы вроде никогда не были сторонником второго шанса, улыбнулся Игорь, Но если вам так интересно моё мнение...

Однако, Пономарёв не дал ему договорить.

Нет, вы правы! Никаких вторых шансов! Шах!

Он поставил слона ровно туда, куда мне и нужно было. Ни один из них не заметил смещение пешки. И я переместил короля, чтобы мне не поставили мат. Следующий ход я забираю пешку, и ферзём ставлю шах и мат. Главное, чтобы он походил туда, куда мне нужно.

Вы поглядите, а он, кажется, предвидел этот ход, воскликнул начальник НИЧ, А этот ход вы предвидели?

И он пошёл конём ровно туда, куда мне было нужно. Я выстроил мастерскую ловушку, в которую он попался. Я тут же забрал пешку и поставил шах и мат.

Шах и мат, сказал я, скалясь во все зубы.

На секунду повисла пауза.

Так, подождите, нахмурился Пономарёв, но эта пешка,

разве тут стояла?

Разумеется, сказал я, иначе я бы не стал ходить так, как ходил до этого.

Нет, нет, не может быть, он начал ёрзать на стуле, у меня все ходы посчитаны!

Но не записаны. Внутри я ликовал, но старался не подавать виду.

Арсений Витальевич, ну это всего лишь игра. К тому же, пешка и правда там стояла, произнёс Бакунин.

Вот уж не ожидал, что он встанет на мою сторону. Но Пономарёв не успокаивался.

Нет, ну подождите, он поднялся со стула и начал ходить взад, вперёд, я же чётко понимал, что победа у меня в руках, это просто не могло быть! Никак!

Может всему виной армянский? поинтересовался я. Когда у меня ещё не обнаружили аллергию, я многое из-за алкоголя делал неверно.

Он повернулся ко мне, выпучив глаза.

Точно, он поднял палец, Коньяк. Тут вы правы. Когда я играл с Игорем Львовичем, я был внимательнее, сосредоточеннее. А теперь... он сделал паузу. А теперь я должен вас спросить, Дмитрий Владимирович.

Что угодно, улыбнулся я.

С какой вы кафедры?

Социологии и психологии управления, гордо ответил я.

Неужто? обрадовался Пономарёв. Социология мой люби-

мый предмет!

Ну хватит уже, встрял Игорь, мы же люди слова, Арсений Витальевич.

Верно! согласился он. Но шахматы — это одно, а знания другое. Мы же не можем взять и принять на работу человека, который даже испытаний никаких не прошёл.

Да мы никогда так и не брали никого, всплеснул руками Игорь, Если лаборантов ещё через испытания прого...

Цыц! Сейчас решается судьба человека, перебил он своего коллегу, Итак, Дмитрий, дайте мне, пожалуйста, определение ролевого конфликта, ну же.

Легко!

Но сказать-то я сказал, а вот вспомнить. Мозг начал сильно барахлить. Скорость реагирования низкая. Над этим тоже надо было поработать.

Начальник и зам смотрели на меня не мигая, а я никак не мог вспомнить точное определение. Оно буквально крутилось на языке, но из-за плохо развитых нейронных связей, я буксовал, как идиот.

Ну раз легко, поведайте, пожалуйста, не выдержал Пономарёв этой долгой паузы. Я всего лишь вас интервьюирую на должность, ничего критичного.

Полно вам, снова попытался встать на мою защиту Игорь.

Но Пономарёв поднял палец, показывая тому, что он не должен вмешиваться.

Ох, ладно, разбирайтесь, пойду чаю налью.

Я уже думал, что всё пропало, но наконец у меня в голове начали всплывать обрывки воспоминаний. С сильнейшей задержкой, но я, глядя вверх и шевеля губами, постепенно восстанавливал эти знания.

Что же, я так и думал, не выдержал Пономарёв, Вы...

Это конфликт, связанный с выполнением индивидом одной и нескольких социальных ролей, которые заключают в себе несовместимость, конфликтующие обязанности и требования.

Я протараторил это, как очередь из автомата. Даже Игорь обернулся и с приподнятыми бровями кивнул головой в знак одобрения.

Что ж, это было легко! бросил начальник. Давайте по более забористым темам. Институционализация! Вперёд.

И снова я забуксовал, но мозг вроде понемногу перестраивался, и я уже думал не так долго.

Процесс определения и закрепления социальных норм, правил, статусов и роле...

Хорошо, давайте представим себе, что молодой человек, которого исключили из университета попытался попасть в армию, чтобы выполнить свой гражданский долг. Но туда его тоже не приняли. Далее, с ним случился тот же казус на работе. Его отказались брать грузчиком. Кто он с точки зрения социальной стратификации?

Маргинал.

Ну гляньте только! Игорь на меня указал ладонью. Это

просто золото, а не лаборант, Дмитрий, приходите к нам по-
сле...

Нет! повысил голос Пономарёв. Я не закончил!

Правда, гонять по социологии дальше он меня не хотел. Судя по глазам, он активно искал к чему придраться. И, к моему огромному сожалению нашёл. Единственное уязвимое моё место, которое оказалось так некстати прямо на столе.

Ваша зачётка? он указал пальцем и, не дожидаясь ответа, тут же взял её в руки. Вижу, что ваша. Небось, вы круглый отличник! А нам нужны только отличники знаете ли.

Да что же вы заладили! начал выходить из себя Игорь.

Так, посмотрим, он начал листать мою зачётку и его глаза сначала округлились, а через пару мгновений я уловил нотку радости, Нет, ну вы только гляньте! Это же...

Он делал крайне драматичные паузы.

Это же немыслимо. У вас по социологии незачёт, экзамен не сдан. Да вы... Да вы... Как вы вообще доучились до пятого курса? Нет, Игорь Львович, гляньте.

Бакунин нехотя подошёл и поглядел в зачётку. Его выражение лица никак не изменилось.

Если мы будем набирать лаборантов по зачёткам...

Нет! Нам это не подходит, перебил его Пономарёв и протянул мне зачётку, Ступайте, юноша, вы не приняты.

Но как же договор? возмутился я.

Никаких договоров с двоечниками, точка.

Я посмотрел с надеждой на Игоря, тот был явно на моей

стороне. Однако, он ничего не делал. Просто стоял молча.

Что ж, сказал я, было приятно поиграть.

Приходите, когда исправите оценки, сказал начальник.

Я вышел из кабинета раздосадованный до ужаса. Может быть и не стоило вот так врываться? Может нужно было спокойно прийти второго или третьего января и устроиться? Но чего теперь уже поделаешь? Ничего.

Я натянул куртку и медленно зашагал по коридору, шаркая ботинками. В конце концов ни один план не бывает идеальным. И мой план дал трещину ещё до того, как я его окончательно сформулировал. Нужно было просто принять в расчёт этот момент и двигаться дальше.

Когда я уже хотел завернуть на лестницу, услышал шаги позади меня. Обернулся, опасаясь, что это снова лысый со своей бандой. Но это был Игорь Львович. Он подскочил ко мне, тяжело дыша.

Дмитрий Владимирович, прошу простить Арсения Витальевича, он сделал паузу, чтобы вдохнуть побольше воздуха, Он просто не любит проигрывать. А ещё он становится совершенно несносным, даже если выпьет одну рюмку. Не говоря уж о трёх или четырех, которые он сегодня принял.

Да я уж понял, грустно буркнул я, в любом случае с праздником вас. А я уж как-нибудь найдусь на других кафедрах.

Нет, подождите, Дмитрий, он огляделся по сторонам, Успеваемость в нашем деле не главное. Главное результат. А вы, между прочим, башковитый парень. Такие нужны в

НИЧ. А вдруг уйдёте к конкурирующим кафедрам? Мы хотим растить своих специалистов, которые будут двигаться потом выше по карьерной лестнице и будут нам помогать получать хорошие государственные заказы.

Что же вы предлагаете?

Вы приходите, Дмитрий Владимирович, приходите третьего января. Я буду тут. Подготовим документы, пройдёте инструктаж по пожарной безопасности, всё подпишете, а четвёртого уже выйдете на работу.

А как же Арсений Витальевич?

Арсений Витальевич отходчивый. Но гордый. Сам никогда не извинится. Однако, ситуацию понимает. Тем более, он возвращается четвёртого из командировки. Поэтому вы уже будете формально оформлены. Да, нужно будет ещё побегать по инстанциям, но он препятствовать не будет. Вы главное больше не выигрывайте у него в шахматы. Он очень тяжело переносит эти поражения.

Я улыбнулся.

Ну это же потрясающие новости! Лучший подарок на Новый год! воскликнул я.

Да, да, Дмитрий, ну спасибо вам за компанию. Приходите, пожалуйста. Мы вас ждём.

С этими словами он удалился. Я дождался, когда он скроется в кабинете, после чего подпрыгнул, что было мочи и начал махать руками во все стороны.

Как же хорошо всё в итоге закончилось!

* * * * *

Вечер на дворе, я завалился в комнату в общежитии и уселся работать над планом.

Итак, из хороших новостей работа лаборантом у меня в кармане. И я не мог не порадоваться этому исходу событий. Но нужно было продумать и всё остальное. Работа лаборантом мне не понадобится, если меня исключат. Поэтому нужно чётко продумать нагрузку.

Для начала объём нагрузки. Восемь зачётов, четыре экзамена, государственный экзамен. И это только конец пятого курса. Тот минимум, который я обязан был сдать.

Далее, пятнадцать зачётов хвостов и девять экзаменов хвостов. Всего тридцать шесть дисциплин плюс госэкзамен.

Выпускную квалификационную работу я пока не считал это была подготовка совсем иного толка.

Времени у меня до девятнадцатого мая. Это примерно четыре с половиной месяца. Но мне нужно было точно высчитать все дни. Иначе никак.

Благо, в этом году двадцать девять дней в феврале. Судьба ко мне благосклонна и дала дополнительное время.

Я достал карманный календарик, чтобы точно не ошибиться в подсчётах. Ровно сто тридцать пять дней. Отлично. Если поделить на все дисциплины, то у меня в среднем на каждую будет по три с половиной дня.

Из этого нужно было вычесть рабочие часы, а также часы, которые я буду проводить на учёбе. С последними, кстати,

немного проще, потому что я могу готовиться прямо на лекциях и семинарах. Так что половина учебного времени точно в моём распоряжении.

Но даже при таких раскладах у меня оставалось чудовищно маленькое количество времени на каждый предмет. Не более чем полтора-два дня.

Какой же ужас и крошечный ад. Но ничего, хорошая новость заключалась в том, что большинство предметов по своей специальности я знал на зубок. А значит, к ним готовиться, либо не придётся, либо придётся, но совсем чуть чуть.

Высшую математику я задвинул на февраль-март. С ней вопрос решать будет сложнее всего. Начинать с неё точно не стоило. Чуть пораньше в своём напряжённом расписании я закинул правоведение. Я планировал заняться им в конце января. Ещё пораньше Историю КПСС. Эту дисциплину нужно было начинать учить заранее, там слишком много подводных камней.

Ну и где-то с середины января я думал заняться информатикой.

На раскачку я себе выделил около пяти-шести дней. Мой нынешний мозг был абсолютно не готов к таким высоким нагрузкам. Я не был уверен, что и через пять дней он будет готов. Но больше времени на раскачку у меня не было.

Сон важная часть, без него ничего не выйдет. Несмотря на то, что времени было мало, если бы я профукал сон, то я бы профукал своё физическое состояние.

Мне нужно было находиться в тонусе. Кровоснабжение должно быть отличным. А значит к хорошему качественно-му сну, который должен продолжаться не менее восьми с половиной часов ежедневно, я добавил ещё и ледяной душ.

Если принимать ледяной душ невыспавшимся пиши пропало. Только больше спать захочется. Но если ты бодр и полон сил, то и ледяной душ в тему. Разгон крови, плюс закалка. Впереди конец зимы и начало весны. В это время проще всего заболеть. А если я закалён, то мне это не страшно.

Закалку я решил дополнить аскорбиновой кислотой, которая продавалась в каждой аптеке. Стандартная доза витамина С 80 миллиграмм в сутки на взрослого человека, и я получал дополнительную защиту от болезней.

Марлевые маски вносить в список не стал. Как показывала практика, лучше делать упор на укреплении организма изнутри, нежели снаружи. Ко всему прочему, ни марля, ни даже специальная ткань с пропиткой не спасут от болезни, передающейся воздушно-капельным путём.

Далее, я полностью расписал весь план по подготовке к каждой дисциплине.

На какие-то выделил один вечер, на другие аж четыре дня. Разумеется, я выделял по четыре дня на те, где я был меньше всего уверен в своих силах.

Точнее как, в своих силах я был абсолютно уверен, не уверен я был в своём чёртовом мозге, который люто подтормаживал.

Всё равно, что поменять оперативную память с шестидесяти четырёх гигабайт на восемь. Неплохо так откатиться в прогрессе.

А ещё я ощущал, что процессор тоже подменили с кор ай семь, на пентиум четвёртый.

Одно радовало, блок питания был просто космический. С сердцем Дмитрия Поршнева я бы мог запитать хоть пятьдесят пентиумов четвёртых. Да вот толку от этого? Если материнка тоже не шибко тянула.

С другой стороны охлаждение в этом теле стояло передовое. По ощущениям с такими лёгкими я мог бы пересечь Босфор и даже не сбить дыхания.

Правда, всё это становилось по-настоящему возможным лишь спустя время. Когда весь алкоголь и токсины покинут организм. А сейчас я до сих пор пребывал под лёгким воздействием салата, которым меня накормил Михалыч.

Готов поклясться, он туда случайно пролил немного водки. Или намеренно. Я уж не знал точно. Но так хотелось есть, что чёрт с ним. Нет времени переживать из-за того, что уже случилось.

Далее, мне предстояло раскидать план подготовки к диплому. Тут нужно было идти по проторенному маршруту. Я уже писал дипломную работу по социологии в прошлой жизни. Напишу и в этой. Тему возьму ровно ту же самую: «Роль социальных групп в обществе и основные принципы возникновения квазигрупп, на примере аудиторий вузов».

Во-первых, я эту тему в целом отлично знал, во-вторых, я уже защитил одну выпускную квалификационную работу на эту тему, а значит смогу защитить и вторую. В-третьих, практическая часть будет полностью сосредоточена внутри вуза. Мне не нужно будет выезжать куда-то, чтобы провести исследование, а значит, я сэкономлю время, силы и нервы.

Беспроектный вариант.

Одна из главных сложностей государственного экзамена. Во-первых, билеты дадут заучить только в конце семестра. Во-вторых, там будет реально много билетов. Сложность оперативно выучить. Но есть и позитивный момент. Когда я доберусь до госэкзамена, у меня уже будет такая база знаний благодаря всем закрытым хвостам, что можно будет готовиться лишь вполсилы. Это радовало.

Подготовку к госам я назначил сам себе на середину апреля.

А старт диплома я планировал уже в ближайшее время. Её я размазал на четыре месяца тонким слоем. Каждый день по чуть-чуть и будет результат. Главная сложность это список литературы, соответствующий тем учебникам, которые сейчас в обороте. Но это я легчайше решу через библиотеку за два три посещения.

Написать теоретическую часть будет вообще легче лёгкого. У меня в голове хранилась вся необходимая информация. Таки любимый предмет. Практическая часть посложнее. Нужно будет расписать методологическую базу, а после

ещё и провести исследование. Тут придётся договариваться с преподавателями, бегать по аудиториям, раздавать листки с тестированиями. Но я активный и коммуникативный, так что без проблем.

Интерпретационная часть самая душная, но это будет тоже легко, потому что там главное расписать побольше вариаций по результатам тестирования.

А вот по хозяйственной части придётся заморочиться. Мне понадобится куча бумаги, а также связи с издательским домом, чтобы не писать все тесты вручную. Как они мне предоставят свои мощности, я пока не знал. Но надо было что-то придумать. Я сам чокнусь писать столько материалов от руки.

И самое главное, с чего стоило начать это зачёт по социологическим методам исследований и экзамен по социологии, которые я завалил на втором и третьем курсах.

Если начинать с побед, то мотивации всегда будет больше. А я, несмотря на память прошлой жизни, зависим от дофаминовых и серотониновых всплесков.

Поэтому ещё одна проблема, которая могла появиться на моём пути это выгорание. Если выгорю, то это хуже болезни. Пиши пропало. Апатия, депрессия, лежание на кровати, плевы в потолок. Если во время болезни ещё можно как-то мобилизовать свои ресурсы и начать действовать, то вот в апатии действовать никак не получится.

Я вписал в свой план прогулки по яблоневым садам и меж

зарослей сирени. Судьба меня баловала, так как и то, и другое находилось на территории университета. Даже ездить далеко не нужно было.

Разумеется, апатию можно было вылечить и с помощью других людей. Например, найти себе хорошенькую девушку, которая будет ласкать, обнимать, целовать и успокаивать. На многих мужчин это и вправду благотворно влияло.

Но в моём случае возникал серьёзный риск длительных отношений с обязательствами, которые абсолютно невозможны до моего поступления в аспирантуру.

Так что я выкинул из головы эти мысли, несмотря на то, что моё тело отреагировало приятными мурашками.

Похоже, спорт и совокупление с противоположным полом вещи практически неотъемлемые. И я надеялся лишь на то, что тело не подведёт за эти четыре месяца, и мне не придётся гоняться за юбками, лишь бы снять напряжение, мешающее концентрации.

На всякий случай добавил себе в список раз в месяц выбираться куда-нибудь за пределы университетской территории, чтобы уж совсем с ума не сойти.

И на какие только ухищрения не приходилось идти, лишь бы реализовать мой план, который по сути простой до одури. Получить диплом Московского Института Управления.

Глава 7

А начать нужно было в первую очередь с себя и с того, что меня окружало.

Когда я наконец закончил писать план, отбросил шариковую ручку и выдохнул, я обратил внимание на ту помойку, в которой мы жили с Артёмом.

Во-первых, все вещи были раскиданы, словно не существовало шкафов, вешалок и комодов. Строго говоря, у нас в комнате был лишь один комод. Но когда я его открыл, выяснилось, что он почти пустой. Все вещи снаружи.

Во-вторых, воняло. Потом, прелостью и старой бабкой. Уж не знаю, откуда взялся последний запах. Может Артём приволок эти бабушкины серые шерстяные платки и затолкал подальше за кровать, чтобы благоухало?

Коллекционер, блин. Ладно, шутки шутками. А запах никуда так просто не выветривался. Даже если проветривать. Ведь я в первую очередь так и сделал. Знатно задубел за двадцать минут, закрыл окно. И запахи, чёрт подери, тут же вернулись! Хотя секунду назад было свежо.

Здесь нужна была генеральная уборка.

Я провёл пальцем по полу. На кончике остался то ли жир, то ли ещё чего. Фу.

Потом я вспомнил, что мы оба тренировались на полу. Отжимания, скручивания и прочее. Понятно. Следы пота и

кожных выделений. Это всё нужно было срочно отмыть.

Я встал, ещё раз бросил взгляд на старый деревянный лакированный тёмно-коричневый стол. На нём всё ещё лежало кольцо, с которым распрощалась Алла.

С одной стороны я чувствовал, что кольцо не моё. Наверняка бывшего владельца тела связывали с Аллой очень тёплые чувства и эмоции. Кольцо, кстати, недешёвое, с бриллиантом. Правда вряд ли с настоящим. Но всё же, на такое можно было полгода копить, разгружая вагоны.

И вот оно тут. Передо мной. Что мне с ним делать? Оставлять здесь прямо на столе? Вряд ли хорошая идея. Двери в комнаты хлипкие. Проходной двор. Кто-нибудь утащит.

Уж лучше пусть при мне будет. Я сунул его в карман своих безразмерных тёмно-синих спортивных штанов в белую полоску. Строго говоря, она была белой когда-то давно. Когда эти штаны были новые.

А сейчас полоски стали серыми, местами даже желтоватыми. Майка алкоголичка чёрного цвета не менялась с прошлого года.

Я ухмыльнулся. Эти шутки никогда не потеряют свою актуальность.

Но, надо было признать, в зеркале я видел крайне атлетичного молодого человека. Майка лишь подчёркивала мою мускулатуру.

Внезапно, я испытал неведомое доселе чувство глубокой удовлетворённости своей физической формой. В прошлой

жизни я не был толстым или пузатым. Но спорта в ней было чуть больше, чем абсолютный ноль.

Лишь во времена службы в армии я там едва-едва сдал нормативы, после чего забыл, как страшный сон. Моё старое тело любило только умственные нагрузки. А тут ровно наоборот.

И пребывая в каком-то затуманенном состоянии рассудка, я упал и сделал сто двадцать отжиманий, даже не запыхавшись, затем резкий бой с тенью...

Так! Стоп! Хватит заниматься всякой чушью!

Я одёрнул себя и вышел в коридор. Перво-наперво порядок в комнате. А для этого нужна хотя бы тряпка, вода и какая-нибудь бытовая химия.

Как на ловца бежал зверь, так мне навстречу шла Ленка Пискунова. Отличница, комсомолка, и местами даже красавица. Разумеется, не всеми, ибо мне не нравились слишком далеко посаженные друг от друга глаза. Хотя многие находили это привлекательным, я не входил в это число.

Пискунова! крикнул я через коридор. У тебя средство моющее есть?

Она нахмурилась и подошла поближе.

А тебе зачем, Поршнев?

Через секунду она принялась, поморщилась и оглянулась по сторонам. Затем подошла ещё поближе.

От тебя что ли пахнет? Теперь понятно, зачем тебе порошок.

Запах исчезнет, когда я закрою хвосты, как ни в чём не бывало сказал я, Правда, в этот момент мне понадобится целая ванна порошка, я буду резвиться и пускать пузыри от счастья.

В твоём стиле, снисходительно буркнула Ленка.

А в твоём стиле спасти мужчин от неизбежной участи?

Это какой же?

Ну например, вышла бы за меня замуж?

Она презрительно фыркнула.

Нет, конечно, даже если бы ты помылся прямо сейчас и нацепил костюм.

Вот о чём и речь! обрадовался я. Не перевелись на Руси женщины, готовые своим отказом спасти жизнь мужчине.

Поняв, в какую игру я её втянул, она открыла рот от недоумения, замахнулась, чтобы вклепить мне оплеуху, да не попала. Рефлексы сработали.

Ну козёл, а! она скрестила руки на груди. Дай пройти, я спешу.

Сначала порошок, мне надо комнату убрать.

Давно пора, ответила она, уже все проходящие мимо жалуются на запах.

Нет, общедомовой запах это из мусоропровода, я показал пальцем на него, что находился почти напротив нашей комнаты, А у нас просто спортивное недоразумение. Ну так что? Есть порошок или нет? Уж сколько треплемся тут попусту?

Есть порошок, прищурилась она, но я с тобой поделюсь

им только, если поможешь мне.

Я закатил глаза и вздохнул.

Ну что ещё там?

Ой, да не напрягайся ты так, Поршневу, голову не перетрудишь. Сумки потаскать надо.

Этого я и боялся.

Ну не хочешь, как хочешь!

Я не говорил «нет».

Она упёрла руки в боки.

Ну так что? Поможешь?

Куртку только накину.

Заходи потом ко мне.

Я метнулся за курткой, натянул ботинки, оставил зачётку на столе, чтобы больше никто не мог в неё случайно заглянуть, а затем намылился к Пискуновой.

При входе в комнату стояли два завязанных мешка. Большие. И наполненные чем-то, что действительно выглядело тяжёлым. Что ж, в прошлой жизни, я за такое бы даже не взялся. Уверен, силёнок бы не хватило.

А тут легко. Главное, чтобы тащить недалеко. А то даже такой атлет как я мог надорваться.

Она жестом указала на два мешка. Я нагнулся и ухватился за каждый одной рукой.

Ничего себе ты Геракл. Обе что ли за раз потащишь? удивилась она.

Я попытался поднять их и понял, что мешки-то увеси-

стые. Неприятно, но не критично. Тело вполне выдерживало нагрузку. Я даже не покраснел.

Во даёт, выпучила глаза Ленка, Ну пошли скорее, пока у тебя пупок не развязался.

Скорее у тебя косичка твоя развяжется, чем у меня пупок.

Это хвост, дурень, возразила она.

Конский, я надеюсь? улыбнулся я. Куда чапать?

Ох, и отвесила бы я тебе подзатыльника, коли не тащил бы мешки эти.

Да уж, туда как будто кирпичей навалили.

Ну дык, они и есть.

Я удивлённо посмотрел на неё.

А что? В хозяйстве пригодится. Стенку разбирали рабочие, я подсуетилась и попросила кирпичи сложить мне аккуратно. Выкинули бы? Или ещё хуже кто другой перехватил бы. А у нас на даче как раз лестницу надо сделать.

Дача, кирпичи, лестница, от вы вельможи!

На этот раз я получил кулаком в грудь.

Мы честная семья, честно работаем! А кирпичи не я, так кто-нибудь другой бы утащил.

Не мы такие, жизнь такая, ага.

Тащить пришлось не очень далеко, но по морозу неприятно. Пару раз даже останавливался, чтобы отдохнуть. Ленка, кстати, даже как-то пыталась помочь. Хоть это были жалкие попытки, которые не сильно облегчали ношу, в целом приятно, что человеку не наплевать.

Наконец мы дотащились до нужного двора на Рязанском проспекте, она открыла дверь, впустила меня вперёд и звала лифт.

Фух! вытерла она пот с о лба.

Намаялась, бедняжка? с улыбкой спросил я.

Она сделала недовольное выражение лица и скрестила руки на груди.

Вот тебе лишь бы хохму давить или издеваться.

Первое, сказал я, для издевательств у меня недостаточно времени, а самое главное желания. Лучше делать хорошо себе, чем плохо другим людям.

Она нахмурилась.

Ты с каких пор такой рассудительный философ?

Философ это Бэкон, Кант, Бердяев и даже в какой-то степени Юнг. Правда до того, как он изобрёл арт-терапию и перестал для меня существовать, как учёный.

Пятёрка по философии у меня, а ощущение, что я на твоём фоне должна удовл иметь. Ты где нахватался всего этого, двоечник? Или это так влияет приливающая к мозгу кровь во время нагрузок?

Если бы оно так было, я бы на боксе цитировал Сартра, а не бил лица. Впрочем, с последним я в принципе завязал.

Она подошла и потрогала мой лоб рукой.

Вроде температуры нет, нахмурилась Пискунова, а бредит, как больной.

Мне нравилась её способность подхватывать мои разгоны.

Она даже стала симпатичнее в моих глазах после этой прогулки. Но в любом случае у меня была конкретная цель, которая никак не пересекалась с противоположным полом.

Наконец приехал лифт, и я затолкал туда мешки.

Хоть бы выдержал, иначе полетим с пятого этажа камнем, переживала Ленка.

Уроки физики кое-кто явно прогуливал. Да и домишко у вас не шибко старый, я тут ещё спустя почти сорок лет побываю и не раз.

Чего-о? удивилась она.

А я понял, что лишку болтнул.

В своих э-э... В своих мечтах, вот.

Она приподняла брови.

Ну точно чем-то болеет.

Мы приехали на этаж, я уже порядком облившись потом на морозе, дотащил мешки до квартиры, а затем и внутрь закинул.

Ленкина семья жила неплохо. Не похоже было на коммуналку, не было этого длинного коридора, да и посторонних тоже.

Ещё и не коммуналка, во даёте.

Была когда-то, ответила она, а потом папа как-то договорился, что-то там выменял, переменял. Короче, я не разбираюсь особо. В общем, теперь здесь никого кроме нас.

Да-а, и всё это ради порошка, чтобы комнату помыть, я нахмурился, Так, секундочку! А какого ляда ты в общаге жи-

вёшь, если у тебя квартира через дорогу?!

Я в общежитии уже не живу, фыркнула она.

А чего ты там забыла тогда сегодня?

Ты только что тащил то, что я забыла.

Ты явно что-то от меня скрываешь, прищурился я, Но ничего. Главное, чтобы у меня на руках был порошок.

Ой, заладил тоже, сейчас достану из ванной, она прошла через небольшую прихожую в комнату, Можешь раздеться пока. Чаю попьём. Да и мокрым обратно на мороз идти такое себе.

Ну лады.

Я снял ботинки, отряхнул их от снега, чтобы быстрее сохли, скинул с себя куртку. Она где-то копошилась. Затем, припала обратно довольная и с пачкой «Лоска».

Забирай, там половина. Надеюсь, хватит.

Не успела она это сказать, как послышался щелчок открывающегося замка двери.

Вот чёрт! тихо произнесла она. Это родители. Они должны были приехать только завтра.

Открывали неспеша.

Быстро за мной!

Она схватила меня за руку и потащила в комнату.

Надо куда-нибудь спрятать тебя.

Это ещё зачем?

Она схватила мои ботинки.

Если отец тебя увидит, почувствует этот запах от тебя, а

ещё, не приведи господь, начнёт с тобой разговаривать, то он будет в бешенстве.

Ещё один щелчок замка, после которого слышались споры за дверью. Отец и мама явно что-то не поделили.

И что?

Да ничего, он сразу подумает, что я жениха себе нашла, она сделала паузу, а они оба меня уже задолбали с этой темой.

И тут я улыбнулся во все зубы.

Не вздумай, Поршневу! Не вздумай, зараза! Мне такой жених и даром не сдался.

А ты думаешь я буду тут под кроватью или в шкафу прятаться, как сыч?

Нет, нет, нет, нет, нет! Умоляю!

Но уже было поздно, я встал в прихожей в предвкушении знакомства. А Ленка встала сзади и начала нервно грызть ногти.

Пожалуйста, не вздумай разыгрывать комедию. Ты просто мой друг, который помог донести кирпичи.

В это никто не поверит, расслабься.

Чёрт, она уже была готова разрыдаться, зачем я только попросила тебя помочь?

За порошок.

Это я тебе даю порошок, а не ты мне!

Экономика хозяйств жестокая наука, азы которой постигаются лишь на практике.

Дверь открылась, и мы встретились взглядами с отцом и матерью семейства.

Папа, привет это мой друг с пото...

Жених Леночки собственной персоной, я протянул руку, широко улыбаясь.

* * * * *

Мне было совершенно не с руки участвовать в этом спектакле. Но тут крылось два очень важных «но».

Первое «но» отец Ленки это академик АН СССР самой престижной научной организации в стране. А значит знакомство с ним вполне могло приблизить меня к моей заветной цели.

Как именно я пока не знал. Но и упускать возможность не планировал.

Второе «но» это возможность иметь тесную связь с отличницей, которая при удачном раскладе могла остаться заложницей обстоятельств. Обстоятельств, которые пока складывались исключительно в мою пользу.

Написать конспект, подготовить курсовую, да и просто запрячь её что-то сделать, потому что сложилась вот такая вот дурацкая ситуация? Легко и непринуждённо.

Нет, я не был жестоким тираном, который использовал людей в своих корыстных целях. Я лишь человек, который хотел закрыть все хвосты. И любая помощь в этом деле бесценна.

Особенно с учётом того факта, что репутация у меня, как

у законченного двоечника, бежала впереди меня самого. Отличники, да и хорошисты, не планировали приближаться на пушечный выстрел. А троечники мне были точно так же не нужны, как и я им.

Поэтому я действовал исключительно исходя из обстоятельств и собственных, надо признать, крайне скромных возможностей.

Мать и отец застыли в дверях, не в силах сделать шаг вперёд. Пискунов старший уже явно преодолел рубеж в пятьдесят лет. Но выглядел неплохо. Пусть и разросся слегка в ширину, что вполне нормально для профессоров его возраста и статуса.

Мама Лены же выглядела молодо, свежо и приятно. На щеках румянец. Сверху красивое пальто, скорее всего, не советского производства. Уж больно швы аккуратные, да и сидело, как влитое. Подчёркивало её выразительную талию, которую дочь, кстати, унаследовала.

В руках у них были сумки с рассадой и другим неизвестным мне содержимым. Явно вернулись с дачи. Откуда же ещё?

Л-лена, нахмурился отец, ну что же ты молчала?

Он нервно поставил сумки на пол, отряхнулся и сделал шаг вперёд. Он был чуть ниже меня ростом. Буквально, сантиметров на пять.

Т-такие новости, мы... он периодически запинаясь. Мы с мамой, ты знаешь... Мы с мамой давно ждали этого. И вот

оно как случилось! Нежданно-негаданно!

Он снял перчатку и протянул мне мясистую руку. Лена позади стояла молча и лишь хлопала глазами. Для неё это был такой же шок, как и для всех.

Для всех, кроме меня.

Я пожал руку с огромным удовольствием.

Александр Кириллович Пискунов, произнёс он уже более ровным голосом, член Академии Наук СССР, профессор, заведующий кафедры экономики труда МГУ. А вы?

Поршнев Дмитрий, мы продолжали дёргать ладонями, сомкнутыми в рукопожатии, студент, пятый курс, Московский Институт Управления, кафедра социологии и психологии управления.

Ну надо же! обрадовался Александр Кириллович. Как это здорово, с одного потока значит с Леночкой, ну просто чудо какое-то.

Внезапно он принялся.

А чем-то пахнет? спросил он.

А ничем! воскликнула Лена. Пойдёмте все на кухню, я там окошечко открою, свежего воздуха пушу в дом. А то всё стояло закрытое, тут воздух застоялся.

Лена уже хотела меня за руку утащить куда-то, но Александр Кириллович не позволил.

Леночка, ну а как же Ирочка? Она даже не представилась!

Мама Лены уже зашла внутрь и скромно стояла в прихожей, не раздеваясь. На её лице была улыбка и надо признать,

мимика лица один в один, как у дочери. Точнее у дочери один в один, как у матери.

Я учтиво протянул руку и познакомился с Ириной.

Очень рада, сказала она.

Взаимно.

И вот теперь Ленка снова взялась за меня.

А теперь нам надо в ванную! бросила она.

В ванную? удивился Александр.

Дима только с улицы, надо руки помыть, чаю же попьём, да? она злобно посмотрела на меня и прошипела. Пшли уже!

Хорошо, Леночка, мы вещи попозже разложим, такой повод, такой повод... он аж запинался. Что же ты нам не сказала раньше? Хоть бы торт купили по дороге.

Ленка затолкала меня в ванную и резко стянула с меня куртку, расстегнув молнию.

О, нет, нет! я надел куртку обратно. Я не готов так скоро, Елена! Не торопите события.

Да чтоб тебя! она снова стянула с меня куртку до пояса и пригрозила пальцем. Хватит острить.

Через секунду она сморщилась и зажала нос пальцем. Затем схватила какой-то флакончик с полки, после чего обрызгала меня чуть ли не с ног до головы.

Это всё очень и очень плохо! переживала она. Зачем ты только меня в это втянул?

Ты всегда можешь сказать, что это розыгрыш, и я отправлюсь обратно в общагу, улыбнулся я.

Не могу! Ты видел их лица? тихо шептала она. Они счастливы! О, господь.

Лена закрыла глаза рукой, держа вторую на поясе.

Ладно, может оно и к лучшему, сказала она, в конце концов, папа станет добрее, купит мне на день рождения то платье, о котором я давно мечтала. Хорошо, хорошо. Пусть будет так.

Она как будто сама себя уговаривала принять ситуацию.

Пусть у меня будет такой жених, да, она ходила с закрытыми глазами и тёрла виски, а потом мы просто скажем, что ты уехал. Ты вообще откуда, Поршнев?

Из Сергиева-Посада.

Вот! Идеально! Я скажу, что ты бросил меня и уехал к какой-нибудь шалашовке!

Ну нет, у нас всё серьёзно, я не собираюсь тебя бросать, построил я серьёзное выражение лица, тем более ради шалашовки. Рассматриваю лишь аспиранток, которые подготовились к защите кандидатской. Хорошо подготовились, я поднял палец вверх, а не шалей-валяй!

А-а-а-а! Ленка схватила за голову.

Через мгновение принюхалась. Едва поморщилась, затем кивнула головой.

Терпимо, никуда не уходи.

Ну даже не знаю.

Если ты отсюда выйдешь, я тебе не отдам порошок!

Аргумент.

Она вылетела из ванной и вернулась меньше, чем через минуту с рубашкой в руках.

Надевай.

Пф-ф, ещё чего?

Надевай, говорю! Ты не можешь с моим отцом знакомиться в этой майке, господь, сбереги и сохрани, я с тобой уверовала даже. А мы атеисты между прочим.

Не, улыбнулся я, просто так не надену.

Ах ты шантажист чёртov! воскликнула она. Ну и что ты хочешь, а? Свидание? Прогулку по парку? Кино? Поцелуй? Давай, валяй, пока я добрая. Вот же ж, козлина ты, Поршнеv.

Пф-ф, я недовольно фыркнул, за кого ты меня держишь? Токсикозного школьника? Мне понадобится от тебе кое-что куда более ценное, чем свидания, поцелуи, кино и прогулки по парку.

Она прищурилась и упёрла руки в боки.

Ну давай, Поршнеv, используй свой чёртov шанс.

Глава 8

После того, как я сказал, что мне от неё было нужно, она буквально взбесилась.

Что-о?! Да за кого ты меня держишь Поршнев?! она орала, но шёпотом. Чтобы я и вот это?! И как в твоей голове могла только родиться такая извращённая фантазия?! Да я вообще-то дочь академика! И ты хочешь, чтобы я таким занималась?! Этой грязью?! Нет, ну ты просто выжил из ума!

Я ухмыльнулся.

Сама бы эти кирпичи ты всё равно не дотащила.

Такой ценой?! Да я бы лучше по одному кирпичу туда-обратно целую неделю таскала, чем это!

Не хочешь, не надо, выйду в майке.

Она была готова взорваться. Но не отпускала меня. Значит, всё-таки не такая уж и невыполнимая просьба была.

Ленка сделала шаг вперёд и ткнула мне пальцем в грудь.

Ты наденешь эту рубашку, а ещё ты наденешь брюки, понятно?

Ради такого, я готов даже пиджак накинуть. Чьи вещички, кстати? Неужто отец семейства свою рубашку не признает?

Свою признает, а вот деда нет.

Дедовская рубашка? Впрочем, смел ли я надеяться на большее? мой вопрос прозвучал философски.

Пискунова надула губы, и оглядела меня с ног до головы

и обратно.

Леночка! слышался голос отца. Ну что вы там застряли? Мы уже на кухне.

Идём! крикнула она и протянула мне руку. Ладно, договорились. Но смотри, если облажаешься и мой отец раскусит, что ты тот ещё лодырь и двоечник, я ничего делать не буду, ясно? И порошок тоже не отдам.

О, поверь, он ни за что не раскусит, я пожал её руку, И чего ты так всполошилась из-за обычной уборки?

Я не зухра тебе, чтобы пидорить пол в твоей комнате в общаге.

Я помог тебе, ты поможешь мне, по-моему всё честно.

Я. Ненавижу. Убираться! буркнула она. Ни шагу. Я быстро.

Она притащила брюки и тапки. Я всё надел и улыбнулся. Она отошла на пару шагов, смирила взглядом.

А ты ничего такой, если приодеть.

А какой, если разде...

Так! она не дала мне досказать. Пойдём. Умоляю, не подведи.

Да не бойсь, Капустин, пое... я сделал паузу. Впрочем, неважно.

Благо, она крылатую фразу не распознала. Что и неудивительно, девочка явно не из простого народа. И какого чёрта она всё это время в общаге кантовалась? Могла же жить в нормальной квартире через дорогу.

Мы пришли за стол, Ленка начала суетиться, всех обслуживать, наливать чай, накладывать печенье в тарелочки. При этом всё́м она улыбалась и вела себя прям по-светски. Словно у нас не чаепитие было, а заседание ООН.

Ну а как у вас с успеваемостью, Дмитрий? поинтересовался отец семейства. Надеюсь, пятёрками балуетесь хоть иногда?

Все рассмеялись.

Честно говоря, вожжи подотпустил в последнее время, ответил я, хлебнув чаю, Увлёкся, знаете ли, социологией, провалился в эту науку, что говорится, по уши. Оттого парочку долгов набрал, настолько был увлечён.

Ленка смотрела на меня отчаянным взглядом, брови домиком, из глаз вот-вот должны были хлынуть слёзы отчаяния. Но, видимо, хорошенькое платишко отец отказывался всё это время купить, что она была готова ради него всё терпеть.

Ну пара долгов, что это вообще такое? рассмеялся Александр Кириллович. Я в своё время целых три хвоста имел!

Лена посмотрела на него с ужасом и искренним удивлением. Похоже, она даже и подумать не могла, что её отец где-то в чём-то был похож на меня.

Папа, у тебя были долги?

А то! хохотнул он. Что за студент и без долгов, да? Но тут ведь важный момент! Долги у лоботрясов это одно, а когда ты делом увлечён, когда ты не вылезашь из библиотеки и

учишь предмет днями и ночами, не в силах переключиться на что-то другое, то тут совсем другое. Нет, ну по вам видно, Дмитрий, что вы человек увлекающийся.

Мама всё это время сидела, улыбалась, что-то шёпотом говорила Лене и смотрела на меня, не мигая.

Это точно, вы знаете, вот что угодно у меня спросить по социологии, хоть среди ночи разбудить, я всё отвечу. Без запинки прям, серьёзно. Ну ладно, может придётся чуть-чуть пошевелить мозгами, но ответ будет дан, я вас уверяю.

Лена уже была готова умолять, рыдать и идти в церковь. Она всеми жестами за спинами у родителей показывала мне, чтобы я ничего подобного не говорил. Потому что понимала, что её отец точно начал бы меня гонять.

Нет, ну вы только гляньте! хохотнул отец. Дмитрий, вы точно не наш родственник? Уж буквально меня описываете, ей богу.

Он сделал небольшую паузу.

Но это до жути интересно и увлекательно, я, конечно, не большой знаток социологии. Больше по экономике труда, знаете ли. Но в своё время успел и этой наукой всласть побаловаться. Провёл немало часов в библиотеке, читая таких мастодонтов, как Конт, Дюркгейм, Вебер, Омельченко, да и Маркса, чего уж таить, прочёл не раз и с превеликим удовольствием.

Лена закрыла глаза и зажала уши руками, стараясь не слышать нашего разговора. Наверное, представляла себя в том

самом платье. Фантазёрка.

О, вы эстет, сказал я, но был ли такой социолог по фамилии Омельченко? Не припомню что-то.

Александр Кириллович расхохотался так, что аж окна задребезжали.

Иринка, ну ты только глянь, ох, что за парень! А вы ведь правы, я выдумал эту фамилию. Уж больно хотелось сыграть в вашу игру. Вы уж не обессудьте. Понимаю, что застолье, расслабленная обстановка. Да и не можем мы знать всего. Вы студент, ваш путь только начинается, впереди ещё столько наук. Вы главное хвосты закрывайте, не затягивайте с этим делом.

Нет, нет, мне тоже нравится эта игра, улыбнулся я, Прошу, давайте проверим мои познания. Мозг это тоже мышца. Её надо тренировать.

На удивление, после нагрузок и мороза, я вспоминал всё, что нужно гораздо быстрее. Впрочем, не так быстро, как в прошлой жизни. Далеко не так быстро.

Ну вы сами меня вынудили, улыбался Александр Кириллович, Дюркгейм, 1892 год...

Внезапно он замолчал, а я сразу и не вспомнил то, что мне было нужно. Какое-то время на размышления у меня всё-таки было. Но сложилось впечатление, что именно эта информация не присутствовала в памяти даже в прошлой жизни.

Признаться, честно, я не очень любил Дюркгейма и его

взгляды были мне не близки.

Чёрт, кредит доверия я заполучил. Сейчас бы его не про-
фукать.

Ну что же, Дмитрий, он расстроился на глазах, самое эле-
ментарное же!

И я не мог вспомнить. Я не мог, чёрт подери вспомнить.
Уже почти минута прошла. Нет, нельзя было признаваться.
Думай, чёрт подери, думай.

Нет, ну зачем же предлагать такую забаву и потом всё пор-
ти...

Диссертация «О разделении общественного труда», выпал
я, знатно вспотев, пока раздумывал.

Чёрт, надо было заканчивать эти игры. Я всё время пе-
реоценивал свои возможности в новом теле. Лена стояла на
месте, словно статуя.

Отец семейства выдохнул.

Ну слава всем светилам науки вы вспомнили, а то увле-
каться социологией и не знать основ по Дюркгейму, это из-
вините меня настоящее преступление.

Да, вы правы, пожалуй, остановим...

Нет, нет, вы меня прям раззадорили, снова улыбнулся он,
глядя в потолок, Знаете, вы сейчас буквально заставили ме-
ня вернуться в мои юношеские годы. Это чувство, когда на-
учное знание буквально пронизывает тебя. Когда ты нахо-
дишься в таком состоянии потока, что курсовые, выпуск-
ные квалификационные работы, диссертации писались слов-

но сочинения по литературе. Легко, быстро, эмоционально и прямо в точку. Давайте продолжим.

Чёрт. Мозг, не подведи же!

Итак, Дмитрий, а как насчёт кое чего посложнее, готовы?

О, нет, я не был готов. Но деваться было некуда. Раз уж влез во всё это дело, нельзя было упасть в грязь лицом. Если даже такое испытание мне не по зубам, то как я собирался реализовывать свои цели?

Знаю, что готовы, то ведь была разминка, Дмитрий, он хрустнул пальцами, вывернув ладони, Итак, есть у меня один очень важный и очень любимый учёный. Американец, но американец с подвохом.

Он улыбнулся и его глаза превратились в щёлочки. Очень обаятельный внешне и крайне опасный внутри.

Этот американец сумел основать социологический факультет в одном небезызвестном американском университете. Итак, Дмитрий, о ком речь и каковы его заслуги? Пожалуйста.

Это уже было не добродушное застолье. Он заманил меня в свою ловушку. И Ирина смотрела уже без улыбки. Раз я такой уверенный в себе и готовый к испытаниям, то нужно было проверить меня здесь и сейчас.

И эта проверка витала в воздухе.

Получается, если я не проходил эту проверку, то лишился: порошка, а также мойщицы, которая к порошку прилагалась, если я побеждал в этой игре.

Проиграть здесь и сейчас, значит нарушить главное правило эффективной работы и эффективного достижения целей: начинать всегда с победы.

А ещё этот проигрыш мог сильно ударить по моему самолюбию. Так что даже прогулки по яблоневоу саду не помогли бы. Да и как по нему гулять, когда зима?

Так, нужно было собраться.

Ну что же вы, Дмитрий? ехидно спросил отец семейства. Сдаётесь?

Нет, Александр Кириллович, дайте ещё немного времени на размышления.

Внезапно он начал выходить из себя.

Ну позвольте, вопрос не элементарный, но с огромной, с огромнейшей подсказкой! Американец с подвохом! Да открой даже Ирочка учебник по социологии, коли она бы этой дисциплиной увлекалась, она бы сразу же назвала мне его.

Дорогой, я прекрасно знаю о ком ты, вторила жена с ухмылочкой.

Она глядела на меня, как на подопытного кролика. Это была та самая проверка, которой опасалась Ленка. Сама Пискунова стояла всё в той же позе, не мигая, не двигаясь.

На кону было платье.

И хоть мне этого никогда не понять, но для неё, видимо, это очень важная часть жизни. Из-за этого она была готова пойти даже на обман.

Так, ладно, нужно сосредоточиться. Американец с подво-

хом. Ну точно не Парсонс и его «Социальная система». Тут никакого подвоха не было. Ученики Парсонса тоже мимо. Тот же Мертон продолжатель. Но никакого подвоха.

Чикагская школа считалась школой с подвохом? У меня лишь один шанс на ответ. Если я скажу Роберт Парк, который сначала отучился в США, а затем отправился в Германию, и это окажется неверным ответом, то они меня засмеют.

А это не звучало, как неверный ответ.

Ну всё, голубчик, разочарованно произнёс Александр Кириллович, вам ещё учиться и учиться, знаете ли.

Он сделал глубокий вздох, отхлебнул чаю и посмотрел на часы.

Леночка, сказал он, собирай-ка ты стол, надо сумки разобрать, да готовиться ко...

Питирим Сорокин, спокойно произнёс я.

Американец с подвохом. Ну разумеется это Питирим Сорокин. Родился и жил в Российской Империи, а затем эмигрировал в США. Там же открыл социологический факультет в Гарварде одно из его действительно больших достижений.

Но каких же усилий мне стоило это всё вспомнить.

Повисла гробовая тишина. Все смотрели на меня не мигая. Тишину прервал Александр.

Нет, ну Ленок, а он неплох! Очень даже неплох!

Как же быстро менялось настроение этого человека. Но самое главное, как я сразу не заметил, что это человек-на-

строение. Очаровать его легко, а разочаровать ещё легче. Знал я таких, от любви до ненависти один шаг.

Что ж, пусть и запозданием, но вы ответили, он уже довольно радостно отхлебнул чаю, Надо бы продолжить. У меня внутри просто калейдоскоп эмоций, Ирочка, ты даже не представляешь. Чувствую себя на тридцать лет моло...

Хватит! воскликнула Лена.

Все вновь затихли, уставившись на неё.

Папа, ты каждый раз устраиваешь допрос с пристрастием.

Но он сам сказал, Леночка, что на зубок знает предмет.

Он не говорил, она скрестила руки на груди, он сказал, что увлёкся предметом.

Нет, ну послушайте, воскликнул отец, не выставляй меня дураком, дочка! Или ты хочешь сказать, что я сам не знаю, что говорю? Ты это мне хочешь сказать?

Нет, папа, тихо произнесла Лена, отвернувшись.

Ко всему прочему, мы даже не поговорили о серьёзности ваших намерений, мы даже не узнали, как вы познакомились? внезапно вклинилась Ирина. Александр вот узнал о вас, Дмитрий, всё, что его интересовало. А теперь моя очередь.

Я выдохнул. Уж лучше было рассказывать о том, какие намерения, чем дальше проходить этот тест. Я бы не удивился, если бы Пискунов старший спросил меня про что-нибудь из эпохи Палеолита. А потом бы сказал, мол, это легкотня, которую все должны знать.

Но то, что не ударил в грязь лицом уже хорошо. Перед глазами у меня маячил порошок «Лоск», благодаря которому комната в общежитии засияет. А как только засияет комната, я стану чуточку счастливее.

Ой, мам, это уже совсем не обязательно. Время позднее, завтра всем на работу, да и чего вообще это обсуждать? Ну познакомились в университете и познакомились. Вы же с папой тоже в университете познакомились.

Нет, ну как так? возмутилась Ирина Юрьевна. Мы же должны всё знать, в конце концов в скором времени будем далеко не чужими друг другу людьми.

Чужими, не чужими, верещала Лена, это всё детали, которые можно и потом обсудить. А сейчас давайте действительно сумки разберём. Пап, кстати, Дима принёс кирпичи для твоей дачи, представляешь?

Она отчаянно пыталась перескочить на другую тему, однако, Ирина была настойчива.

Дмитрий, насколько серьёзны ваши намерения по отношению к нашей дочери? И сможете ли вы обеспечить ей такой уровень жизни, который бы соответствовал её статусу и положению?

Чёрт подери, неужели я всё это делал из-за пачки порошка?

В конце концов, на что ни пойдёшь ради полезного знакомства с членом-академиком Академии Наук СССР?

Единственное, что меня смущало, так это количество ис-

пытаний, которые мне выпали на этот день. Не успел я очухаться от шахматной партии с сотрудниками Научно-исследовательской части, как передо мной совершенно внезапно появились истинные интеллигенты при деньгах.

Разумеется, они поняли с самого начала, что я собой представлял. На мне были самые настоящие обноски. Поэтому вежливость лишь предлог узнать меня поближе и раскусить.

Граждане хоть и советские, но отношение нифига социалистическое. Понять Ирину и Александра было можно. Они хотели, чтобы их дочь вышла за какого-нибудь учёного, ну или хотя бы аспиранта. Желательно, чтобы этот учёный-аспирант был тоже из хорошей семьи. В МИУ таких кандидатов было предостаточно.

А в итоге здесь оказался я. Телосложение у меня не аспирантское, руки у меня не как у интеллигента. Ирина и Александр не раз обратили внимание на мои сбитые костяшки. Но как истинные интеллигенты, не обмолвились даже словом.

А вот когда я начал общаться, появилось замешательство. Говорил я один в один, как интеллигент. Ещё бы, в прошлой жизни я был из их касты. Но выглядел иначе. Совсем иначе.

И вся эта игра, все эти проверки, всё делалось лишь ради того, чтобы как-то вывести меня на чистую воду. Ну или слить по-быстрому, чтобы не отсвечивал.

Потом Леночке бы промыли мозги, что я ей не подходил. И, возможно, любой другой на моём месте бы встал и

ушёл прямо посреди разговора.

Да вот только я больше всего ненавидел играть по чьим-то правилам. Я всегда любил навязывать свои. И сейчас был тот самый момент, когда нужно было сделать резкий ход конём. Перевернуть игру.

Они думали, что это они меня играли. А на самом деле, когда я успешно прошёл отцовские проверки и в дело включилась уже мать, я уже начал перехватывать инициативу.

Ну так что, Дмитрий Владимирович, с ехидной улыбкой продолжала Ирина, так и будете томить нас ожиданием? Или всё же расскажете о намерениях. Как видите, разговор у нас теперь развивается во вполне серьёзном русле. И мы, как родители, попросту не можем отдать нашу дочь в ненадёжные руки.

Мама! внезапно вышла из себя Лена.

Что мама? Я уже как сорок два года мама!

А вы не хотели никогда поинтересоваться, в какие руки хочу отдаться я?

Опа! А дело обрело неожиданный поворот. Лена внезапно осознала, что её жизнь ей не принадлежала. И если до этого, её двигало желание получить какое-то красивое платье, то теперь заиграла девичья гордость. Да как они вообще смели эти дурацкие родители решать за неё её судьбу.

А что интересоваться, Лена? Ты ещё дитя, вот отдашься кому-то ненадёжному, несостоятельному, безответственному.

С долгами по учёбе, добавил отец.

И тут я понял, к чему он это говорил изначально. Ну не мог я поверить в то, что этот мужчина имел хоть когда-то долги по учёбе. Не мог, потому что сам в прошлый жизни был таким. У меня за всю жизнь ни единого долга. Ни единого хвоста. А он тут рассказывал о трёх предметах, которые завалил. Ага.

Да? Ну и пусть с долгами по учёбе, зато любимый!

Ой, доча, да какой любимый? У тебя любовь эта выветрится через месяц, а есть на что будете? Куда расти-то будете? Или планируете в коммунальной клетушке прожить до конца дней своих?

А коли захочу, чего бы и не прожить?!

Лена откровенно дерзила. А мне это всё было на руку.

Потому что ты дура, Лена! Вот, что в школе у тебя был ветер в голове, что сейчас! Еле-еле мы тебя с отцом на путь истинный наставили, уже и позабыли этот десятый класс, как страшный сон, а она на те! Снова моча в голову ударила.

И теперь мой ход, дамы и господа.

Вы спрашивали, какие у меня намерения? улыбнулся я. Самые, что ни на есть серьёзные, уважаемые Ирина Юрьевна и Александр Кириллович. Настолько серьёзные, что вы даже представить себе не могли.

С этими словами я полез в карман. Напряжение в комнате висело такое, что хоть ножом можно было резать.

Глава 9

Александр Кириллович уставился на меня с выпученными глазами и приподнятыми бровями. Ирина Юрьевна прикрыла рот ладонью, а Лена смотрела на меня так, будто призрака увидела.

Гробовая тишина, лишь за окном слышались редкие звуки проезжающих машин.

Что я испытывал в этот момент сложно описать. Смесь глубокого удовлетворения, восторга, лёгкого мандража и предвкушения.

Все трое даже и подозревать не могли, что я выкину нечто подобное. Тем временем, уже им нужно было решать, что со всем этим делать. Теперь они играли в мою игру, а не я в их игру.

Ч-что это значит? прошептала Лена.

Это кольцо, дорогая, улыбнулся я, ты же сама мне говорила, что твои родители будут счастливы, если ты выйдешь замуж.

Да, но... внезапно её взгляд изменился, она даже обрадовалась. Впрочем, никаких «но», я согласна!

И пока родители потеряли дар речи, наблюдая за этой картиной, Пискунова бросилась мне на шею и поцеловала так страстно, как могла.

Вот этого не ожидал уже я. И, честно говоря, лучше бы

она этого не делала. Теперь мне придётся бороться ещё и с подступившим возбуждением, ибо поцелуй, надо сказать, был горячим. А это крайне пагубно скажется на моей продуктивности в дальнейшем.

Настоящий учёный должен быть сосредоточен на цели, а не отвлекаться на каждую юбку. И пока счёт был два-ноль в пользу юбок.

Успокаивало меня только то, что я всё-таки вышел неоспоримым победителем из этой ситуации. Ещё и Ленку заполучил в свои союзники, а это открывало передо мной некие перспективы.

Ну подождите же! не выдержал отец. Так нельзя, вы же, вы же...

Он не мог подобрать слова, а Ирина стояла в шоке и молчала.

Что мы же? Счастливы и любим друг друга? улыбнулась Лена.

После этих слов, она положила мои руки себе на талию.

Правда, Дим? она повернулась ко мне.

Только сейчас я разглядел её изумрудные глаза. А ведь довольно красивый оттенок. Уникальный. Мало кого встретишь с такими глазами.

Несомненно! радостно воскликнул я. Ну что же вы стоите? Поздравите нас?

* * * * *

После долгого разговора, в ходе которого родители Лены

пусть и не без труда, но приняли ситуацию, мы наконец вышли с ней на лестничный пролёт.

Как только мы оказались наедине, она буквально с кулаками бросилась молотить мне грудь.

Чокнутый придурок, идиот, дуралей! Что ты вообще устроил?! Как мы будем из этого выпутываться?!

Мы? удивился я. Твои родители не моя проблема.

Не твоя?! она снова начала бить меня в грудь. Ты мой будущий муж вообще-то!

Помнится, кто-то два часа назад заявил, что такого мужа, как я ей и даром не надо.

Она прищурилась.

Откуда ты всё знал? Как ты ответил на вопросы отца? Я ещё ни одного своего парня с ним не знакомила. Потому что он никого не принимал.

Я из будущего, я всё знаю. Даже сколько медалей возьмут наши олимпийцы на грядущих играх. Всего восемьдесят золотых, шестьдесят дев...

Так, стоп! она подняла руку. Для двоечника с долгами, дурной репутацией и без гроша в кармане, ты складно чешешь, да и колечко подобрал красивое. Жалко, конечно, будет расставаться с такой прелестью. Ещё и бриллиант. Это настоящий? Хотя, чего я спрашиваю, конечно же нет. Я понятия не имею, откуда у тебя деньги на такое кольцо, а уж чтобы оно и с настоящим бриллиантом было.

Я со скучающим видом посмотрел на часы, было уже

одиннадцать. Если я не лягу спать в ближайшие полчаса, я отклонюсь от плана. А отклоняться от плана в первый же день верный признак этот план завалить на старте. А мне этого не нужно было.

Ладно, поупражняйся в дедуктивном методе на досуге, зевая сказал я, Отнеси в комиссионку кольцо, если хочешь. Там тебе скажут настоящий брюлик или нет. Ну или продолжай водить родителей за нос. Как тебе будет угодно.

Ты... она замерла. Ты оставишь кольцо мне?

Ну разумеется, глупенькая, на кой чёрт мне сдалось женское кольцо? Тем более твой папа обещался тебе сделать какой-то потрясающий подарок в честь этого события. Может даже что-то покруче того платья, о котором ты мечтала?

Она застыла с раскрытым ртом и приподнятыми бровями.

Я... Я тебя не понимаю, она вертела кольцо на пальце, оно же не мне предназначалось. Ты же не мог это всё спланировать.

Мог, конечно, хмыкнул я, Или ты не поверила, что я из будущего? Ну бывай.

С этими словами я пошёл по лестнице. Но вспомнив кое-что важное, остановился.

Кстати, я таки чуть не забыл то, за чем пришёл!

О, господи, выдохнула она, я когда приду чистить твою комнату, просто возьму порошок с собой.

А когда это случится?

Она упёрла руки в боки.

Деловой какой, Лена задрала подбородок, А может я не хочу уже ничего мыть?

Нифига ты с характером, я приподнял брови, Ну тогда гони порошок, сам справлюсь.

Нет уж! она скрестила руки на груди. Я не из тех, кто слова своего не держит.

Вот и славно.

На этом я вылетел пулей из дома, перебежал через дорогу, забрёл в общагу, поднялся на этаж и ввалился в комнату, скидывая с себя одежду.

Недовольный Артём проснулся и что-то пробурчал. Я же отправился наконец в душ, потому что не мылся почти двое суток. Вода была ледяная, но моему телу было пофиг. Как будто я постоянно мылся именно в ледяной воде.

А меж тем в прошлой жизни ледяной душ я любил, но он мне всегда давался тяжело. Сначала надо было намочить конечности, потом грудь, потом живот и только в конце голову и спину. Каждый раз, как в первый раз.

А тут бахнул, вздрогнул, да и только. Значит, иммунитет хороший. Поэтому за болезни можно было не переживать.

* * * * *

АПЧХИ!

Я чихнул на всю аудиторию. Лектор даже прервался на секунду. А я пытался высморкать всё содержимое носовых пазух, но оно будто окаменело.

Какого чёрта вообще? Если я сейчас разболеюсь в конец

это будет просто отвратительно. Голову уже мутило, а глаза были красные.

Из всех болезней более всего я ненавидел чёртгов гайморит. Заснуть толком не давал, бодрствовать тоже. Терпи, пока организм не справится.

И если в прошлой жизни у меня была аптека под боком, где можно было взять какой-нибудь Отривин или ещё что, убирающее воспаление и облегчающее жизнь, то в 80-м году у меня выбор был невелик. А ближайшая аптека километрах в четырёх отсюда.

Так, Поршнев! воскликнул лектор. Вы сюда бациллы пришли разносить? А ну-ка покиньте аудиторию!

АПЧХИБЛИНСКИЙМАТЬЕГО!

Когда я чихал, я был похож на голодного тиранозавра, если судить по звукам.

Вся аудитория начала галдеть и гоготать. Надо признать, чихал я действительно потешно. Иногда и самому еле удавалось сдержаться от смеха.

Поршнев!

Что Поршнев? ответил я с забитым носом. Я не могу пропускать лекции, вы мне автомат не поставите.

Аудитория начала смеяться ещё громче. А я и забыл о своей репутации здесь, ну да.

Преподаватель улыбнулся.

Я бы не поставил вам автомат, Поршнев, даже если бы вы лично мне весь материал зачитали по памяти, он сделал

паузу, Хотя нет, в этом случае бы поставил. Но тогда в этот же день бы слон в зоопарке сдох, помяните моё слово.

Вас за язык никто не тянул, внезапно встал я, зачитываю ваш учебник по памяти и у меня автомат?

Не смешите меня, Поршневу, вы даже время начала пар запомнить не можете, какой ещё к чёрту учебник?

Аудитория гоготала всюду, но сейчас мне было плевать. Потому что у меня нарисовался шанс получить зачёт автоматом, прикладывая минимальные усилия.

Технологии социологических измерений я знал на зубок. В моей голове был не просто один учебник, у меня в голове было больше десятка этих учебников, потому что в прошлой жизни я только и делал, что изучал методологию соц-измерений.

Можно сказать, это был мой фетиш, который растянулся на три года. Я даже хулиганил, когда вёл семинары, будучи аспирантом. Я совершенно забивал на предмет, который мне давали и программу предмета, а полностью рассказывал студентам про соц-исследования. Потому что ни о чём другом я рассказывать не хотел.

В советской образовательной системе подобный подход был бы невозможен. Но в России 2018 года высшая образовательная система докатилась до того, что тема семинара и основной предмет практически не имели никакого значения и могли быть даже не связаны напрямую.

Я бы, конечно, ни за что так бы не поступил, если б одна-

жды не попал на семинар одного из своих коллег. Казимир Владиславович на семинарах болтал со студентами за жизнь, узнавал, чем они увлекались, обсуждал фильмы и последние новости.

Увидев это, я уже не смог сдерживаться. И на каждом семинаре делился лишь тем, что было интересно лично мне. А именно технологиями социологических измерений.

Самое интересное, что такой подход обеспечил даже лучший результат по успеваемости. Оказалось, что когда ты делишься с людьми тем, что тебя по-настоящему воодушевляет, они заряжаются твоей энергией и учатся гораздо лучше.

Ну так что, Евгений Викторович? продолжал я говорить в нос. По рукам?

Он рассмеялся, а я тем временем встал с места и направился к подиуму, с которого он вёл лекцию. Евгений Викторович даже нахмурился и поправил очки.

Оказавшись перед ним, я протянул ладонь.

Наша с вами джентельменская договорённость, скреплённая рукопожатием при свидетелях.

А вы не боитесь опозориться при свидетелях, когда будете мне отвечать? Я ведь по полной с вас спрошу.

Никакого позора не будет.

Он снова рассмеялся.

Что ж, это даже становится интересно. Обычно я не соглашаюсь на такие авантюры, но вы, Поршневы, меня заинтриговали. Неужели и правда всё выучите?

Он пожал мне руку.

Да, уверенно сказал я, какого числа проверка?

Вы настолько уверены в себе? приподнял брови Евгений Викторович, Я ведь на следующую неделю назначу!

Вперёд.

Аудитория притихла. Все были удивлены подобным развитием событий. Все, кроме меня. В такие моменты мне казалось, что я буквально управлял реальностью. Никто не мог мне ничего противопоставить.

Когда у нас следующая лекция? спросил он у аудитории.

Все полезли проверять.

Девятого января в одиннадцать ноль, ноль, спокойно ответил я, Как видите, расписание я хорошо запомнил в первый же день.

Хорошо, Поршневу, девятого января. Если хоть разок заплнётся, я вам на зачёте спуска не дам. Только дайте мне повод поставить вам незачёт, и я им воспользуюсь.

У вас не будет ни единого повода. АПЧХИ!

Господь, Поршневу, прикрывайтесь хотя бы!

Прошу прощения.

Если не придёте по болезни, второго шанса не дам.

Я не приду только если меня собьёт 209 автобус.

К девятому января я уже планировал окончательно раскачаться. Главное побороть чёртову простуду, которая подкралась ко мне так невовремя.

А я ведь был уверен, что тело Поршнева это закалённая

сталь, которой ни по чём все эти болезни.

Впрочем, нельзя переоценивать человеческую плоть. В конце концов, каким бы ни был здоровым и спортивным человек, он всегда мог довести собственный иммунитет до истощения.

После лекций я занял денег у Артёма и побрёл в аптеку, чтобы закупиться лекарствами.

Что у вас есть от простуды? спросил я, пуская сопли.

Аспирин, анальгин, ответила фармацевт в белом халате.

А ещё?

Молодой человек, очередь не задерживайте. Здесь по-вашему шведский стол из лекарств? Сказала же аспирин и анальгин.

Я понимал, что этими лекарствами я вряд ли на ноги встану. Но делать было нечего.

Ладно, давайте.

Когда вернулся в общагу мне стало совсем дурно. Я закинулся двумя таблетками и обмотался в одеяло. На ноги натянул шерстяные носки, которые откопал под кроватью.

В комнате всё ещё пасло, но окно я открыть не мог, потому что боялся заболеть ещё больше. Меня начало адски трясти.

Чёртов озноб. А где озноб, там и температура.

Приплыли.

Вот и весь план насмарку.

Я должен сидеть и вспоминать философию. Как вообще

так случилось, что этот увалень завалил философию?

Потрясающий предмет. Интересный, увлекательный. Да, конечно, я не был фанатом философии. Но, чёрт подери, я и не был её противником. Если представлялась возможность пополнить свой багаж знаний по философии в прошлой жизни, я обязательно его использовал.

Голова стала свинцовой. Я достал учебник по философии, сел за стол, и выстукивая зубами трель, начал читать.

Послышался звук открывающейся двери и зашёл Артём.

Жесть, ты чего в одеяле расселся? спросил он.

З-заболел.

От блин, он подошёл поближе и потрогал мой лоб, Да ты вулкан просто.

Спасибо, это я ещё только разогреваюсь.

Не хохми. Тебе нужен здоровый сон, пара холодных компрессов и спокойствие, он сделал паузу, А мне иммунитет покрепче. Ещё заразиться от тебя не хватало. Соревы пропущу.

Иммунитет т-твой тебе не поможет, вирус-сня лютая, буркнул я.

Как не поможет? Поможет конечно!

Как знаешь.

А ещё поможет переночевать у Настюхи в блоке. Точно. Знаешь, бросаю я тебя, пожалуй, на этой ноте.

Этот план тоже звучит неплохо. Главное, чтобы ты сам не был заразный. А то разнесётся по всему блоку, а то и общаге.

Так с чего заразным быть? Я же без температуры и соплей, значит всё нормально.

Я не стал ему объяснять, что вирус мог уже ему передаться, а он мог быть переносчиком на инкубационной стадии. Эти знания для Артёма явно были малодоступными.

Поэтому он со спокойной душой вышел и направился на другой этаж. Я же прокашлялся так, что чуть лёгкие не выплюнул. Попытался вздохнуть носом, да не вышло. Всё намертво обложило. Потрогал рукой лоб и понял, что горю адским пламенем.

Мощная вирусня попалась.

Ладно, надо брать свои слова обратно. С таким вирусом не каждый атлет олимпийский бы справился. Так что о простуде речи и быть не могло. Тут тело было не при чём.

Но самое мерзкое заключалось в том, что я не мог думать. Любая попытка сконцентрироваться заканчивалась головной болью. А глядя по сторонам и наблюдая разводы на полу и грязный комод, мне становилось мерзко от того, что я здесь находился.

Интересно, Лена вообще планировала прийти и помочь с уборкой? Или, как и любая другая женщина, воспользовалась ситуацией, чтобы слиться?

Ладно, мы с ней встретимся на потоке, уж там я её зацеплю и призову к ответственности. Заставить девчонку пидорить полы я конечно же не мог. Но пусть хоть порошок бы дала.

А то я опасался, что если попрошу порошок ещё у кого встряну в историю посерьёзнее.

Хотя куда серьёзнее того, чтобы подарить кольцо в обмен на услуги уборщицы?

Меж тем колечко сильно впечатлило отца семейства. Он прям недоумевал, откуда у такого, как я была возможность приобрести такое дорогое кольцо? Может не так уж я был и прост?

Это позволяло мне получить некий кредит доверия. Плясать, конечно, под чью-то дудку не хотелось, но если это сулило мне более стремительный взлёт по карьерной лестнице в науке, то почему бы и нет?

На время я сдался. Решил поспать часика два и продолжить на более свежую голову. Нужно было подтянуть философию. Иначе план пошёл бы прахом.

Иначе всё полетело бы под откос.

Ибо дальше легче не станет.

* * * * *

Проснулся уже, когда начало светать. Голова трещала адски, чувствовал себя я даже хуже, чем вечером. Несмотря на то, что я всю ночь провёл под одеялом и шерстяным пледом, я не то, что не пропотел, я был сухой, как тальк.

В комнате царила такая адская духотень и прелый, вонючий запах, что я уже плюнул на всё и открыл окно настежь. Вместе с ним, завернувшись в одеяло и, продолжая стучать зубами, я открыл дверь, чтобы создать сквозняк.

Сам отправился на кухню в конце пролёта и стал заваривать чай.

К слову, грёбанный чай вообще не помог, стало только хуже. Да что же, чёрт подери делать?

Мне уже нужно было полностью перелопатить план. По философии я не продвинулся ни на йоту. Сконцентрироваться я вообще никак не мог. А мне сегодня ещё в НИЧ идти устраиваться!

Кое как я натянул на себя одежду, закинулся ещё горстью таблеток, от которых не было совершенно никакого толку, обмотался шарфом, натянул шапку и отправился.

Сначала я отсидел на лекции, где уже не чихал, а сопел, как полумёртвый. Судя по тому, что от меня отсели все, как от прокажённого, выглядел я так себе.

Отсидев первую лекцию, я еле-еле двигая рукой, сумел записать основные тезисы. А меж тем, это был очень важный предмет организационная структура центров социологических исследований.

Именно в этом предмете я плавал, потому что проработал в прошлой жизни от силы год в такой организации и толком её не изучил. Поэтому нужно было всё старательно записывать и запоминать. И если с первым я ещё худо-бедно справлялся, то вот со вторым были огромные проблемы.

На второй лекции я буквально клевал носом, у меня текло отовсюду из глаз, из ноздрей, из ушей. А полость рта, наоборот, была сухой, как пустыня.

На перемене я попытался попить воды из-под крана, но не смог. Горло было воспалено настолько сильно, что даже питьё доставляло Прометеевы страдания.

Когда я кашлял, мне казалось, что у меня в пищеводе застрял камень. Одно из самых мерзких ощущений, что я вообще испытывал в этом теле.

Последняя лекция, и я сидел на ней обмотанный шарфом, словно преступник на диком западе, идущий ограбить банк. Только вместо широкополой шляпы вязаная шапка с белым помпоном.

Так, молодой человек, вы не на улице! обратилась ко мне лектор. Снимайте давайте шапку и шарф. Что это вообще такое?

Я сказал, что я болею. Но даже я сам не смог расслышать свой тихий и хриплый голос.

Не слышу вас! воскликнула она. Снимайте же! Вот же ж мода пошла, вы может ещё куртку наденете?

О, поверьте, я бы хоть кастрюлю на голову нацепил, лишь бы мне это помогло.

Те, кто сидел рядом, начали хихикать. В основном это были девчонки. Но среди них я заметил знакомый взгляд. Ленка Пискунова обернулась и смотрела на меня с прищуром.

К сожалению, моя острога не дошла до преподавателя, и она продолжала на меня давить.

Я жду!

Да он не может, он болеет, внезапно крикнула Ленка, у

него грипп.

А чего пришёл тогда? Заразить нас всех?

Я закрыл лицо руками. Ну почему некоторые преподавы такие мерзкие?

Потому что любит ваш предмет и не может его пропускать.

Это правда? она обратилась ко мне.

В это же время Ленка повернулась ко мне и подняла палец вверх.

Я посмотрел на преподавателя и кивнул.

Что ж, на этот раз сделаем исключение. И прикрывайтесь, не распускайте сразу по всей аудитории!

К концу лекции я уже был готов к смерти и новому перерождению. Эта болезнь меня адски иссушала. Глаза закрывались, тело ломило, руки были ватные, пальцы не слушались.

Чувствовал себя стариком, готовым отправиться к праотцам.

В какой-то момент я окончательно провалился и очнулся уже когда все расходились. Я попытался встать, но получалось так себе. Поэтому я начал просто скользить по лавочке в сторону прохода.

Голову совсем перекрыло.

В проходе стояла знакомая пара ног. Я посмотрел на владелицу.

Ленка Пискунова, улыбнулся я, жена моя будущая.

Она смотрела на меня взволнованно.

Ты чумой заболел что ли? Выглядишь так, словно сейчас коньки отбросишь.

Чувствую себя примерно так же.

Так, с этим надо что-то делать. Если помогу, дойти со мной до дома сможешь?

До общаги? я попытался сделать шаг вперёд, но ноги подкашивались. Легко!

Какой общаги, дурак? Ко мне пойдём.

Это ещё зачем? возмутился я. Я до свадьбы в постель с тобой ложиться не собираюсь!

Ой, дурак! всплеснула она руками. У меня лекарства импортные есть, дядя привозит из-за границы. Поставим тебя на ноги за два, три дня. Отец в командировку уехал, а мама к родственникам.

Не, не, я сейчас должен идти устраиваться в НИЧ, мне не до этих ваших... я на мгновение забыл слово. Постелей. Во!

И даже не сделав второй шаг, я почувствовал, как перед глазами всё заволгло туманом.

Последняя мысль перед обмороком: «Надо любой ценой доползти до Научно-исследовательской части».

Глава 10

Всё происходило, как в тумане. В один момент я даже увидел олимпийского мишку, который пытался разрезать ножами мою рубашку. Я отнекивался, отбрыкивался, потому что это была единственная приличная рубашка в моём арсенале.

Затем я вспомнил, как Лена меня чуть ли не волокла по коридорам, а я порывался пойти в НИЧ. Разумеется, она меня не отпускала. Потом я увидел комнату, которая что-то мне напоминала.

Ну конечно, бабушкина квартира из прошлой жизни. Длинная комнатка с зеркалом в дальнем конце. Две кровати друг напротив друга. Между ними сантиметров пятьдесят, не больше. Затем рабочий стол напротив окна, а позади шкаф с шубами.

Бабушка имела по меньшей мере три шубы, но практически их не носила, обходясь лишь тёплыми пальто. Берегла для чего-то. Я понятия не имел для чего именно.

В общем, у Лены с братом была ровно такая же комната. Ну почти. Отличалась лишь наличием нескольких ковров, один из которых висел над кроватью, где я лежал.

Готов поклясться, что в один момент фигуры на ковре начали двигаться и угрожать мне.

Но больше всего я переживал за свой план. Я постоянно

думал о том, что нужно будет переставить, как адаптировать его под новые реалии, когда пара-тройка дней точно вылетали из моей жизни.

Я рисовал какие-то кривые у себя в голове, графики, таблицы, хотя на деле мой план был обычным маркированным списком.

В общем, температура у меня была знатная, учитывая, что реальность в моих глазах серьёзно изменилась.

Ленка суежилась, как могла, таскала компрессы, но самое главное не давала мне накрыться.

Трясло меня так, что можно было масло взболтать. Я умолял Ленку дать мне одеяло, но она меня трогала тыльной стороной ладони за лоб, затем, расстёгивала рубашку, трогала грудь и отрицательно мотала головой.

Тебе наоборот охладиться нужно. Если дам одеяло ты разогреешься ещё больше. А у тебя и без того...

Она залезла мне под рубашку и вытащила градусник.

Тридцать девять и три. Ужас.

После этого я снова провалился в беспокойные сны и бредовое состояние рассудка. Когда очнулся, понял, что рубашку с меня стянули. Я лежал в одних трусах.

Лена, ты меня зачем раздела? спросил я еле шевеля губами.

Я тебя не раздевала, ты сам в состоянии раздеться был.

Я приподнял брови.

Так! Чтобы тут не засматривалась, понятно?

Она закатила глаза и бросила мне в лицо мокрым, ледяным полотенцем-компрессом.

Ставишь этих мужиков на ноги и никакой благодарности. Я должен быть сейчас в Научно-исследовательской части, пролепетал я.

Я это уже слышала позавчера.

И тут я окончательно проснулся и резко поднялся на кровати.

Что-о?! Сегодня уже пятое?!

Она резко толкнула меня рукой, и я без сил упал обратно. Пятое, пятое! А ты какое хотел? Думал, что грипп легко лечится?

Откуда ты вообще знаешь, как грипп лечить?

У меня брат-медик, бросила она, Всё, тебе нельзя говорить. Лежи молча.

После этого она накормила меня пригоршней таблеток, после которых я начал потеть.

Мда, тяжело мне будет реализовать свой план. Очень тяжело.

* * * * *

Я резко открыл глаза и вокруг всё было ясное, чёткое и без «температурных примесей».

На этот раз до подбородка было натянуто одеяло. А на лбу проступила испарина. Едва подвигавшись под одеялом, я осознал, что испарина не только на лбу. Я адски пропотел.

Потрогав лоб, понял, что уже не горю, как головешка.

Мысли выстраивались в стройные цепочки. Появилось сильное и стремительное желание жить.

Я сбросил одеяло, потянулся, зевнул, спрыгнул с кровати. Сначала слегка помутило. Но потом стало гораздо лучше. На столе напротив кровати стояла миска с куриным бульоном, а рядом ломтики варёной курицы. Ещё чуть поодаль записка: «Поешь, как проснёшься».

Лена оказалась очень заботливой женой. Неужто, я ей всё-таки приглянулся?

Желудок урчал. Видимо, все эти дни, будучи в адском бреду, я питался одним лишь несолёным бульоном.

Я подошёл к столу и моментально осушил тарелку, а затем прямо руками съел кусочки курицы. Несмотря на отсутствие приправ и соли, было очень вкусно, я аж глаза закрыл от удовольствия.

Одежда на стуле висела поглаженная и, судя по запаху, постиранная. Но я планировал её надеть лишь после душа. А для этого нужно было прокрасться по дому до ванной комнаты.

Благо, никого не было. В шкафу за стеклянной дверцей стоял советский перекидной календарик: алюминиевая коробочка с бежево-желтоватым вкладышем, который перещёлкивался, если крутануть коробочку.

6 января 1980 года.

Что ж, получается, я не устроился в НИЧ, пропустил три дня лекций и семинаров, абсолютно ничего не выучил.

Ко всему прочему у меня оставалось всего три дня, чтобы заучить учебник по технологиям социологических измерений. Точнее не столько заучить, сколько освежить в голове. Ведь учебник Поваренко Евгения Викторовича я читал не единожды ещё в прошлой жизни.

Я забрёл в ванную, стянул трусы и залез мыться.

Горячая вода. Блаженство.

Я буквально растворился минут на пятнадцать, смывая не только остатки пота, но и остатки болезни. Ванну набирать не стал. Просто сел под лейку и наслаждался.

Да, заложенность в носу ещё оставалась, голова слегка гудела, оставалась незначительная ломка по всему телу, даже горло ныло. Но если сравнивать с предыдущими днями, бредом и адской лихорадкой я чувствовал себя просто потрясающе.

Интересно, какими таблетками она меня на ноги ставила? Говорила, что импортными. Бывают же богатые люди. Я и в прошлой жизни звёзд с неба не хватал по зарплате, а тут так я вообще безденежный.

Когда я закончил с водными процедурами, я замер в замешательстве. Каким полотенцем вытереться? Здесь было белое, бежевое, бледно-розовое и бледно-голубое.

Если бы дело было в 2019 году, я бы мог подумать, что все четыре женские. Но я находился в 1980-м, а значит тут такого разделения не было. Скорее всего бежевое и голубое принадлежали брату и отцу. Белое, вероятно мамино. А вот

розовое...

А впрочем наплевать. Полотенце, как полотенце. Я не туберкулёзный и не прокажённый. Вода имеет свойство высыхать.

Схватил бежевое и вытерся им по-быстрому. Затем натянул трусы, на мысках проскакал через квартиру обратно в комнату и натянул свою повседневную одежду.

Только в этот момент решил глянуть на часы: 11:16.

Успел бы на лекцию по социальным коммуникациям. Если бы дельтанул вот прямо сейчас. Но башка была мокрая, а такая приبلуда, как фен, не была сильно распространена в СССР образца 1980 года.

Поэтому, уж лучше было воздержаться. Ибо с ослабленным иммунитетом не хватало ещё менингит подцепить. Там и до смерти недалеко. А смог бы я переродиться снова? Одной вселенной известно.

Да и прикипел я уже как-то к этому миру, этому телу, этому времени. Ни тебе навязчивых гаджетов, новомодных выражений, проработанных краль и бесконечного информационного думскроллинга.

Только советские газеты, радио, да телевизор. Но ничего из этого меня даже близко не интересовало.

А что меня реально интересовало, так это мой план действий. Его нужно было срочно переписывать. Потому что я потерял целых три дня.

Однако, паники внутри не было. Я отнёсся к ситуации по-

философски. В конце концов, хорошо, что я так быстро выкарабкался. Мог бы и недели две проваляться.

Видимо, организм Дмитрия Поршнева действительно неслабый, раз такую вирусню задавил за три дня. Не без помощи, конечно, Лены, за что ей искреннее спасибо.

Но тут получается, что мы квиты. Я ей помог с кирпичами и с положением. Она мне выздороветь.

Я не был уверен, что обмен равноценный. Но тем не менее это обмен. Не буду её кошмарить касательно уборки. В конце концов, я зверь какой что ли? Сам уберусь. Не проблема. Тем более, у меня появилось жгучее желание жить и действовать. А это обозначало, что уборка будет в кайф. Да и наблюдать, как будет преображаться пространство вокруг меня чувство неопишимо приятное.

И тут я наконец огляделся вокруг.

Квартирка-то не из бедных. Даже и не верилось, что когда-то тут была коммуналка. Жилых комнат две. Один большой зал с телевизором «Рубин», а также вытянутая спальня, где я провёл трое суток.

Кухня просторная, могла бы сгодиться за ещё одну комнату. Фурнитура приятная, из тёмного дерева, лакированная. На полу ковры, а где ковров не было деревянное покрытие «ёлочкой». Я такое видал в своей прошлой жизни и не раз. Вызывало приятные воспоминания.

Некоторые из маленьких дощечек уже не держались, поэтому, когда я ходил, они глухо пощёлкивали.

Если описывать квартиру в двух словах, то я бы её назвал приличной по убранству и довольно вместительной.

Я тут же начал фантазировать, как бы тут всё обставил, будь она моя. В детской комнате точно был бы огромный научный-архив и небольшая рабочая зона на том же месте.

Шкаф нафиг. Из всего, что мне нужно было из одежды, а это пара костюмов и с десятков рубашек, я бы всё уместил в комоде. Пиджаки бы вешал рядом с куртками в отдельный гардероб в коридоре.

В зале у меня была бы библиотека. Купил бы книжных шкафов штук пять, а может восемь. И все их заставил бы книгами. Причём, книгами разного толка. Начиная от художки, заканчивая учебными пособиями.

Впрочем, учебные пособия бы в научный-архив сунул бы. Или нет? Нет, наверное нет. Научный архив он нужен для статей, монографий, диссертаций и прочего, прочего, прочего. Всего, что связано непосредственно с моей деятельностью.

А в зале можно было бы сделать отдельную полку в книжном шкафу под мою дисциплину, которую я бы преподавал в университете на ежедневной основе.

Разумеется, это была бы социология и все из неё вытекающие дисциплины.

В углу я бы поставил небольшую кушетку, чтобы дремать днём. Дневной сон помогал переварить и обработать всю полученную информацию и затем применять её гораздо эф-

фективнее.

У окна же поставил бы ещё один более массивный стол. Если бы удалось найти какой-нибудь из дуба, то его. Но так и просто любой подошёл бы, лишь бы удобно. И конечно же мягкий стул. Кресло бы точно не подошло, потому что работать надо сосредоточенно и с минимальным комфортом.

Но от кресла я отказываться не собирался. Можно было в дальний угол поставить мягкое кресло и светильник рядом с ним. Там читать изредка художественную литературу, просто чтобы давать мозгу разнообразную нагрузку. Это позволило бы ему оставаться гибким и незакоостенелым.

А гибкость мозга мне будет позволять побеждать в научных дискуссиях, скорее находить аргументацию, а также подбирать неожиданные аргументы, которые способны сбить с толка оппонента.

В прошлой жизни я даже возглавлял дискуссионный клуб по социологии и социологическим измерениям. Правда, он не пользовался особым спросом, но когда собиралось хотя бы пять человек, я уже был счастлив, и мы прекрасно проводили время.

И тут меня посетила мысль, а что, если и здесь организовать дискуссионный клуб по социологии? Наверняка, оно найдёт гораздо больший отклик. Люди не сидели в мобильных, не скроллили ленту, не переписывались в социальных сетях. Им скучно и дискуссионный клуб это возможность эту скуку развеять.

Ко всему прочему, я уже, скорее всего, пролетал с работой в Научно-исследовательской части, поэтому можно время заложенное на работу вложить в дискуссионный клуб.

Одна только проблема. На этом не заработать денег. А деньги мне были нужны. Потому что никакой стипендии у меня не было и источников дополнительного дохода тоже.

Родители сами пребывали в тяжком финансовом положении, я это узнал из последнего письма, что обнаружил на столе. Поэтому даже не хотел их беспокоить. Тем более, с разумом из прошлой жизни мне было сложно воспринимать их, как кого-то близкого. Хотя по всем формальным признакам мы семья.

Что ж, вот ещё одна задачка со звёздочкой. Что же делать-то? Перво-наперво нужно было попытаться устроиться уже хоть куда-нибудь. Разумеется, после того, как я окончательно оклемался бы. Даже кафедра социологии и психологии управления уже подошла бы. Потому что я смирился с мыслью, что всё пойдёт по сценарию, мною не предусмотренному.

Я зашёл в маленькую комнату, открыл ящик стола, достал оттуда бумагу и карандаш, после чего начал накидывать новый план.

И самое главное, что я планировал внести в этот план это риски.

За эти три дня я получил очень важный урок. Если не продумывать риски и не включать их в план, то любое ответв-

ление от этого самого плана может стать началом конца.

* * * * *

Так и не встретив Ленку днём, я дождался, пока у меня высохнет голова, оставил записку с благодарностями и пометкой, что она была освобождена от унижительной помывки общажной комнаты.

В глубине души мне даже было немного стыдно, что я её заставил изначально таким заниматься. С другой стороны это моя будущая жена. Пусть и фиктивная. Поэтому чего бы и не убраться в жилье, где проживал муж?

В общем, мысли на эту тему меня терзали недолго. Уже через минут пять, я размышлял о предстоящей лекции и конспектах, которые мне предстояло записать. А ещё через пятнадцать минут мою голову занимали мысли о том, как я буду корректировать так называемую «программу доучения».

Звучало, как нечто для особо одарённых и не буду лукавить, так оно и было. Потому что предыдущий владелец тела воистину был особо одарённым, что умудрился столько хвостов заиметь.

Параллельно я прогонял в памяти знания по технологиям социологических измерений. Помимо Поваренко, я очень неплохо помнил Ядова одно из светил сегмента социологических исследований.

Но Ядова, увы, Поваренко у меня принимать не будет, хотя его учебник я знал гораздо лучше. Поэтому приходилось

вспоминать параллельно оба.

Ядова я вспоминал лишь потому, что он помогал мне держать себя в тонусе. Уж больно крутой учебник и больно точная подача материалов. У Поваренко была привычка растекаться мыслью по древу. Поэтому его учебник увесистее, массивнее и толще.

У Ядова же всё просто и по делу.

Так, если прочитать определение Поваренко про выборку, её объём и её функционал, можно было утонуть. Этому посвящалось страниц пятнадцать, где на каждой подчёркивалась важность самой выборки, приводились какие-то абстрактные примеры, да и чего только там не было.

С Ядовым проще. Например, какие должны быть программные требования к выборке?

«Наиболее строгие требования предъявляются к выборкам дескриптивных и аналитико-экспериментальных исследований, наименее строгие – к исследованиям по разведывательному плану.

В последнем случае отбор "единиц наблюдения" на объекте подчиняется довольно простым правилам: следует выделять полярные группы по существенным для анализа критериям.

Численность таких несистематических выборок строго не определяется».

Сложновато?

Для обычного студента первого курса да. Но зато всё чёт-

ко и по делу.

А вот Поваренко выбирали именно за «воду». Он наливал только в путь. Я не мог критиковать его за излишнюю тягу к подчёркиванию важности структурного подхода к социологическим исследованиям. Это было просто не «по-коллегски».

Но ощущать каждый раз пустоту, читая его строки это было про меня. Хотелось тупо переписать текст, чтобы он стал куда более формальным, сухим, наукоёмким.

От этих мыслей у меня даже начала слегка побаливать голова. Поэтому я решил переключиться на что-то другое.

Внезапно, я осознал, что в общезжитии я оставил тетрадку по социальным коммуникациям. Учитывая, мою тягу к порядку, я не мог себе позволить пойти на лекцию и записывать всё в тетрадь по другому предмету.

Глянув на часы, я понял, что успею. Главное, не засиживаться в общежитии.

Я быстренько поднялся к себе, открыл хлипкий замок ключом, вошёл в свою комнату и обомлел.

То, что я увидел, повергло меня в глубокий шок и заставило челюсть отвиснуть.

Глава 11

Комната в общежитии просто сияла. Блестела. Все вещи по своим местам. На столе порядок, кровати заправлены. Даже стены вымыты.

Но что самое главное ни намёка на неприятный запах. Всё внутри благоухало, словно я зашёл в цветочную оранжерею. Не хватало лишь пчёлок, да пары рассад с ромашками.

Однако, самое приятное мне лишь предстояло прочувствовать. Постельное бельё постирано и даже накрахмалено. Идеально белое, скрипящее, хрустящее. Артёму тоже повезло, его простыня и пододеяльник также качественно были выстираны и вычищены.

А окно!

Окно без подтёков, без разводов, без пыли. Идеально прозрачное стекло, через которое обильно проникали слепящие солнечные лучи. К слову, одна из ставен была открыта, внутри царила морозная цветочная свежесть.

Откуда Лена достала такое средство, которое так приятно пахло, для меня оставалось загадкой. Впрочем, если у них есть импортные таблетки, то и для моющего средства с приятным запахом местечко в доме найдётся.

Опомнился я лишь спустя минут пять созерцания и понял, что опаздываю на пару. Тут же схватил тетрадь, закрыл дверь и мигом полетел в аудиторию.

Встретили меня, разумеется, надменно и, как обычно, с презрением.

Поршневу, почему я не удивлена? Опять опаздываете.

Я сжал губы, стараясь себя сдерживать и тихонько пробрался на лавочку к одноклассникам.

А теперь, подготовьте листочки и ручки, сказала преподаватель, Тест!

Мда, приплыли. А я только хотел начать конспектировать и изучать. Придётся мозгами шевелить. Я вытер платком нос. Голова была тяжеловата для тестов. Но делать нечего.

Ко мне повернулась Кристина Кабанова. Несмотря на звучную фамилию, девчонка была худая, как тростинка с впалыми щеками. Казалось, что её ветром сдует. При этом прыти и живости в этой хрупкой девице было хоть отбавляй.

Ну что, Поршневу? Опять у меня списывать будешь? язвительно улыбнулась она. Только не двигайся ближе, мне не нужно, чтобы твои сопли передались.

Списывать? возмутился я. На кого я похож по-твоему?

Она улыбнулась.

Ну-ну.

Я посмотрел на свои тетради и понял, что у меня нет ни единого лишнего листочка. Точнее, я бы мог неаккуратно вырвать какой-нибудь. Но тогда мне бы пришлось дома подшивать тетрадь, чтобы всё было аккуратно. Я терпеть не мог беспорядок.

К слову, у Поршнева из прошлого никаких тетрадей во-

обще не было. Поэтому я завёл всё необходимое второго января.

Кристин, буркнул я.

Чего тебе?

Дай листочек, пожалуйста.

У тебя тетрадей целый вагон! она указала на стопку моих тетрадей.

Они для дела, Кристин, а к тестированию я не готовился. Я вообще не знал, что оно будет.

Никто не знал, прошептала она, Лидия Иосифовна прямо сейчас сама придумала этот тест. Это всё ты её разозлил, не мог вовремя прийти?

Я бы мог и на балалайке сыграть, не выдержал я, но есть и то, чего я не смог бы никогда. Вырвать листок из своей тетради. Поделись бумажкой, пожалуйста.

Она демонстративно плюнула на палец, взяла тетрадку, и криво вырвала оттуда листик. Настолько криво, что у меня аж глаз задёргался. Линия отрыва сместилась в сторону и дошла чуть ли не до середины листа. Затем Кристина взяла бумажку с другой стороны, чтобы оторвать её полностью, а не по кривой линии отрыва.

После этого протянула её мне с ехидной ухмылочкой, наблюдая, как меня корёжило.

Подойдёт?

Да, сквозь зубы процедил я.

А «спасибо»? спросила она.

Не за что, буркнул я.

Нахал. Попроси только списать, хрен соглашусь.

Похоже, что Поршневу из прошлого постоянно баловался списыванием. Но мне это всё было не нужно. Лидия Иосифовна раздала бумагу с тестом. По одной на двух человек. Причём, подходя ко мне, она положила тест ближе ко мне, а следующий достался тем, кто сидел поодаль от Кристины.

И хотела она того или нет, ей пришлось придвинуться ко мне, чтобы увидеть задания.

Молодой человек, вы бы ещё на туалетной бумаге тест выполняли, обратилась ко мне преподаватель Михайлова, что это за огрызок?

Огрызок обыкновенный, семейства огрызочных, рода тетрадных, белый в клеточку.

Так! она упёрла руки в боки. Хохмить вздумали? Тест пишите.

С этими словами она ушла, а Кристина, сама того не желая хихикнула. Хотя по её выражению лица было видно, что сопротивлялась. Не хотела мне показывать, что я смешно пошутил.

Пока она думала над первым вопросом, я схватывал всё на лету и писал непрерывно. К моменту, когда Кристина сделала первую пометку, я уже треть листа исписал.

Вопросы общие, несложные. Что такое социальная коммуникация? Как выстраивается социальная коммуникация при первичной социализации? При вторичной социализа-

ции? Что такое первичная социализация? Что такое социализация в целом?

Даже для моего заторможенного и ещё не отошедшего от болезни мозга это был настолько лёгкий и плёвый тест, что я не заметил, как исписал всю бумагу с двух сторон.

Кристин, дай, пожалуйста, ещё, попросил я, Только ровненький, умоляю. У меня глаз дёргается от таких кривых отрывов.

Так! рывкнула Михайлова. Чего шепчемся?!

Бумажки не хватило, ответил я, другую прошу.

Заранее не могли взять?

Кто же знал, что этот тест пробудит во мне желание написать целый учебник по социальным коммуникациям?

В аудитории послышался смех. Кристина тоже улыбнулась.

Ой, молодой человек, не много ли на себя берёте? Дайте ему кто-нибудь бумагу. И больше не шепчитесь!

Однако, мы не послушали. Едва уловимым тоном Кристина спросила:

Ты чего там понаписал на две страницы?

Списать не дам, сразу оградился я.

И не надо, фыркнула она, мне поглядеть, что ты написал и сделать наоборот. Двоечник.

Сделаешь наоборот получишь двойку сама, улыбнулся я, Здесь всё правильно написано. И я в этом уверен на двести процентов.

Ага, может быть ещё и с первого раза экзамен сдашь?

Я рассчитываю на автомат.

Второй лист подходил к концу, но и тест я уже заканчивал.

Что ты написал про первичную социализацию?

Это когда тебя воспитывают родители.

Так, поняла, значит пишем наоборот, родители вторичная, школа, университет, работа первичная.

Дура что ли? шёпотом воскликнул я. Ересь пишешь.

Тебе-то откуда знать? Блин, тесты дебилские, мы даже не проходили ещё эту тему.

Как не проходили? На втором курсе проходят! буркнул я.

Кто проходит? Я не помню такого.

Ну и пиши наоборот. Потом не плачь.

Мы сдали работы, Лидия Иосифовна надела очки и села проверять. А нам сказала.

Открывайте учебник на странице сто шестьдесят шесть, социальная стратификация.

Мы же проходили это, сказал я.

Кто проходил? Вы не проходили ещё.

Да ну бросьте, материал второго курса, я развёл руками.

Так, молодой человек, соблюдайте субординацию, она сняла очки и посмотрела на меня, Во-первых, повторение мать учения, во-вторых, вы программу что ли писали для второго курса? Занимайтесь. И не отвлекайте меня от проверки.

Я приподнял брови. Я был уверен на сто процентов, что

это всё нужно было проходить гораздо раньше, чем на пятом курсе. Что не так с текущей программой?

Кристина тыкнула меня локтём в рёбра, от чего я чуть не вскрикнул. Щекотно.

Через несколько рядов впереди увидел знакомый взгляд изумрудных глаз. Ленка Пискунова.

В выражении её лица мелькнула искорка ревности, и в то же мгновение она отвернулась.

Я же достал учебник по философии и начал изучать.

Тебе на кой философия сдалась, Поршнев? прошептала Кристина.

Пересдавать буду.

Да ты вылетишь скорее, чем пересдашь.

Вот и посмотрим.

Но ей было почему-то очень интересно.

Ну-ка, покажи, что читаешь?

Да отвянь, не мешай концентрироваться, я убрал учебник в сторону, чтобы она туда не подглядывала.

Спорим, что не сдашь ты философию? Там препод зверь. Он тебе никогда в жизни шанса не даст.

И тут у меня внутри кольнула искра интереса. А ведь можно поспорить с ней на что-то стоящее и легко выиграть. Но что взять с девчонки с потока? Не в кино же идти в конце концов. Должно быть что-то полезное.

На что спорим, что я сдам с первого раза без запинки и в ближайшие две недели?

Она тихо рассмеялась.

Хочешь дважды опозориться? Сначала на технологиях социологических измерений, а затем на философии, дурья башка?

Кристина была абсолютно уверена, что у меня ничего не получится.

И с каких это пор тебя заинтересовала учёба? Ты в прошлом году говорил, что планируешь бросать университет и идти на вахту.

То был самозванец, ну так что? На что спорим?

Я протянул руку.

На два билета в кино, сказала она, причём, ты со мной не пойдёшь. Я с подружкой схожу.

Я задумался. Положим, билеты в кино достать мне не составит проблемы. В конце концов займу у кого-нибудь или продам свои часы в комиссионке.

Но что я с неё мог взять? Как женщина она меня нисколько не интересовала. Впрочем, меня женщины сейчас вообще мало интересовали, как объекты ухаживаний. Слишком мало времени на всё задуманное.

Давай я придумаю, что я от тебя хочу, когда выиграю, сказал я, понимая, что даже близко не могу представить, что мне от неё могло понадобится.

Ну уж нет! возмутилась она. Ещё придумаешь похабщину какую, я не собираюсь выполнять твои низменные желания.

Пф-ф, презрительно фыркнул я, как женщина, ты меня

совершенно не интересуешь.

Это ещё почему? внезапно возмутилась она.

У меня от такого поворота событий даже брови приподнялись. С самооценкой у Кабановой было всё в порядке.

Потому что женщины мешают учёбе, коротко ответил я.

А, ну то есть дело не во внешности и не в характере, махнула рукой она, я так и думала. Ты же не просто так на экваторе ко мне подкатывал.

Ладно, Кристин, что мне с тебя взять, если выиграю?

Я тебе ещё и презентовать себя должна?

Иначе спор не имеет никакого смысла. Ну сама подумай, мне нужно учить двадцать четыре предмета, по которым у меня хвосты, готовиться к государственному экзамену, писать диплом...

И тут меня осенило.

А знаешь, я придумал, улыбнулся я.

Ой, ну и что же ты там придумал? передразнила меня она.

Если я выигрываю, ты будешь моей стенографисткой для диплома. Напишешь весь текст.

Ничего себе! Билеты в кино и диплом целый от руки написать? А не треснет ничего?

А никто тебя за язык не тянул с билетами.

Я хочу поменять своё желание! сказала она.

Я вздохнул.

Это единственный раз, когда ты его можешь поменять. Если ты проиграешь, будешь писать мне диплом без каких-ли-

бо отговорок, понятно?

Ой, ты даже вовремя на пару прийти не можешь, какие ещё зачёты с экзаменами? махнула рукой она. Так, я хочу лакированные туфли красные импортные и два билета в кино. Вот!

Лакированные импортные? Да ещё и красные? Да за такие туфли многие и пять дипломов готовы написать.

Я специально разговаривал с ней так, будто был хотя бы призрачный шанс моего проигрыша. Она не должна была сомневаться в том, что выиграет этот спор. Иначе мне было бы сложнее поймать её на крючок.

Ну ладно, не обязательно импортные и не обязательно красные. Но летние, лакированные. Найдёшь такие?

Ну коли проиграю, мужское слово сдержу.

Она широко улыбнулась.

Тогда по рукам.

Мы пожали руки, сосед по ряду разбил руки.

Когда ты в себя вообще так сильно поверил, Поршневу? продолжала улыбаться она. Философия, социальные коммуникации и технологии социологических измерений? Во даёшь.

Я хмыкнул.

К этому моменту Лидия Иосифовна закончила проверять контрольные тесты и разносила их по аудитории.

Когда Кристина получила свой листок на руки, улыбка исчезла с её лица.

В смысле удовлетворительно? воскликнула она. А у тебя что?

Я даже не посмотрел.

Почему не смотришь? спросила Кристина. Ну-ка дай.

Она схватила листки и у неё брови взмыли вверх.

Отлично?! она не могла поверить своим глазам. Отлично?! А по первичной и вторичной социализации...

Она не договорила, а просто опустила листки на стол и уставилась на меня с таким взглядом, будто я предал всю её семью.

Ты меня обманул! Кристина тыкнула пальцем в листок. Ты сказала, что первичная социализация это работа, универ, а вторичная это семья!

Я сказал, как раз наоборот, улыбнулся я, Ну что, готова писать диплом за меня?

И тут в её глазах проскользнула тень сомнения в своей победе в этом споре. Но отменить было уже нельзя.

* * * * *

Довольный я вышел из аудитории и на всякий случай выпил пару таблеток анальгина, чтобы не было осложнений. Последняя лекция на сегодня.

У меня в голове была лишь одна мысль: «А вдруг я всё-таки ещё мог устроиться в НИЧ?». Надо было проверить.

Я направился по привычному маршруту, на всякий случай обмотавшись шарфом. По пути заскочил в столовую, перехватил какую-то сухую булку, ибо в животе страшно урча-

ло от голода.

Затем неспеша дошёл до библиотеки просто проверить, всё ли там по-прежнему. И да, библиотека оставалась тем островком стабильности, который не менялся на протяжении тридцати девяти лет.

Удовлетворённый своей прогулкой, я наконец заскочил в НИЧ. Стоя у двери, я набрался смелости принять тот факт, что меня там уже не ждут. А после поднял руку, постучал и зашёл внутрь.

Меня встретили знакомые лица. Причём, некоторые из знакомых лиц меня даже удивили.

За дальним столом сидела Кристина Кабанова! Так вот кого они взяли на моё место? Или она уже тут давно работала? Я понятия не имел.

Чуть ближе сидел Пономарёв Арсений Витальевич, а посерединке Бакунин Игорь Львович.

Пономарёв поднял голову, посмотрел на меня и, либо сделал вид, что не узнал, либо реально не узнал. В последнее я верил слабо.

Молодой человек, вы по какому вопросу? спросил он.

Бакунин тут же подскочил.

Это ко мне.

Он вывел меня в коридор.

Ну Дмитрий Владимирович, мы как с вами договаривались? Третьего числа, а не шестого!

Его голос подрагивал от лёгкого раздражения и недоуме-

ния.

Ну как так-то? он всплеснул руками.

Заболел, ответил я, тяжело заболел. На моём лице вы видите последствия болезни.

Ужас какой! он искренне разволновался. Но сейчас вы в порядке?

Почти, я посмотрел на дверь НИЧ, местечко моё заняли, да? Кабанова?

Кабанова у нас уже целый год работает, Дмитрий, затем он опустил глаза, Но да, на ваше место уже пришли. И кандидат очень понравился Пономарёву. Очень понравился. Так что не получится у нас с вами, к сожалению, пришли бы третьего, мы бы всё сделали до прилёта Пономарёва. А так...

Он не договорил.

А у меня в голове уже зрел довольно коварный план. Я, конечно, не был каким-то придворным интриганом и не имел привычки кого-то подсиживать. Но наличие Кабановой в НИЧ сильно меняло мой спектр возможностей. Грех было этим не воспользоваться.

Особенно с учётом того, что другие места мне слабо подходили. Да и, честно говоря, представить себе лучшего кандидата на это место, чем я не представлялось возможным.

Просто ни Пономарёв, ни Бакунин об этом пока не знали. Но ничего страшного. Лишь вопрос времени.

А можете позвать Кабанову? спросил я.

Да, конечно, сейчас она выйдет.

С этими словами он удалился, а я встал у стены в ожидании. Наконец Кристина вышла и увидела меня.

О, я как раз хотела с тобой переговорить.

Какое совпадение! радостно воскликнул я.

Слушай, Дим, что-то я погорячилась по спору. Я посмотрела свою работу ещё раз, потом сверилась с учебником. Откуда ты всё это знал? Ты же вообще ничего не знал всю дорогу?

Это всё неважно, Кабанова, я готов даже закрыть глаза на наш спор, если ты сделаешь для меня одну маленькую вещь.

Она прищурилась.

Что-то недоброе ты задумал, Поршневу.

Слушай, я идеальный кандидат в лаборанты для НИЧ. Объективно, лучше меня кандидатов нет и не будет. Факт. А теперь скажи, ты уже видела нового лаборанта?

Конечно! ответила она. Георгий Мартынов с третьего курса. Круглый отличник. Пономарёв буквально светился, когда зачётку его смотрел. А что?

Я замолчал на пару мгновений. А ведь она мне выдала всю информацию, которая была мне нужна. При этом её присутствие в НИЧ было крайне полезным для меня. Если первая итерация моего плана не выгорит, я уже вернусь к Кабановой с иной просьбой.

Но я надеялся, что выгорит.

А он случайно не в общежитии живёт?

Должен жить в общежитии. Он же с Рязани. Что ты собрался

делать, Поршневу? Не вздумай прикасаться к нему. Тебя за рукоприкладство выпнут отсюда, как пить дать. Никакие зачёты не помогут, ещё и туфли мне будешь должен.

Я приподнял брови.

Наш спор всё ещё в силе?

Она злобно улыбнулась.

А что, хотел соскочить?

Нет, я как раз не хотел. Ну ладно, спасибо, пока!

С этими словами я пошёл искать Мартынова. Мне нужно было с ним поговорить с глазу на глаз и убедить, чтобы он пошёл искать работу в любое другое место.

Потом, после того, как я бы выиграл спор у Кабановой, я бы попросил её хорошенько промыть начальству голову касательно моей кандидатуры. И всё, дело в шляпе.

Пусть она и не напишет мне диплом, плевать, главное, что рабочее место будет за мной. А там уж как-нибудь разберусь.

И не успел я порадоваться гениальности того плана, который я придумал, как со спины послышался басистый голос. Крайне жёсткий, звучащий словно из трубы.

Поршневу, на! Ты куда намылился, а ну-ка стоять!

Глава 12

Я встал на месте в замешательстве. Это точно был не Череп, который грозился меня порезать своим ножом-бабочкой в коридоре первого января. Голос куда более басистый и принадлежал взрослому мужчине. Возможно даже преклонного возраста.

Помимо этого, у него был довольно-таки яркий акцент. Узнаваемый акцент. Грузинский. А Череп говорил на чистом русском. Учитывая его принадлежность к определённым группировкам, разговаривать с грузинским акцентом для него было бы смертельно опасно.

Я развернулся на месте.

Реваз Леванович, день добрый.

То был тренер по боксу, контакта с которым я старательно избегал. Точнее не так. Я просто о нём забыл. Напрочь.

Да, с моей стороны это было, наверное, не очень красиво. Но такова реальность, когда предыдущий владелец тела выселяется, а на его месте появляется новый.

Добрый, добрый, Поршневу, хмыкнул он и подошёл поближе. Гляжу, ты жив-здоров, не хвораешь, не кашляешь. Ходишь на учёбу. А вот на тренировки не ходишь.

Так вышло, Реваз Леванович, я завязал с боксом.

У того аж брови подскочили. Я ожидал какой-то резкой реакции, однако, он рассмеялся.

Ну ты, Поршневу, и шутник, он посмотрел на часы, Когда тебя на тренировках-то ждать? Соревнования межвузовские скоро.

Подождите, вам Калугин не передавал?

Что?

Что я реально больше не приду.

А Калугин твой посыльный что ли? Или может папа твой? Или брат? Сам не в состоянии дойти и передать что-либо?

Реваз Леванович уже начал звереть.

И откуда эта чушь у тебя в голове вообще? Ты перегрелся что ли? Или переохладился? Бухал опять, засранец? Я же тебе говорил, чтобы ты больше капли в рот не брал, разгильдяй чёртов! Тот единственный проигрыш в твоём послужном списке исключительно из-за твоей тяги к бутылке.

Нет, с алкоголем я точно завязал, улыбнулся я, Вещь действительно губительная, которая стала бы мне сильно мешать в достижении моих целей.

Он снова удивился, но в глазах промелькнуло удовлетворение от услышанного.

А вот это хорошо, Поршневу, это очень хорошо. Лучшему контрпанчеру нельзя ни капли в рот брать. Твой стиль базируется на реакции, а алкоголь сильно реакцию притупляет.

Да, Реваз Леванович, но это не значит, что я вернусь. Я правда закончил с боксом.

И тут он взорвался по-настоящему. Его совершенно не останавливал тот факт, что мы находились в стенах универ-

ситета. Проходящие мимо оглядывались, а те из них, кто меня знал хихикали.

Да что ты заладил! Завязал, завязал! У тебя соревнования на носу, ты мой лучший контрпанчер, тебе нужно тренироваться каждый день без продыху! Выиграешь на межвузовских выйдешь на городские, выиграешь на городских выйдешь на страну! Всего два этапа и ты звезда Советского Союза. А ты стоишь мне и эту дичь втираешь? Я тебе сейчас тресну по черепушке твоей бестолковой, клянусь матерью своей, Поршневу!

Я даже слегка опешил, но моя решимость оставалась тверда и непоколебима. Я дал ему секунд пять, чтобы слегка остыть.

Реваз Леванович, послушайте, мордобой это не моё, ну правда. Я...

Он не дал мне договорить.

Не твоё? Да ты всю жизнь только и делал, что дрался! всплеснул руками тренер. Когда ты пришёл ко мне на первом курсе, ты сказал, что не справился с тремя отморозками. У тебя лицо было всё опухшее. С тремя! Будь один или два, ты бы их уработал и без тренировок. Но тебе нужно было тренироваться, чтобы противостоять толпе. И ты говоришь, что мордобой это не твоё? Да ты на рожу свою погляди. Да ты же цепной пёс. И глаза у тебя кровожадные.

Он посмотрел мне в глаза и сделал паузу.

Правда, не сейчас. Ты реально заболел что ли? У тебя

взгляд какой-то не такой.

Да, чуть-чуть хвораю.

Оно и понятно, махнул рукой тренер, Так, в общем, я слышать больше не хочу ничего про то, что ты завязал. Уж не знаю, кто тебе эту мысль подкинул, но жду на тренировке завтра. Сегодня, так уж и быть, отдыхай. Взгляд у тебя реально болезненный. Но чтобы завтра был, как штык. И ничего слышать даже не хочу.

Я хотел было что-то ему ответить, но он тут же пошёл дальше по своим делам. Поэтому я остался стоять на месте, раздумывая о произошедшем.

Реваз Леванович хороший тренер и человек, учитывая, что он вкладывался в своих подопечных, работая за довольно маленькую университетскую зарплату.

Проблема лишь в том, что ходить на тренировки значило тратить своё время и отдаляться от реальной цели. Плюс, может я и контрпанчер, но я не неуязвимый. Голову мне разок-два за тренировку точно отобьют.

Так что кроме минусов для себя в этой деятельности я ничего не видел.

Выход на уровень страны? Да, здорово. Но с тем же успехом мне могли бы предложить играть в настольный теннис. Как у контрпанчера реакция у меня хорошая, поэтому я бы неплохо справлялся. Потом бы вышел против китайской сборной. А затем до конца своих дней тренировал бы таких же, как и я сам.

Для моего искущённого и уже познавшего все прелести науки мозга это была затея слишком простая и безнадёжная. Я хотел проводить время за конспектами, спорить с другими учёными или, как тут это называлось, отрабатывать финансирование Госкомтруда, добиваться новых вершин. А не вот это вот всё.

Ко всему прочему в науке не было совершенно никаких ограничений по росту. Можно было расти бесконечно высоко, особенно если брать гуманитарные науки.

Та же социология выходила далеко за пределы описания законов формирования социума. С её помощью можно было не просто познавать, с её помощью можно было управлять. Изменять окружающую реальность.

А если её ещё и подкреплять смежными дисциплинами, такими, как психология, экономика труда, экономика хозяйств и прочее, прочее, то тут никакой речи о потолке возможностей не шло.

Но я резко оборвал эти мысли. Очень легко и просто было скатиться в мечтательные размышления о том, что я стану наконец по-настоящему оценённым, заслуженным и большим учёным, который будет представлять собственную страну на международной арене.

Очень легко.

И это путь в никуда. Если каждый день по десять минут предаваться таким измышлениям, то мой конец будет вполне предсказуем. Безвестность, отсутствие достижений, абсо-

лютная неработоспособность.

Потому что человек мечтательный это полная противоположность человеку деятельному.

А я относил себя как раз человеку деятельному. Иначе, я бы не направился в общежитие на поиски того самого Мартынова, который занял моё место в Научно-исследовательской части.

Я подошёл к комендантше.

Нин Сергевна, произнёс я с улыбкой, А Мартынов у себя, не знаете?

Комендантша знала всех по именам и фамилиям. Я уж понятия не имел, как у неё так получалось всё запомнить, но память у женщины была поистине великолепная.

У себя тут никого нет, резко ответила она, вы все тут на птичьих правах, понятно?

А я уж и позабыл о том, что у неё синдром вахтёрши в терминальной стадии.

Да, да, Нин Сергевна, я имел ввиду, поднимался ли?

А тебе чевой-то от него понадобилось, Поршневу? Ты давай не трогай беднягу. У него и без того дела плохи, ещё ты будешь к нему приставать?

В смысле плохи?

В коромысле, отец работы лишился, жить семейству не на что. Мать за грудничком следит, ей тоже не до работы. Вот и носится Мартынов в поисках работы каждый день. Видимо, стипендии уже не хватает.

И откуда она это всё только знала?

Да вот только не брали его никуда, продолжала Сергевна, которая любила поболтать, Вагоны разгружать дрищеват, а на половину ставки даже в мясную лавку не устроишься сейчас. Вот и бегал по университету с протянутой рукой.

Мда. То есть, я планировал отговорить человека устраиваться на работу, притом, что он находился в реально бедственном положении? И это бедственное положение решилось буквально вот недавно, благодаря тому, что его взяли в НИЧ?

Ну и вроде его куда-то всё-таки приняли, продолжала Сергевна, Приходил радостный, сказал, что наконец-то этот ад с поиском работы завершился. Все деньги будет семье отправлять. А какие там деньги-то? Вот ты мне, Поршневу, скажи, что можно заработать в университете? Бросал бы всё и ехал бы на север работать, ей богу. Раз семье так деньги нужны.

Хм, это было единственное, что я смог на это ответить.

Ну или занимался бы собой в конце концов! воскликнула Нина. Что за мужик такой, что вагон разгрузить не может? Вот ты на себя посмотри! Вот ты бычара и десяток вагонов растаскаешь. А этот.

Она показала мизинчик, явно намекая на его физическую форму.

А девочку свою он как защитит? Его же сдует. Ещё эти очки с огромными диоптриями. Тю-ю, ну куда вот? Ай, лад-

но, опять заболталась я с тобой.

Да ничего, Нин Сергевна, а он вроде переезжал с одного этажа на другой, помнится? В том году было.

Я решил действовать хитростью.

Никуда он не переезжал, что за бред ты тут городишь? Как был на пятом, так и остался. В пятьсот третьей. С первого курса он там живёт.

Так я узнал, где мне искать Мартынова.

Вот блин, память дурная, я ударил себя по лбу и улыбнулся, Уже всё отшибли на тренировках, что даже номера не запоминаю.

С тобой хотя бы по улице вечером не страшно пройтись, а с этим?

Спасибо, Нин Сергевна.

«Спасибо» в карман не положишь, шоколаду мне в следующий раз к чаю принесёшь.

Добро, Нин Сергевна.

Я направился на пятый этаж в пятьсот третью.

Итак, что у нас имелось? Человек, который физически не сильно развит, зато имеет образцовые оценки в зачётке. Это означало, что стипендию он получал. И скорее всего стипендию отличника. Эту же стипендию он сто процентов отправлял родителям, чтобы помочь.

Помимо этого, он ещё и устроился в НИЧ, где ему будут платить чуть больше, чем размер его стипендии. Всё-таки лаборант это не должность, а обязанность.

Ну и в центре всего этого отец, который потерял работу, а вместе с ним мать, которая ухаживала за грудным ребёнком.

Представляю, насколько тяжёлое оказалось положение. Мало кому такого пожелаешь.

Готов ли я отбить у него рабочее место только ради того, чтобы строить собственную карьеру? Ах да, и не помереть с голоду, потому что я и так уже одолжил денег у Артёма на еду и тетради.

Пф-ф, тут даже и думать нечего.

Конечно готов.

Во-первых, какого чёрта отец семейства там прохлаждался? Ну потерял работу, ну пошёл и нашёл новую. Сейчас не капитализм, за тунеядство сажали, а найти работу на бирже не проблема.

Во-вторых, это насколько надо быть неинициативным, чтобы не найти работу на остальных кафедрах? Пожалуйста, любая кафедра брала лаборантов и с лёгкостью их принимала в свои ряды. Ты главное инициативу прояви, покажи себя.

Нет, он решил устроиться именно туда, куда надо было мне. Уверен, что Пономарёв взял его на работу исключительно из-за зачётки. Просто потому что я обыграл Арсения Витальевича в шахматы, и ему было очень обидно. Задел самолюбие.

Чёрт, вот реально так посмотришь на людей и невольно задумаешься, а ведь что ими управляло? Ну ей богу только эмоции, да самолюбие.

Например, я был уверен на девяносто процентов, что Мартынов даже не пытался пойти разгружать вагоны. Потому что там всем было глубоко наплевать дрищ ты или нет. Готов таскать? Держи мешок и погнал.

Этот прощелыга просто для красного словца насвистел Нине Сергеевне, а та и рада уши развесить.

В общем, не верил я этому проходимцу ни на йоту. И это притом, что я даже знаком с ним не был ещё.

Я постучал в пятьсот третью и замер в ожидании. Наконец мне открыли. И я поразился увиденному. Передо мной был вовсе не задохлик, а самый настоящий Аполлон!

Огромный, слегка пухловатый, мускулистый, выше меня ростом бугай с широченными плечами и маленькими чёрными глазами в огромных очках с диоптриями.

Э-э, я начал разговор неважно, Мартынов?

Бугай что-то жевал, затем через секунду лениво повернулся в комнату.

Георгий Павлович это вас.

Георгий Павлович? Он местный мафиози что ли?

Скажи, что меня нет, я занят, слышалось изнутри.

Бугай повернулся ко мне.

Он занят, всего доброго.

Нет, стой! я поставил ногу в дверной проём. Я по делу. Это касательно...

Я на секунду задумался. Нельзя было выдавать свои намерения сразу. Нужно было как-то хитро подойти к этому

вопросу. Чтобы наверняка получить это место. И чтобы всё прошло максимально гладко и быстро. Ибо мне не с руки было тратить на это всё слишком много времени.

Но, как показала практика, план это лишь дополнение к реальности. Если судьбе будет угодно, я увязну в спорах с Мартыновым, как в зыбучих песках.

Особенно, если вызову у него подозрения.

И тогда надо будет оценить целесообразность своих действий. Действительно ли мне так нужен этот НИЧ? Или есть варианты и поинтереснее?

Но то лишь крайняя мера. И только в том случае, если мне удастся засунуть своё самолюбие куда подальше. А я очень сомневался в том, что мне удастся избавиться от такого внутреннего раздражителя, как самолюбие.

Это должно растянуться реально на месяцы, чтобы я попросту устроился на любую другую кафедру.

И то, устроившись на другую кафедру, у меня появится пространство для манёвра. Я смогу заняться длительной осадой НИЧ, а ещё подключить Кабанову, чтобы она сильно усложнила жизнь Мартынову.

Поэтому я решил пойти на осознанный риск.

Я по поводу Черепа, сказал я, мне сообщили, что он досаждал Мартынову.

Я понятия не имел вообще, досаждал ли ему Череп. Но, учитывая, что тот вёл себя, как заправский зритель, то Мартынов идеально подходил на роль жертвы.

С другой стороны у него был этот чёртов бугай, который обращался к нему по имени отчеству. Неужели он не мог расправиться с Черепом? Хотя, бугай один, а у Черепа целая банда. Поэтому вряд ли.

Впусти его, Бочка! прозвучал голос Мартынова из комнаты

Бугай отошёл в сторону, а я зашёл внутрь. Моему взору предстала довольно презентабельная комната. Бельё на кроватях было необычное: бежево-зелёного цвета. Стул новенький, лакированный, прям с завода. Стол гораздо больше стандартного, ещё и с ящиками по бокам. На самом столе куча бумаг, помимо бумаг там ещё и деньги. Причём, денег немало. Некоторые в пачках лежали, другие же просто отдельными купюрами. Чуть поодаль целая стопка из монет.

На углу бутылка кока-колы. С другой стороны пишущая машинка, судя по расцветке югославская. Внизу матерчатая сумка, из которой вываливались вещи из денима.

Понятно.

Мартынов был мелким спекулянтом. А наплёл Нине Сергеевне с три короба, чтобы она всем и рассказывала, какой он несчастный.

И на кой чёрт ему понадобилось место в НИЧ? Для статуса? Репутации?

Судя по его поведению, он страшно гордился своими достижениями, поэтому без всякого опасения впустил меня в комнату. Короче, может и спекулянт, но ещё совсем зелёный

и нешуганный.

Я же легко мог натравить на него милицию. Одна бутылка кока-колы уже чего стоила. А сумка с вещичками так и вовсе на срок тянула.

Мартынов встал со стула, подошёл ко мне, смерил взглядом сверху вниз, затем надменно произнёс.

Что там с Черепом? Чем подсобить можешь?

Разобраться могу, сказал я, Раз и навсегда.

А ты сам чих будешь? Ты же тоже из общаги, я тебя видел.

Ну и что, что видел?

Череп всех общажных кошмарит. У него банда целая. Как справляться будешь?

Легко, я с бокса своих подтяну и всё.

А-а, улыбнулся Мартынов, так ты боксёр? Ну да, видно, видно. В хорошей форме. Понял.

Он сделал паузу.

И сколько ты хочешь за это?

Нисколько.

Мартынов посмотрел на Бочку и рассмеялся.

Бочка, ты глянь, у нас тут альтруист, он прищурился, Или ты хочешь не денег. Шмоток хочешь, да? Так оно у нас в количестве.

Нет, шмотки меня тоже не интересуют.

За так поможешь что ли? рассмеялся отличник в очках с огромными диоптриями.

Несмотря на то, что он строил из себя какого-то гангстера

или решалу, эти очки портили весь облик. Вот снять их стало бы лучше. Чуть-чуть лучше. А сейчас я еле сдерживался, чтобы не прыснуть со смеху.

Не за так, вздохнул я, есть кое-что, что меня интересует гораздо больше денег и вещей.

Ну-ка, просвети меня, боксёр.

Её зовут Кристина Кабанова.

Глава 13

Мартынов нахмурился.

Что за девка? спросил он.

Не девка, а девушка, поправил я.

Ох, прошу прощения, важный объект притязаний, улыбнулся он, Никогда ещё у меня в качестве оплаты не требовали женщин. Ха-ха!

Я не требую её от тебя, я хочу, чтобы ты освободил место рядом с ней.

В каком смысле? нахмурился он.

Научно-исследовательская часть, произнёс я, ты ведь туда работать устраиваешься? Документы подаёшь?

Ну есть такое, прищурился он с подозрением, и что с того?

Старший лаборант там Кабанова Кристина, сказал я, Она-то мне и нужна.

Ну извини, друг, тут я тебе не помощник, он развёл руками, Пригласи её в бистро или в кино, или ещё куда? Куда там вы спортсмены ходите?

В общем, мне нужно, чтобы ты уступил место в НИЧ мне.

У него брови приподнялись.

Ради девчонки? недоумевал он. Просто позови её куда-нибудь? К чему тебе место в НИЧ ради этого?

К тому, что она со мной разговаривать не хочет, а, если нас свяжет работа у неё не будет выхода.

Мартынов улыбнулся и повернулся к Бочке.

Ты гляди, Бочка, а человек знает толк в том, как добиваться женщин. Ни перед чем не отступит. Прямо, как я, когда хочу что-то продать. За это уважуха, конечно, конкретная. То есть, ты хочешь, чтобы я забрал документы, а взамен ты разберёшься с Черепом, и он больше не будет мне досаждать?

Именно.

Мартынов рассмеялся.

Здесь точно есть какой-то подвох, сказал он, Ну же, колись, в чём подвох?

Никакого подвоха, ответил я, Всё, как на духу выложил.

Нет, ну не бывает так просто, продолжал он, ты наверное здорово в неё втрескался. Точно! Она тебя бросила, да? И теперь ты хочешь её завоевать снова.

Я уж не знал, откуда в его больной голове родилась эта мысль. Но если именно эта мысль поможет мне получить желаемое, то какая к чёрту разница, откуда она родилась?

Я молча кивнул.

Вот же ж ловелась, а! он искренне радовался. Потом обязательно Расскажи выгорело твоё дельце или нет. Нет, ну странно. Денег даже не попросил, какие странные люди пошли.

По рукам? я протянул ладонь.

Он задумался.

А когда Череп от меня отстанет? Он мне долг спишет? Или надо будет отдавать всё-таки? И вообще, как ты плани-

руешь его прессовать? Сколько вас человек?

А ты заходи в зал, спокойно ответил я, все, кого увидишь все мои. Может слышал, что недавно одному из череповских лицо сломали?

Он нахмурился.

Ну слышал, буркнул он, говорили, что Череп мстить будет. Там человека по беспределу приложили.

Приложили по делу. Мы с ребятами. Лишнего болтал. И так будет с каждым из его банды.

Мартынов смотрел мне прямо в глаза. И я наблюдал в прямом эфире, как он с каждой секундой всё больше верил в происходящее. Наконец он улыбнулся и пожал мне руку.

Добро, сказал он, А может и крышевать меня будете? За отдельную плату? Чтобы такие, как Череп не маячили перед глазами?

А может и будем, надо поговорить с ребятами, сказал я, Когда документы заберёшь?

Да я их ещё и не подавал. Меня отправили как раз этим вопросом заниматься, я в общагу и заплыл. Так что устраивайся вместо меня спокойно.

Нет, нужно, чтобы ты подтвердил, что уходишь. Пошли вниз спустимся, позвоним в НИЧ с таксофона.

Он замялся.

Опасно сейчас, народу мало, учебные часы закончились. Того и гляди кто докопается.

Так ты же со мной, я посмотрел на Бочку, и этого с собой

возьмём.

Не, отрезал он, Бочка охранять будет. Ладно, пошли. Будешь меня охранять тогда, если этот придурок нагрянет.

Я кивнул.

Мой план был до ужаса прост. Вынудить Мартынова отказать от места в НИЧ, а затем ничего больше не делать.

Он оказался реально зелен и наивен. Хоть бы требовал, чтобы я сначала разобрался с Черепом, а потом уже документы забирал. Но больно ему понравилась концепция, где я не просил ни денег, ни товар.

Глаза отличника прямо-таки светились от возможной выгоды такого сотрудничества. Он ничем не рисковал, при этом получал защиту от Черепа навсегда.

Лучше и не придумать. Да вот только бесплатный лишь сыр в мышеловке, а выгодные предложения всегда с подвохом.

Он, конечно, осведомился о подвохе. Но недостаточно настырно. Решил поверить в сказочку, которой никогда не будет.

Разумеется, мне это было на руку. Минимум временных затрат. Он звонил в НИЧ, говорил, что передумал, после чего я оказывался там уже через пять минут и предлагал свою кандидатуру.

На фоне резкой потери Пономарёв должен был согласиться, потому что учебный год начался, лаборант был нужен. Хотя бы потому, что Арсений Витальевич говорил о полу-

ченном финансировании в прошлом году. Вряд ли они отработали задачи, поставленные Госкомтрудом в конце года, а значит нужно было его в срочном порядке отрабатывать сейчас.

И вуаля я получал должность. Самую паршивую, самую низкую, самую пыльную. Но это была та должность, которая мне нужна. За этой должностью скрывалась едва уловимая тропинка возможностей, которую не видел даже Мартынов в своих толстенных диоптриях.

Парень вроде умный, но к его сожалению я умнее.

Мы спустились к телефонному автомату, выждали небольшую очередь. Звонки внутри университета были бесплатными. И мы быстро дозвонились до Научно-исследовательской части. Трубку взяла Кабанова.

Научно-исследовательская часть, слушаю.

Здравствуйте, произнёс Мартынов, это Георгий.

Да, Георгий, какие-то проблемы с документами?

Нет, никаких проблем, ответил он, Я передумал устраиваться к вам.

Как это так? воскликнула Кабанова. Но почему?

Потому что...

И тут он почему-то завис. Эх, дурень, нужно было просто бросать трубку.

Если проблемы с документами или ещё с чем, то мы можем решить, начала уговаривать его Кабанова, Всё решаемо, Георгий, приходите, разберёмся.

Забавно, ситуация выглядела, как разговоры с зумерами из моей прошлой жизни. Пожалуйста, всему научим, всё объясним, ты главное приходи работать, дорогой, и не опаздывай больше, чем на полчаса.

Вот сейчас Кабанова буквально умоляла Мартынова не уходить. Хотя он толком-то и не пришёл.

Нет, всё, мне не интересна ваша деятельность, спасибо. Я передумал! резко сказал Мартынов и наконец повесил трубку.

После этого он повернулся ко мне и ткнул мне пальцем в грудь.

Теперь твой ход. Избавь меня от Черепа и его банды.

Считай, что их уже нет, улыбнулся я.

И казалось, вот она победа, я мог спокойно идти и устраиваться в НИЧ. Но у судьбы были другие планы. За спиной у Мартынова я увидел Черепа и ещё двух его прихвостней. И они явно кого-то искали.

Что-то мне подсказывало, что меня. Или на крайняк Мартынова.

* * * * *

Вот же ж непраха! И самое поганое, что мне в общаге оставаться нельзя. Надо срочно дуть в НИЧ, чтобы своё место отвоевать. А нет! Эти трое встали в проходе. Мимо них никак не пройти.

Мартынов посмотрел в направлении моего взгляда и тоже увидел Черепа.

Ого! воскликнул он. Я же говорил! Нельзя нам было спускаться, чёрт подери.

Да помолчи ты, рявкнул я, в надежде, что эти трое нас не заметят, рано паникуешь.

Но он паниковал не рано, а прямо вовремя. Потому что троица нас обнаружила. И деваться было уже некуда.

Мартынов и Поршневу, улыбнулся Череп, два в одном, я уж и не думал, что меня ждёт такая удача.

И ведь я должен был разругать это всё здесь и сейчас. Если Мартынов увидит, что я ничего решить не смог, он просто вернётся в НИЧ. Учтывая, что они бы и рады его принять обратно, приняв этот звонок за мимолётное помешательство.

Делать нечего, придётся разговаривать. Я сделал два шага вперёд.

Чего здесь забыл, Череп?

Ты мне должен ещё пятнашку, а этот хлюпик мне должен вообще полтос. У меня его джинсы порвались!

Внезапно нас обнаружила Нина Сергеевна.

Эй! Ну-ка вышли отсюда! Разборки на улице устраивайте, иначе я сейчас милицию вызову, вас всех по отделениям распахают, усекли?

Череп злобно посмотрел на неё, потом на меня, а затем на Мартынова, который стоял позади. Тот не растерялся и пошёл в сторону Сергеевны.

Ладно, разбирайтесь тут, улыбнулся он, А я, пожалуй, до-

ма посижу.

Его след простыл, а мне на плечо приземлилась ладонь Череп.

Ты выходишь с нами, приказал он.

Руку убрал, спокойно ответил я, Я так и так выхожу, у меня дела вообще-то.

Твои дела подождут.

Руку убрал, я сказал, повторил я, Иначе твои дела закончатся, так и не начавшись.

Драться я не собирался, но и терпеть это всё тоже. Никакой Череп не имел мне права там что-то указывать. Если бы мне не было нужно сейчас торопиться в НИЧ, я бы с радостью поднялся к себе на этаж, как и Мартынов. Благо, Череп был из соседней общаги, доступа сюда у него не было.

И, как ни странно, мои слова возымели успех. Он действительно убрал руку, и мы вышли на улицу. Затем завернули за угол, где не было ни души. Только парочка железных мусорных баков на фоне снега «скрашивали» обстановку.

Поршень, ты заигрался, я тебе хочу сказать, начал было Череп, но я его перебил.

Короче, Череп, Мартынова больше не трогаешь и меня тоже. Нам всем делить нечего.

На этом я планировал уйти, но не тут-то было.

Нет, нет, нет, Поршень. Ты ещё не ответил за беспредел, который устроил в декабре. Моего человека вырубил. А за это полагается компенсация.

Я тебе сейчас недостаток мозга компенсирую, ответил я, Ты у меня бабки тиснул. Пятнадцать рублей. Скажи спасибо, что я всех боксёров не притащил сюда, чтобы с тобой разобратся по нормальному.

Каких ещё боксёров? прищурился он.

Да, Череп был туповат. Однозначно, туповат.

Ты сейчас разговариваешь с представителем сборной по боксу университета. Так понятнее?

Все трое переглянулись.

Гонишь.

Часто твоего кента вырубали с одного удара?

У всех троих снова начался прогруз оперативной памяти. Мне даже становилось скучновато от этого.

Ладно, я посмотрел на часы и понял, что потерял с ними уже минут пятнадцать, думаю простая мысль, что если будешь дальше лезть ко мне или к Мартынову, то нарвёшься на сборную по боксу, до тебя всё-таки дошла. Поэтому, счастливо, пацаны. Хорошего вам дня.

Но мне не суждено было уйти здесь и сейчас.

Да ты гонишь, ухмыльнулся Череп, тренировки уже вовсю идут, а тебя там никто не видел.

А до этого пять лет он слепой что ли был?

А я у тебя наличие мыслительного аппарата не видел, но как-то же ты понимаешь то, что я пытаюсь донести.

Они опять зависли.

Ну-ка, докажи, что ты боксёр, бросил Череп.

Я выдохнул и закрыл лицо рукой от безысходности. Все трое были непроходимо тупыми. Так мало того, ещё и нарывались.

И уже в этот момент у меня в теле начались какие-то метаморфозы, которых в прошлой жизни я не чувствовал. У меня появилось жгучее желание действительно доказать всем троим, что я что-то умел.

Мысли перестали идти ровной колонной, а превратились в хаос. В голове сразу нарисовались десятки комбинаций. Кого я ударю первым? А вторым? Что делать, если он достанет нож?

На каждый случай были варианты. По всему телу пробежал разряд, который сменился холодком, а затем я почувствовал, как начал прогреваться каждый сантиметр.

Вот как чувствовали себя бойцы, когда с ними некорректно разговаривали?

В груди буквально рвалась наружу скрытая агрессия. Как и говорил тренер, я почувствовал себя цепным псом, который жаждал крови. Мне хотелось каждого из них ушатать. Да так, чтобы он и вспомнить своё имя не мог.

Какого же колоссального усилия воли мне стоило подавить всю эту агрессию и не дать ей воли.

Потому что я знал, что если начнётся замес, возможно, я уже сегодня до Научно-исследовательской части и не дошёл бы. А мне очень нужно было попасть туда и совершенно не нужно было находиться здесь с этими увальнями.

Давай, Полароид, попляши с боксёром. Что-то мне не верится, что он знает хоть один приём.

Я закрыл лицо рукой. Тупость происходящего просто зашкаливала. Затем я ещё раз глянул на часы. Двадцать две минуты разборок. За это время Пономарёв мог выйти из НИЧ, схватить за руку случайного студента и устроить его лаборантом.

Ладно, это уже преувеличение, но по закону подлости именно так и могло произойти.

И очередной мой план пошёл не так, как задумывалось.

Так называемый Полароид встал в стойку и начал подходить ко мне всё ближе и ближе. Все трое улыбались. Они и правда думали, что я всё назвиздел?

Как там говорилось в пацанских цитатниках ВК в прошлой жизни?

Если драка неизбежна, то надо бить первым?

* * * * *

Закончилось всё не очень хорошо для Полароида. Он поскользнулся на льду и пробил себе череп об один из мусорных баков, которые стояли позади меня.

Я же просто ушёл от его серии ударов. Это оказалось легче, чем я думал. Рефлексы у этого тела и впрямь потрясающие.

Наряду с этим у меня было отличное чувство пространства, ритма и отличная стойка.

Я чувствовал, что подо мной есть скользкая поверхность,

поэтому перенёс вес на ногу, которая стояла устойчивее. А вот Полароид был дилетантом и попёр на меня, наступая на лёд. Тем и поплатился.

В последний момент мне нестерпимо сильно захотелось среагировать и ударить его в челюсть, которую он крайне любезно открыл для атаки.

Но мне удалось сдержаться, потому что я не хотел приходиться в НИЧ со ссадинами на костяшках. Мне нужно было там появиться в максимально презентабельном виде.

А-а-а, визжал Полароид, который был сам виноват в своей участи.

Кровь лилась знатно. Походу он себе рассёк бровь. Череп стоял и смотрел на происходящее, но нападать не спешил. Кажется, до него наконец дошло. У второго взгляд был пустой.

Я наклонил голову, посмотрел в глаза Черепу.

Ещё вопросы?

Послушай, Порш, ты же понимаешь, что тебе за всё придётся ответить?

Подумай дважды, тебе придётся столкнуться с целой боксёркой сборной. Тебе оно нужно, Череп?

Он молчал.

Ну вот и славно, улыбнулся я, Хорошего дня, господа.

Иногда блеф это отличное оружие. Оно позволяло удерживать в состоянии покоя даже самых безбашенных и беспокойных увальней. Таких, как Череп.

Одно оставалось для меня загадкой. Как так случилось, что за все годы он не знал, что я в сборной вуза?

С другой стороны, а почему он должен был это знать? Скорее всего, этот валенок прогуливал физкультуру. Тем более, я не знал, с какого он курса. Может и не с пятого вовсе?

Я направился прямиком в НИЧ. Тридцать минут проводился с этими дегенератами.

Вряд ли за это время там появился новый кандидат. Но моя паранойя не давала мне покоя. Пока задача не выполнена окончательно, я сомневался каждую секунду.

И тем временем, должность лаборанта в Научно-исследовательской части никогда ещё не была так близка, как сейчас. Поэтому я ускорился.

Пока шёл по коридорам и пролётам ещё и вспотел. Снял куртку, взял её в левую руку. Правой рукой поправил воротничок рубашки, которую мне подарила Лена. Или не подарила, а одолжила. Я планировал вернуть эту рубашку, как только встану на ноги по деньгами. Брюки, к слову, тоже от неё.

Весьма приличный комплект, но был слегка великоват. Впрочем, не висел, как мешок и на том спасибо. Пахло от меня, наверное, не лучшим образом, поэтому я быстренько заскочил в туалет, умылся сам, заодно снял рубашку и помыл подмышки с мылом.

Тем самым малюсеньким плоским кусочком хозяйственного мыла, которое все вечно комкали пальцами, чтобы он

превратился в подобие шарика. Так было удобнее мылить. Кожа моментально закрипела, я поморщился от этого ощущения. Неприятно. Но делать нечего. Не вонять же на собеседовании.

Вытерев остатки воды внутренней частью зимней куртки, я накинул рубашку сверху, заправил её в брюки, затянул ремень. Теперь я был готов.

Наконец я у заветной двери. Несколько раз выдохнул, поправил ещё раз волосы, а затем постучал.

Глава 14

Но не успел я зайти, как сзади послышался незнакомый голос.

О, вы тоже сюда? А не пропустите меня, пожалуйста? Мне назначено, просто.

То был какой-то студент явно младших курсов. Он смотрел на меня наивными, добрыми глазами. И я, кажется, догадывался, что он тут делал.

А вам по какому вопросу назначено? уточнил я.

Говорят, что искали лаборанта. А я как раз хотел подзаработать немного денег после учёбы. Да и НИЧ место не последнее. Тут и карьеру можно построить.

Да уж, парень и правда можно. Только не тебе, увы.

А всё, улыбнулся я, уже нашли.

Он оторопел.

Как нашли? затем до него начало доходить. Кто же это?

Ваш покорный слуга, я кивнул головой, Так что придётся вам поискать другое место. Это, как видите, нарасхват.

Но мне сказали...

Что бы вам ни сказали, поезд уехал, улыбнулся я, Всего хорошего.

На самом деле сердце у меня колотилось, как бешеное. Ничего себе спрос. А Бакунин утверждал, что лаборанта днём с огнём не сыскать. На тебе, целых два в один день! А

если бы он пришёл раньше меня?

Я молча наблюдал, как уходил расстроенный студент, совсем позабыв о том, что недавно постучал в дверь. Внезапно передо мной открыли. Это был сам Пономарёв.

Вы! он показал на меня пальцем. Распугиваете наших лаборантов?

Каких лаборантов?

Или это вас нам рекомендовала Кабанова?

Меня, разумеется, соврал я.

Какой ужас, он закрыл лицо рукой, второй раз судьба с вами сводит. Ну может это знак? Заходите уже, не стойте в дверях.

Я с чувством полной и безоговорочной победы зашёл внутрь. Но нельзя было говорить «гоп», пока не перепрыгнул. Документы ещё не поданы и не подписаны.

Однако, Пономарёв явно остыл и уже не так резко относился к своему поражению в партии.

Когда я вошёл, Кабанова оторопела. Глаза на выкате, брови приподняты.

Кристина Анатольевна, обратился к ней Арсений Витальевич, молодой человек утверждает, что это вы его сюда рекомендовали, он нахмурился после этих слов, Но разве вы называли фамилию Поршневу? Уверен, там была какая-то другая. Панкратов или Прокопенко. Не могу вспомнить.

Я смотрел в глаза девушке и едва заметно кивал, чтобы она подыграла. Слава небесам, она это сделала. Хотя по её

лицу было видно, что желания быть втянутой в эту игру у неё не было.

Д-да, Поршневу, запинаясь сказала она, Именно его я имела ввиду. Знаете ли, он делает большие успехи, взялся за голову, все хвосты закрывает, проявляет себя на лекциях и семинарах.

Она сделала паузу, сглотнула и продолжила.

В общем, я считаю, ему можно дать шанс.

Пономарёв нахмурился.

Дать шанс? Что вы имеете ввиду?

В глазах у Кабановой читалось, что она пожалела обо всём сказанном. Но делать было нечего. Приходилось уже идти до конца. Учитывая, что очередной лаборант не пришёл в назначенный час, существовала ненулевая вероятность, что больше никаких лаборантов и не будет.

Кроме меня, разумеется.

Ну вы знаете, Арсений Витальевич, каждый человек может оступиться. Сделать неверный шаг в неверном направлении, продолжала Кабанова, буквально сочиняя на ходу, Поршневу всегда был разгильдяем...

Она прервалась и посмотрела на меня. Я улыбнулся и кивнул. Она продолжила.

Учился через пень колоду, только и знал, что грушу боксёрскую колотить.

Это правда? спросил меня Пономарёв.

О, да, кивнул я, Бокс меня очень увлекал раньше. Но те-

перь я понял, что кулаками себе будущее не построить.

Это верно, нахмурился он, чертовски верно, Поршневу! И мне нравится, что вы это осознаёте. Так, Кристина Анатольевна, вы ещё что-то хотели сказать про вашего подопечного?

Мне приходилось всё это терпеть лишь потому, что всё шло по моему плану. Разумеется, будь я хоть на пару ступеней повыше, я бы никогда не позволил с собой так разговаривать. Но сейчас мне нужно было место лаборанта в НИЧ. И нужно было всего лишь дать событиям происходить так, как они происходили.

Э-э, замялась Кристина, в общем, я поверила в него, а вы поверьте мне.

Пономарёв оглядел нас обоих.

Что ж, произнёс начальник НИЧ, проблема с лаборантами действительно имеется, скрывать не буду. Сегодня буквально ажиотаж! Столько заявок мы за целый семестр не получали, сколько за этот день. Кристина Анатольевна в этом деле большая молодец. Хвалю.

Он вздохнул.

Что же касается вас, Дмитрий Владимирович, он приподнял брови, глядя куда-то в сторону, вы безусловно меня расстроили своей успеваемостью. Но видя, как в вас зреет светоч науки, как вы взялись за голову, если исходить из слов Кристины Анатольевны, то можно предположить, что наше сотрудничество будет плодотворным.

Пономарёв сделал ещё одну многозначительную паузу, после чего произнёс:

Добро пожаловать в НИЧ, Дмитрий Владимирович. Дело за малым заполнить документы и обежать все инстанции.

И правда за малым, улыбнулся я.

Но приступите уже завтра! наказал Пономарёв. Кристина Анатольевна у нас тут зашивается. Ей без лаборанта, как без правой руки, знаете ли.

Я приподнял брови и посмотрел на девушку. Она отвела взгляд. Всё понятно. С новым запросом от Госкомтруда работы невпроворот. Документооборот, проектные разработки и пресловутые социальные коммуникации. Нужно было успеть везде и всюду, лишь бы только сдать всё в срок. И она понимала, что в одиночку ей не справиться.

Да, без проблем, ответил я Пономарёву, во сколько быть? А во сколько у вас пары заканчиваются?

В шестнадцать часов, ответили мы хором с Кабановой.

Вы с одного потока, что ли? нахмурился Пономарёв.

Я кивнул.

Какое-то время он стоял и глядел на нас поочерёдно. Мне даже показалось, что я снова находился на волоске.

Что ж, так даже лучше, улыбнулся Арсений Витальевич, Кристина Анатольевна, присмотрите за нашим новым подопечным. Быстрее погрузится в суть вещей, быстрее сможем. Хорошо, тихо ответила Кабанова.

А мне нужно пойти пообщаться с руководством факуль-

тета управления строительством и городским хозяйством.

На этом он покинул помещение.

Ты с ума сошёл, Поршнеv! воскликнула Кабанова. Где Иван Сидоров?

А мне почём знать? я развёл руками.

Он должен был прийти вместо тебя, а тут заявился ты!

А, так вот как звали твоего кандидата. Воистину невзрачный студент, как внешне, так и по имени с фамилией.

Значит, всё же видел? она сощурилась, глядя на меня испытующе. И что ты ему наплёл?

Затем до неё дошло окончательно, её глаза округлились, брови поднялись, а она прикрыла открытый рот ладонью.

И Мартынова ты сбaгрил?! воскликнула она. Человеку нужна была эта работа, а ты...

Она не договорила и отвернулась. Ну актриса без Оскара, ей богу.

Кабанова, ты выводы поспешные не делай, я уселся на кресло и завёл руки за голову, Мартынов твой тот ещё супчик, спекулянт и обманщик. Из всех претендентов на это место честнее и надёжнее меня никого не было.

Скажешь тоже! сорвалась она. У Мартынова отец работы лишился, мать с...

Грудничком на руках, закончил за неё я, Этот Мартынов вас всех вокруг пальца обвёл, а вы и рады вестись. Ладно, этот разговор не имеет смысла. Место моё и баста.

Да как с тобой работать, ты же ничегошеньки не умеешь!

не останавливалась Кабанова.

Да и, кстати, благодарности я принимаю только искренние и душевные. Не нужны вот эти отмазки, мол, спасибо, Дима, ты так выручил меня, улыбнулся я.

Что? она опешила. Да это я тут спектакль устроила ради тебя. Выгораживала тебя перед Пономарёвым! Да если бы не я, ты со своей зачёткой бы ходил по всем кафедрам, в итоге тебя бы взяли на кафедре охраны труда или ещё хуже экологии. А на тех кафедрах разве что только дворники не работают.

Я помотал головой и зажмурился, поджав губы.

Ты бы так плохо не говорила о наших коллегах. Всё-таки, мы находимся в святилище знаний. А ты этих великолепных людей принизила до уровня дворника? Ничего не имею против дворников, отличная профессия, но не находишь ли ты, что сравнение и правда некорректное?

Я развлекался, как мог.

Да ты... Да я... она не знала, что и ответить. И какого чёрта я должна тебя благодарить?!

А такого, что Мартынова я уговорил не тратить время на науку. Для него это не очень актуально. Парень встал на более скользкую, но куда более прибыльную дорожку. Сидоров просто мямля. Какой ещё НИЧ? У него молоко на губах не обсохло. А тебе очень и очень нужен помощник, потому что в ноябре вы финансирование получили. И каждый раз, когда ты думаешь, сколько работы придётся выполнить, тебе ста-

новится дурно.

Я сделал драматичную паузу.

И вот он я, готовый работать не покладая рук, причём на должности лаборанта. Скорее всего, в документах будет указано: младший лаборант. Что ещё хуже, чем просто лаборант. Но у меня такое положение, что выпендриваться не пристало. И более того, я не сольюсь через четыре месяца, как это обычно делали все предыдущие лаборанты, я буду пахать долго и упорно. Потому что я заинтересованное лицо.

Она стояла с открытым ртом.

Ты откуда всё это узнал, Поршнев? тихо спросила она.

А вот это уже совсем другая история, улыбнулся я, Поэтому, Кристин, нам надо сработаться. Обязательно. Но я тебя готов успокоить, я очень договороспособный. Настолько, что у нас не возникнет никаких проблем, когда ты наконец примешь ту мысль, что мы коллеги.

Я подошёл поближе, взял её за плечи, притянул поближе и поцеловал прямо в лоб. Уж не знаю, зачем я это сделал, но так велело сердце.

После моей пламенной речи и этого жеста, она оставалась ещё секунд пятнадцать в прострации. И я решил добить её финалочкой.

Кстати, не забывай про наш с тобой спор. Если проиграешь, будешь помогать писать мне диплом, хохотнул я, А я пойду, пожалуй, с документами разберусь. Пока на моё место не пришёл ещё один желающий.

Она хотела было что-то мне сказать вдогонку, но так и не придумала, что именно.

* * * * *

Я никак не мог продохнуть и заняться своими делами. С бумагами закончил около половины седьмого. Добрался до общаги уставший и измотанный. Закинулся анальгином для профилактики. Выдохнул. Впервые в жизни захотелось пожаловаться на тяжести бытия. Но сдержался. Даже в своей голове не хотел проявлять слабость. Сейчас она мне будет только мешать. Через некоторое время в комнату зашёл Калугин.

Ого! воскликнул он. Оказывается этот запах в комнате можно было как-то убрать?

Радуйся, твоё бельё тоже постирали, буркнул я, И можно тебя попросить быть потише? Мне нужно очень много выучить.

Да я только с тренировки, сейчас свалюсь и захраплю, бросил он.

Этого я и опасаюсь.

Да не дрейфь, нормально всё будет, он сделал паузу, чтобы снять штаны и запрыгнуть в кровать, Ох ты ж ничего себе! Всё такое мягкое, прохладное, свежее. Я даже когда у своей ночевал, у неё и то бельё не сильно лучше нашего было. Красота.

Его даже не интересовало, кто так хорошо постарался и накрахмалил простыни.

Кстати, продолжал он, ты так ничего и не сказал Левановичу? Он спокоен. Хотя ты на тренировках и не появляешься.

Ты забыл, что я заболел?

А, точно. Кстати, как здоровье?

Как видишь, не помер, уже хорошо.

Ну и отлично, ладно, я спать.

На этом Артём отвернулся к стенке и вырубился минуты за три, не больше. Храпеть не храпел, но сопел. И это сопение мешало сконцентрироваться.

Жаль, что сейчас не было музыкальных плееров или смартфонов. А то мне бы очень помогли какие-нибудь вакуумные наушники, благодаря которым я бы не слышал ничего вокруг кроме музыки.

Но, как-то погрузившись в учебник по технологиям социологических измерений, я оторвался от реальности и перестал слышать назойливое сопение.

С изучением не было никаких проблем. В памяти всплывали все нужные разделы, начиная от правил формирования выборки, заканчивая интерпретацией полученных данных. Я даже успел порадоваться тому, что наконец научился концентрироваться, будучи в этом теле.

Но моя радость быстро испарилась, когда я понял, что буквы расплывались в глазах.

Вот минут пять назад я читал главу о методах сбора данных. Вдумчиво погрузился в прямое наблюдение, затем пе-

реместился к документальным источникам и вот уже понял, что поплыл. Страниц пять пролетело мимо меня. Пришлось возвращаться.

Оказалось, что я их прочёл в состоянии транса. Никогда раньше не встречался с этим явлением. Пришлось отложить учебник ненадолго и пройтись по комнате. Вроде как восстановился и приступил дальше.

Но эта проблема вернулась спустя страниц тридцать.

Мой мозг просто не хотел усваивать эту информацию. Ему было не интересно. Поразительно. В прошлой жизни эта проблема мне была неведома. Потому что всё, за что я брался, мне было интересно.

Кроме служения в армии. Это было настолько скучно, что казалось, на целый год у меня мозг вообще отключился. А затем, когда всё это закончилось, он вычеркнул воспоминания об армии из памяти. Я помнил всё лишь урывками и какими-то пятнами.

Но сейчас мозг просто отказывался читать. Я начинал, а он отбрыкивался, словно малый ребёнок. И я ума не мог приложить, что с этим делать.

Сначала открыл окно. Морозная свежесть ненадолго привела мой мозг в тонус. Но этого было недостаточно.

Затем я начал читать стоя. Только чувствовал, что теряю нить, сразу же ложился. Затем садился на стул. А затем снова ходил взад, вперёд.

Как ни странно, все эти манипуляции мне помогали. Но

чего-то не хватало.

Я посмотрел на часы. Почти одиннадцать вечера. А я успел прочесть половину учебника. И это со всеми препятствиями, что учинял мой собственный мозг.

Надо было как-то порадоваться этому достижению. Всё-таки, предыдущий владелец не был отягощён знаниями и умением концентрироваться на предмете. А я-таки смог этот барьер преодолеть. Пусть и не без проблем.

Но мысль о том, что в прошлой жизни для меня чтение ста пятидесяти страниц учебника были лишь разминкой, сильно портила достижение. Ведь сейчас я на это потратил больше трёх с половиной часов.

Тем не менее, я себя похвалил. И даже вознаградил бы, если б было чем.

Для работы в таком теле, с таким мозгом достижение отличное. Да вот только проблемка, что технологии социологических измерений уже послезавтра, а я даже близко не был готов на том уровне, на котором нужно.

Поэтому, на следующий день сразу после пар я пришёл в НИЧ, захватив с собой учебник. Главное было выкроить пару свободных часов на работе, а затем продолжить в общежитии.

Кабанова тут же надела с поручениями. Разобрать документацию, отнести одни бумаги в один конец университета, другие в другой. Затем заглянуть к ректору, принести документы от него. Сама же она засела заполнять ещё бумаги. В общем, пыли в этой работе было предостаточно.

А я ещё и был страшно голоден.

Кристин, а у вас тут перехватить ничего не будет? Не ел весь день.

Возьми булки в шкафу, там с маком оставались.

Я обрадовался и прихватил с собой две штуки.

Спасибо!

Вообще мы на них скидываемся с получки, но тебе пока можно и так. У тебя ж бедолаги даже стипендии нет.

Ну вот ещё жалеть меня вздумала?

А как не пожалеть, коли за место лаборанта ты был готов по головам идти. Получается, эта работа тебе тоже очень нужна, с тоской в голосе сказала она, А я даже не поинтересовалась твоей ситуацией.

Что ж, отличная попытка, но, чтобы сдать психологию и поведенческие особенности в трудовых коллективах, этого будет недостаточно.

Нет же, возмутилась она, все мы люди, у каждого человека свой контекст. Ты тоже человек, хотя долгое время я считала тебя обычным раздолбаем, который только и делает, что дерётся, да прогуливает.

Так, мысль глубокая, Кристин, но сути не улавливаю, нахмурился я.

Да я просто хотела сказать, что возможно оно и к лучшему, что так всё сложилось. И какие бы трудности у тебя в жизни ни случились, я почему-то рада, что ты встал на путь изменения. Решил взяться за голову.

Я улыбнулся. Этот ситуативный сеанс психотерапии меня даже позабавил. И, честно говоря, я до конца не понимал, к чему она клонила. Неужели сиюминутный приступ симпатии ко мне?

Братся за голову нужно, когда всё пошло прахом. А у меня всё прекрасно, я на своём месте и скоро у меня даже будет зарплата. Это поможет мне вылезти из тех незначительных долгов, в которые я влез.

Кристина буквально загорелась.

Ну вот! Чего же ты молчал? Университет всегда старается идти навстречу тем, кто в этом нуждается, этого заслуживает, а самое главное встаёт на путь исправления.

И вот теперь стало понятнее. Оказывается, Кристина у нас комсомолка, каких поискать. Ну и коллективистка. На самом деле, ни в том, ни в другом не было ничего плохого. Однако, её очарование моим «исправлением» могло очень быстро смениться разочарованием. Поэтому сейчас я планировал подыграть, а дальше поглядим.

Если комсомолка набивалась в друзья, священный долг гражданина Союза эту дружбу принять с радушием.

Я собрал в себе все внутренние силы, пуская их на то, чтобы сдержать поток острот, уже застрявших возле горло.

Спасибо, Кристин, выдавил из себя я, жиденько улыбаясь, я, правда, очень признателен.

Я рада, что ты это сказал, она улыбнулась, И я признательна. Я так гляжу, ты с учебником по технологиям социологи-

ческих измерений ходишь? Как идёт?

Уже половину освоил, осталось всего ничего.

Это ты молодец, улыбнулась она, Слушай, я тут подумала, может быть поменяем условия нашего спора?

И тут я наконец понял, к чему она клонила всё это время. Вот плутовка хитрая.

Глава 15

Так, Кристин, я посмотрел на часы, мне уже бежать надо, бумага тьма. А я бы хотел ещё успеть подготовиться к предмету.

Я просто вижу, что ты серьёзно настроен, она говорила с паузами, Раньше, я бы ни за что не поверила. Но Пономарёв с Бакуниным обсуждали, как ты отвечал на вопросы. Ты их очень сильно удивил своими познаниями. Особенно на контрасте с зачёткой.

Ага, я понял, ты планируешь заговаривать мне зубы, чтобы я не сдал, да? уже нервно спросил я.

Нет, нет, я просто хотела, ну не знаю... она мялась, как малолетняя, как будто чего-то стеснялась.

Ну что там, Кристин? уже не выдержал я. Спор есть спор, никуда от него не деться. Мы сделали это при свидетелях.

Да, да, я знаю, всё ещё мялась она.

А что тогда? Ну Кристин, ей богу, весь день будем сидеть булочки мять? я уже чуть ли не уговаривал её, хотя мог в любой момент взять и выйти из кабинета.

И, честно говоря, если бы она продолжила дальше ходить вокруг, да около, я бы так и сделал.

Я вообще спор, как предлог использовала, чтобы ты не сбежал сразу, тихо сказала она, Может ходим куда-нибудь? У нас тут танцы будут скоро в актовом зале. Ты танцуешь?

Ах вот оно что было. А я-то грешил, думал, что Кристина хитрая змея. Девчонка-то всего-то заинтересовалась мною. Мда. И что мне теперь с этим делать?

О, нет, не получится, отрезал я.

Не получится? она запереживала. Ты не танцуешь? Ну да, конечно не танцуешь, что это я? Надо было сразу в музей предлагать. Может тогда в музей? Ты был в Политехническом? Или в Дарвиновском?

Хотела сначала пригласить в музей, но испугалась того, что я откажусь, потому что я не ботаник? Как это мило с её стороны.

Нет, Кристин, я просто одной ногой уже женат, так что ничего не получится, извини.

Как женат?

Ну ты знаешь, как оно бывает, сначала встречаешь девушку, потом вы с ней гуляете, целуетесь, а потом упал, очнулся женат! О, как.

Она аж залилась вся краской.

Ой, а я и не подумала, Кристина не находила себе места, Вот же ж дура. Извини меня. Ну я не то, чтобы имела ввиду свидание. Я просто думала погулять вместе. Без задней мысли, понимаешь?

А бывает передняя?

Что?

Передняя мысль, я махнул рукой, неважно. Побежал работать, Кристин. Спасибо за приглашение, правда, очень

приятно.

Да не за что, грустно произнесла она и, вся зардевшая, снова окунулась в свои бумажки.

А я начал носиться по коридорам. Знал я их, как свои пять пальцев, но не спешил. Делал вид, что едва заплутал то тут, то там. Чтобы у случайных свидетелей потом вопросов никаких не было. И чтобы донести не могли. А то мало ли. Как говорится, даже у стен есть глаза и уши.

Всё это время я читал учебник. И что самое удивительное, давалось чтение мне на удивление просто. Я буквально порхал по страницам. А всё потому, что находился в движении.

Видимо, если этот организм не встряхнуть, он не соизволит действовать.

Уже к девятнадцати часам я закончил носиться и вернулся в НИЧ. Там никого не было кроме Бакунина. И я понял, почему Кристина хотела поговорить сразу. Во-первых, не было ни души в НИЧе, во-вторых, она сама должна была бегать по всему универу.

Смелая, приятная. Но не в моём вкусе. Уж слишком худая. Ну как вобла, ей богу. Прямо сплошные кости. А грудь выразительная и довольно приличного размера для такой конституции тела. Удивительное сочетание, нечасто подобное встретишь.

В прошлой жизни я учился с пареньком, который мне на третьем курсе по пьянке решил выдать откровение. Сказал: «Ты знаешь, я люблю баб худых, как тростиночка, но чтобы

с большими сиськами. Дойками прям, понимаешь? И стоячими сосками. Просто нырнул бы в них и не выныривал».

Забавный был паренёк. Всегда делился подобными откровениями, когда никто не спрашивал. И ему, вероятно, Кристина бы пришлась по вкусу. Высокая, грудастая, худая.

Ну что, Дмитрий Владимирович, улыбнулся Бакунин, судьба так сложилась, что вы всё-таки с нами, да?

Так точно, улыбнулся я и приземлил кипу бумаг на стол.

Это хорошо, это хорошо, сказал он, Я в вас вижу серьёзный потенциал. Сейчас осваивайтесь пока на месте. Пыльной работы будет много. Но дальше интересней. Подключим вас ещё и к работе в разработке. Нужно будет и в библиотеке проводить время и мозговые штурмы устраивать, и чего только «не».

Рад слышать, снова улыбнулся я, поглядывая на часы.

Мой ментальный посыл он словил тут же.

А теперь можете идти, Дмитрий, вы хорошо поработали, я уж тут с остальным сам справлюсь. Завтра ждать в то же время?

А как же.

Ну что ж, тогда до встречи.

Я выпорхнул наружу с учебником в одной руке и яблоком, что реквизировал из шкафа в НИЧ в другой.

Пальцы ломило от мороза, но я не обращал внимания и перелистывал страницы, пока шёл. А когда не перелистывал, хрумкал ледяное яблоко. Оказалось, что всякие фрукты то-

же помогали мозгу прийти в боевую готовность, и я этим активно пользовался, делая успехи в концентрации каждый день.

Внезапно метрах в пяти передо мной вырос силуэт. Я, не обращая на него внимания, уткнувшись в книгу, чуть скорректировал маршрут влево. Уж больно интересно было читать про последовательность стадий постановки вопросов по уровню сложности.

Поваренко, как и Ядов, чётко знал, что нельзя начинать социологический опрос со слишком сложных вопросов. Тут, как и в художественном произведении, нужно было начать с чего-нибудь простенького, понятного и не отталкивающего.

В конце концов задача рецепиента не только выстроить ядро социологического исследования, но и сделать так, чтобы как можно большее количество респондентов прошли опросник.

Помимо этого, нельзя было забывать о том, что многие респонденты могли попросту устать в процессе от сложности и начать отвечать халатно. На отвали. А могло быть и того хуже начали бы врать.

Всё это сильно вредило чистоте исследования. А грязное исследование будет плохо цитироваться. А плохое цитирование это смерть в неизвестности среди коллег учёных.

Поэтому со всеми этими нюансами стоило работать грамотно. Знание дела, а также грамотный научный подход вот в чём сила.

Я так увлёкся, что не заметил, как силуэт окончательно перегородил мне путь.

Стоять! скомандовал голос.

Я недовольно закатил глаза и наконец решил посмотреть, кто же мне тут осмелился мешать.

К моему удивлению это был мой старый знакомый. Полароид, который решил на днях проверить меня на рефлексy и ушатался о мусорный бак.

На надбровной дуге у него было пять швов. Мда, приложился знатно.

О, я тебя знаю, сказал я, ты помойная крыса, из-за которой я чуть не лишился работы. Сдрисни, будь так любезен, мне не до тебя.

Чего сказал?! он вроде как и хотел быкануть, но тут же сам себя осадил. В смысле, я тебе же ничего такого не сказал, чего базаришь некультурно?

А с тобой можно культурно? Ну давай культурно, я сделал вдох, Неуважаемый, месье, соблаговолите проследовать в сторону, ведущую на детородный мужской орган. Искренне благодарствую.

С этими словами я попытался его обойти. Но он всё не давал. Как назло, вокруг не было ни одного свидетеля, которого я бы мог использовать, как предлог для побега.

Потому что вот возиться с Полароидом мне точно не пристало. Завтра будет день икс, когда я выступлю перед всем потоком. И я должен получить автомат. Иначе это будет ка-

тастрофа. А я всё ещё не был уверен, что выучил всё достаточно хорошо. У меня оставались серьёзные пробелы, которые не компенсировались знаниями из прошлой жизни.

Что? он нахмурился. Короче, не суть. Ты как это сделал? Сделал что? я вновь закатил глаза.

Как ты так двигался? Ты очень хорошо двигался. Я не мог по тебе попасть вообще. А потом ты наступил на лёд, но ты не поскользнулся. А я поскользнулся. Как ты это делаешь?

Годы тренировок, малыш, ответил я, откусывая яблоко, А ну да, ещё я ездил в Китай, там прошёл тридцать шесть ступеней шаолиня. Ты знал, что для пребывания в отличной форме достаточно всего съесть по яблоку в день?

После этой речи он жёстко завис, переваривая всё сказанное. С одной стороны мне было интересно, почему он припёрся один. С другой стороны не было. Потому что куда интереснее дочитать учебник, а потом пробежаться по нему ещё раз, чтобы разложить всё по полочкам. Я снова попытался уйти, но он опять мне не дал.

Я уж было готовился к тому, чтобы отвесить ему. Хотя это бы и значило крах моего плана, ибо рукоприкладство это то, от чего я был намерен избавиться в первую очередь. Но так кулаки чесались, не описать.

А этому телу только дай волю. Я чувствовал нутром, что от Полароида и мокрого места не осталось бы. Стоило мне только реально захотеть и перестать сопротивляться.

Подожди, ты пургу какую-то гонишь, продолжал он.

Да ну? А ты стоняй в Китай, там найди шаолиньский храм в провинции Чунь-Чхэ, там будет учитель Ван, которого все будут называть учитель Вун. Главное, не называть его учитель Вон, потому что вона это корейская валюта. А учитель Ван ненавидит корейцев.

Стой!

Кажется, до него начало доходить.

Просто научи меня, сказал Полароид, А я... он замер на мгновение. Заплачу!

Нет, за слёзы я не тренирую.

В смысле дам денег.

Да что мне с твоих денег? фыркнул я.

Ну не знаю, я могу стать твоей крышей здесь на районе.

Пф-ф, ты блин с обычным асфальтом не справился, а теперь метишь в решалы? Я тебя умоляю, не смеши тапочки учителя Вана.

Ну не знаю, хочешь буду предупреждать, когда и на кого планирует выходить Череп?

И тут я уже заинтересовался.

Вот оно что, я откусил ещё кусочек яблока, И ты, Брут?

Что?

Ничего, я выкинул огрызок в сторону, Значит, сдать своего хозяина хочешь?

Да никакой он мне не хозяин! возмутился Полароид. Просто мне казалось, что с ним можно заработать денег.

А оказалось, что нельзя?

Неа.

Ну а я тебе чего сдался?

Ты переспективный.

Это ты с чего решил?

Ну как? Ты вон и в боксе величина вроде как говорят, да и с книжкой ходишь. Выглядишь умным. А значит перспективным.

А учить мне тебя зачем?

Да это так, предлог, но я был бы признателен.

Всё-то у вас предлоги какие-то находятся, буркнул я, Иди и запишись к Левановичу, он тебя всему научит. А меня не дёргай. Не до разборок мне ваших, понятно.

Да Леванович знает Черепа и других, он нас не подпускает к залу, грустно сказал Полароид.

Оно и верно, подметил я, тупым в спорте не место. Иди учись, тянись к знаниям, а только потом в спорт.

И что мне учить?

Походу, он реально видел во мне учителя и покровителя. Я уж затруднялся понять почему, но так сложилось. И избавиться от него можно было только одним способом. Поручить ему сделать то, что он никогда бы в жизни сделать не смог.

Обложку видишь? я показал на свою книжку. Основа основ социологии.

Вижу.

Вот, кивнул я, завтра идёшь в библиотеку, берёшь эту

книжку, и учишь каждый параграф. Когда выучишь приходи, поговорим. И да, когда придёшь, я спрошу по каждому параграфу. Хотя с одним запнёшься, и можешь забыть вообще о своём будущем.

В его глазах мелькнуло воодушевление.

Я не подведу, э-э, Поршень?

Для тебя Дмитрий Владимирович, я сделал паузу, Ладно, можно просто Дима. А то ты в буквах запутаешься.

Я оглянулся по сторонам.

И, кстати, если реально есть информация кого будет пресовать Череп, ты мне всё-таки дай знать.

Дам, ну я пошёл.

Подожди, я нахмурился, а тебе нафига сливать его и оставаться в банде?

Отомстить хочу.

Я приподнял брови.

Так с этого и надо было начинать!

Забыл, он помотал головой, а вот теперь вспомнил. Ты мне просто мозг забил всякими словечками. Я их нихрена не понял, вот и вылетело из головы про месть.

А чем он насолил тебе?

Девушку у меня увёл.

Вот оно что, я покачал головой, ну что ж, за такое можно и отомстить. Ты главное не совершай ничего противозаконного. Ножик носишь при себе?

Ну да, нахмурился он.

Вот выкинь его.

То есть как?

А вот так, берёшь и выкидываешь. Или ты не слышал золотого правила уличных боёв?

Неа.

Банда Черепа настолько никчёмная, что способна пугать лишь студентов-очкариков типа Мартынова?

Всё оружие, которым ты воспользуешься, может быть использовано против тебя. Кроме твоих собственных кулаков.

Ага, понял.

Но по его глазам я видел, что нифига он не понял.

Ступай с богом.

Ага, понял. Спасибо, Диман. Ну я приду, как выучу, да?

Приходи, приходи.

Он развернулся и пошёл в свою общагу, а я подождал пока он скроется и рассмеялся в голосину.

* * * * *

Вечер и ночь прошли полностью в режиме зубрёжки. Я штудировал учебник так, словно от этого зависела моя жизнь. И надо сказать я делал это довольно успешно. В памяти уже закрепились все основные материалы. Но основная проблема была в нюансах. Их-то я вспоминал и зубрил.

Мой организм постоянно нуждался в прогоне крови. Если она застаивалась, мозг становился вялым, плохо концентрировался и ещё хуже запоминал.

Поэтому чуть ли не каждые полчаса я делал по сотне от-

жиманий.

Ну долго ты ещё тут будешь спортом заниматься? рявкнул проснувшийся Артём. Ей богу, лучше бы на тренировки приходил вот так вот работать.

Я же говорил, что завязал с мордобоем. Я даже тренеру это сказал. Правда, он не поверил мне.

Глядя на то, чем ты сейчас занимаешься, я бы тоже не поверил. Спорт у тебя в крови, а твои книжки тебе не дадут ничего, кроме расстройства.

Напомни, ты лунатик или нет?

Нет, а что?

Просто подумал, может стоит сказать какую-то кодовую фразу, чтобы ты замолчал и не мешал мне готовиться.

Хмырь, бросил Артём, отвернулся и накрыл голову подушкой.

Проблема нашей общажной комнаты заключалась в том, что здесь скрипело практически всё вокруг, начиная от половиц, заканчивая столом, стулом и даже кроватью.

Послышались настырные стуки в стену. Видимо, соседям я тоже мешал спать. В итоге всё превратилась в круговорот помех. Окружающие мешали мне концентрироваться, а я им мешал своим хождением.

Поэтому пришлось пойти в общую кухню, там сейчас было гораздо спокойнее. Единственная проблема грязный, сальный пол. Отжиматься от такого не вариант. Поэтому я начал делать по сотке другой приседаний через каждые трид-

цать страниц прочтения.

На удивление методика оказалась не только рабочей, но и весьма эффективной. Знания закреплялись куда лучше, чем раньше, а я вошёл в состояние потока.

Наконец последняя страница и всё. Я закончил. Проштудировал учебник уже в третий раз за последние двое суток. Спать оставалось всего ничего. Шесть часов с хвостиком.

Несмотря на то, что сон был железобетонной частью моего плана, я попросту не уснул был, если бы не проштудировал учебник. Я правда пытался, но глаза не смыкались, а в голове царил хаос из мыслей.

Только сейчас, когда я наконец завершил начатое, я ощутил насколько сильно забились все мои мышцы. Руки гудели, ноги тоже. В совокупности я сделал тысячи полторы отжиманий, не меньше. А приседания я вообще не считал.

Завтра почувствую последствия этой ночи.

Не только мышцами, но и головой. Потому что мозг буквально распух от новых знаний. Я в него засунул столько информации за трое суток, сколько он не получал за последние пять лет.

Поэтому постепенно начиналась головная боль, которая лишь разгоралась.

Чёрт подери! Давление поднялось из-за перенапряжения.

Я положил учебник на стол и нырнул в кровать. Долгое время я предпринимал попытки заставить себя уснуть. Открывал окно, чтобы в комнату попал свежий воздух, вертел-

ся, ворочался. Однако, все мои действия привели к очередной порции проклятий из уст Артёма. Да и соседи тоже долбили в стену.

Я всем мешал, но ничего не мог поделать. Глаза попросту не смыкались, даже если я закрывал их силой. Как будто на поверхности глазного яблока был песок или что-то в этом роде.

Лишь бы не конъюнктивит.

Но помимо песка в глазах, я ещё чувствовал нарастающую пульсацию в висках. А если быть точным в левом виске и ближе к глазу. Вена буквально давила на глазное яблоко. И это вызывало просто ужасные ощущения. Головная боль та, которую я ненавидел больше всего.

И если в 2019 году я мог просто взять НПВС из своей аптечки, быстренько выпить и через тридцать-сорок минут боль уходила, то здесь у меня единственным выходом был анальгин.

Я полез в свою папку за той пачкой, что я купил на днях и с ужасом обнаружил, что она закончилась.

Дурья башка, нахрена я его ел, словно конфетки? Я был готов уже лезть на стену от боли.

Вот она побочка таких нагрузок на неокрепший мозг. Всю голову сворачивало в трубочку. Вены пульсировали так, будто их зажали в тисках, а никаких средств, которые бы облегчили мои страдания не было.

Попытки уснуть не увенчались никаким успехом. Я лишь

проваливался в дрёму, видел какие-то странные сюжеты перед глазами. Я был маленьким футболистом, который гонял мяч у себя же на лбу. И каждый удар по мячу это пульсация вены.

Открывая глаза, я понимал, что мой воспалённый рассудок решил сыграть со мной злую шутку. И я лишь надеялся на то, что к утру станет полегче.

А ещё я надеялся, что болезнь, температура, кашель и насморк вернутся снова.

Это было бы комбо ужаса, которое мне предстояло испытать в ближайшие дни.

Так вот как оно происходило, когда человек плохо планировал свою жизнь? Натужные марафоны для достижения простых целей в непростых условиях, созданных им самим. Нагрузка, которая была плохо просчитана, и вуаля, даже простейшая задача штудия учебника превращалась адский забег с перегрузками.

В прошлой жизни я бы спокойно всё проштудировал, лёг спать вовремя, а наутро очнулся бы свежий, отдохнувший, уверенный в себе.

Я бы не то, что сдал это. Я бы разорвал преподавательские вопросы, как тузик грелку.

Я снова открыл глаза и к своему ужасу обнаружил, что начало светать. А значит время примерно половина девятого утра. Ещё через несколько мгновений сработал будильник у Артёма. Тот его вяло выключил со словами.

Ещё минуток десять поваляюсь.

Я выдохнул.

Боль лишь едва утихла. Терпеть это было всё так же невыносимо. Но чуть менее невыносимо, чем глубокой ночью.

Мысли путались, однако, в отличие от того раза, когда я болел, я хотя бы мог думать. Уже хорошо.

Я медленно поднялся на кровати, опустил ноги на ледяной пол, который морозило из окна половину ночи. Это меня чутка взбодрило.

Но состояние выше чем на троечку из десяти я оценить не мог. Уже неплохо, потому что ночью вообще мне казалось, что я ушёл в отрицательные показатели.

Оставалось надеяться лишь на своё природное упорство.

Девятое января настало. Пора собираться на пару по технологиям социологических измерений, где будет решаться моя судьба.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.